

ВЕЛИКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

АНДРЕЙ ПАРШЕВ

АМЕРИКА ПРОТИВ РОССИИ

ПОЧЕМУ АМЕРИКА НАСТУПАЕТ

НОВАЯ КНИГА

АНДРЕЙ ПАРШЕВ

ПОЧЕМУ АМЕРИКА НАСТУПАЕТ

Издание второе, исправленное и дополненное

Москва
АСТ • Астрель
2005

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)6
П18

Серия «Великие противостояния»

Оформление обложки
дизайн-студия «Дикобраз»

Паршев, А.

П18 Почему Америка наступает / Андрей Паршев. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ: Астрель, 2005. — 373 с.: ил. — («Великие противостояния»).

ISBN 5-17-016516-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-05185-4 (ООО «Издательство Астрель»)

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)6

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — литература
научная и производственная
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Подписано в печать 27.01.2005.
Формат 84×108[1]/[32]. Усл. печ. л. 20,16.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 518.

ISBN 5-17-016516-1
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-05185-4
(ООО «Издательство Астрель»)

ПАРШЕВ Андрей Петрович

Родился в Москве. После окончания МВТУ им. Баумана занимался синкретическим самообразованием.

Начиная с 1996 года безуспешно пытается внедрить в общественное сознание мысли о том, что в России действуют условия рынка, а в рыночной экономике деятельность предпринимателя нацелена на получение прибыли.

Первая книга «Почему Россия не Америка» вышла в 1999 году. В ней он объясняет, что зимой в России холодно, а отопление стоит денег. Книга установила рекорд рейтинга «Книжного обозрения» по длительности пребывания в десятке бестселлеров по категории «non-fiction» (более 52 недель) и подверглась разгромной критике ведущих экономических изданий, контролируемых либерал-реформаторами.

Основной тезис этой книги о заведомо повышенной затратности российской экономики используется российскими представителями в переговорном процессе о вступлении в ВТО.

По политэкономическим взглядам близок к Ксенофонту, но политической деятельностью не занимается, противник экстремизма и национализма.

Увлекается фотографией, просветительством, охотой и стратегическим анализом.

Состав семьи стандартный.

От автора

Великий философ XX, да и XXI века, Станислав Лем любит пошутить. В одном из его рассказов описывалось изобретение, которое делало секс не приятным, а крайне отвратительным занятием. Изобретатель надеялся таким образом сделать процесс деторождения осмысленным. Он трагически погиб, линчеванный толпой жителей города, где самовольно поставил свой эксперимент.

Если бы медикамент, делающий процесс писательства крайне неприятным, в принудительном порядке добавлялся в водопроводную воду, мы имели бы только хорошие книги, по крайней мере, от городских писателей.

У вас в руках моя вторая книга. Писал я ее без удовольствия, возможно, она получилась неплохой. Удачные книги получаются не потому, что хочется написать хорошую. Хотите верьте, хотите — нет, но успех приходит, когда трудно жить, не поделившись тем, что волнует.

БУДУЩЕЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО НАСТУПИТ
хотим мы этого или нет

В конце 1970-х вышла такая странная повесть — «Альтист Данилов» В. Орлова. Некоторые до сих пор считают ее любимой, кому-то она совсем неинтересна. Одно словечко из этой книги нравится мне до сих пор: «хлопобуды». Это те, кто хлопочет о будущем, думает о нем и готовится к нему, хотя бы и в личных целях. Автор посмеивался над хлопобудами — ведь они считали, что в будущем станет выгоднее собирать бутылки, чем быть доктором наук. Кто тогда беспокоился о будущем? Может быть, только те, кто его боялся — да много ли их было? Но я как раз из таких.

Автор благодарит за ценные материалы Василия Владимировича Комарова и Александра Даниловича Гребнева, а также посетителей форумов Юрия Никитина «Корчма», Сергея Георгиевича Кара-Мурзы, ВИФ-2 и экономического форума А.П. Паршева.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Почему я беспокоюсь о будущем? Видите ли, я собираюсь провести в нем большую часть оставшейся жизни.

Ч. Кеттеринг

Однажды Бернард Шоу сказал, что когда он говорит правду, это почему-то воспринимается окружающими как самая лучшая шутка. Так оно и есть. Не подумайте, что это простейший способ прослыть остроумцем. Говорить правду трудно. Это совсем не то же самое, что говорить то, что думаешь. Но если удается подвергнуть собственные мысли критическому анализу, если удается понять, ПОЧЕМУ ты так думаешь, и нет ли в этом чужого влияния или подспудного интереса или предубеждения — то появляется шанс прийти к правде.

Есть еще распространенная ошибка — любовью к правде считают стремление говорить гадости. Тоже увлекательное занятие, но его нужно избегать, как и тяги к повторению телевизионных, книжных, рекламных или газетных штампов, искренне считая их своими мыслями. И трудно удержаться от скатывания в катастрофизм, хотя публика и любит, чтобы ее пугали.

Числится такой грешок за родом человеческим — ведь как приятно сидеть в теплом доме и слушать, как дождь стеной льет снаружи! Точно так же приятно ощущать свою безопасность, когда где-то — далеко, в отдаленном будущем, или отдаленном прошлом — ужасные бедствия. Как же удержаться от желания «попугать», если пишешь о вещах действительно опасных?

Кроме того, для человека, принадлежащего к конкретному сообществу, вполне естественно отстаивать интересы этого сообщества, даже неосознанно. А правда вполне способна оказаться не очень приятной для одной из подобных групп. Предположим, дворянин, помещик времен «Вишневого сада», вдруг осознает, что аристократия в конце XIX века — совершенно никчемная социальная группа. Что все «свои», все — родные, друзья, знакомые, девушки эти тургеневские — совершенные паразиты. Нормальный, неозлобленный человек попадает в форменную ловушку: как об этом сказать остальным? Какой выход предложить этим милым людям, способным только проживать доходы от наследственных имений, то есть эксплуатировать окрестных крестьян? Очень захочется найти что-то хорошее — вспомнить о прошлых заслугах дворянского сословия; найти примеры помещиков «современного типа» и распропагандировать их. Все это будет в какой-то степени правдой — но впустую. Как класс дворяне были обречены на исчезновение и могли пострадать в наименьшей степени, только

если бы пошли на капитуляцию. И говорить следовало именно так, а не возбуждать пустые надежды.

Но в подобной тупиковой ситуации могут оказаться и профессиональные группы, и целые народы.

Где взять внутреннего цензора, который вычеркивал бы все, продиктованное врожденной льстивостью? Или, наоборот, обидой на свою группу?

К счастью, одно из врожденных качеств человека — дух противоречия. У него назначение прикладное — позволять человеку занимать определенное место в социуме, поскольку без борьбы с окружающими результат маловероятен. Поэтому каждый конкретный человек в принципе может иногда прийти к мысли, что окружающие — неправы, что общепринятое мнение — неверно.

Развито похожее качество и у граждан рыночных обществ — дух подозрительности: что это они мне пытаются продать? Оно начинает укореняться и в нашем сознании — с кем поведешься, сами знаете. Впрочем, оно и к лучшему; нет более жалкого субъекта, чем человек с советским менталитетом в рыночном обществе. А в нем мы будем жить теперь долго, и за нами не прилетит космический корабль, как за Незнайкой на Луну, чтобы вернуть нас обратно.

Воспринимать в интеллектуальные штыки все, что слышишь, видишь и читаешь — изнурительно, но необходимо. Причем не только

исходящее от неприятных людей — и от друзей, и от близких, и от единомышленников. Это даже важнее — скорее можешь оказаться обманутым, если вводят в заблуждение непредумышленно, от чистого сердца.

Вот я и подумал, что если попытаться написать правдиво, это покажется интересным. В данном случае «правдиво» — это с недоверием к тому, что нам уже известно об интересующем предмете. А меня занимает проблема будущего — не отдаленного, а близкого, к которому уже можно и нужно начинать готовиться. На эту тему пишут, и порой очень хорошо, но нет пока книги, какую я с чистой совестью мог бы вам порекомендовать и... умыть руки.

Не подумайте, что толчком к написанию данной книги послужили празднования во всем мире весьма странного торжества — «Миллениума». И даже не таинственные события 11 сентября 2001 года и их не менее таинственные последствия. Но толчок был. Стимулом послужили несколько строк из давно забытой книги Эллиота Рузвельта, сына президента США Франклина Делано Рузвельта, «Его глазами» (Elliot Rooswelt, «As he saw it»). Она была переведена и издана у нас в 1947 году, но попалась мне в руки на книжном развале где-то в середине 1990-х. Я перелистал ее — и не купил, не было в тот момент в кармане требуемой, хотя и небольшой, суммы. Но слова эти врезались в память настолько, что я несколько раз говорил на эту тему с одним из не-

многих людей, кого такие темы искренне интересуют — Ю.И. Мухиным, редактором газеты «Дуэль», увы, имеющей все шансы оказаться сейчас среди «экстремистских изданий». А совсем недавно, при встрече в его редакции, Юрий Игнатьевич мне именно эту книгу вдруг и вручил. А раз так — тема снова всплыла, и, может быть, оказалась ко времени.

Что меня поразило в воспоминаниях сына Рузвельта? Всего несколько фраз президента, но емких. Коротко говоря, меня заинтересовали истинные причины Первой и Второй мировых войн, как они виделись главным действующим лицам эпохи всемирной трагедии. Не в публичных выступлениях (в них все ясно — «демократия», «свободолюбивые нации», «долой тиранию»...), а в относительно искренних репликах на секретных переговорах между Рузвельтом и Черчиллем. Их содержание мне показалось странным, но, по размышлении, моя реакция меня удивила еще больше. Ведь воспитанные нашим обществом читатели должны были легко воспринять именно такие циничные взгляды «буржуазных» политиков. Какие? При желании прочитайте.

Странно также, что правильный, разумный, научный подход к причинам мировых войн не был востребован теми, кто об этих событиях писал во второй половине XX века — а ведь вся необходимая информация была доступна. И мы до сих пор не рассказываем нашим детям, что же именно делили великие державы в XX веке!

Тем не менее, об этом нужно говорить сейчас — иначе события нового, XXI века, по мере их наступления, будут казаться неожиданными. А они способны стать не менее грозными, чем оставшиеся в прошлом. Если учишься водить машину, одно из самых кошмарных ощущений — когда не держат тормоза. Ты давишь на педаль, а корма грузовика накатывается неумолимо... Будущее именно таково: как ни жми на тормоз, оно не перестанет к нам приближаться. Оно обязательно наступит, хотим мы этого или нет.

Празднование «Миллениума» я считаю странным, потому что событие это стало значимым по недоразумению. Новый век и новое тысячелетие начались 1 января 2001 года, а совсем не 2000. Это частая, впрочем, довольно безобидная ошибка, до определенного момента ее делали даже речеписцы (именно так можно перевести модное нынче словечко «спичрайтер») американского президента Клинтона.

Но вот чего не было ни до, ни после помпезных увеселений — это размышлений, куда идет мир, с чем он столкнется даже не то что в новом тысячелетии, а хотя бы в новом веке. А пора бы — ведь среди нас живут, по крайней мере, несколько тысяч человек, которые, если не произойдет ничего экстраординарного, встретят уже следующий, XXII век в здравом уме. Позавидуем им и понадеемся, что им будет что вспомнить, и не только плохое.

С чего начнем? Что станет мерилом хорошей или плохой жизни людей в XXI веке? Главный критерий прост — хорошо, если большинство живущих в этом веке (а почти все ваши знакомые, уважаемый читатель, именно таковы) закончит жизнь по естественным причинам, то есть от старости, а не из-за голода, холода, войн и подобных неприятностей. Известно, что нельзя сказать, насколько был счастлив в жизни человек, пока он не умрет. Так утверждал греческий мудрец Солон, а споривший с ним лидийский царь Крез (помните — «богат, как Крез»), убедился в его правоте на собственном горьком опыте.

Попробуем подумать, есть ли у нас предпосылки к счастливой и спокойной жизни — или чего-то все же не хватает...

В отличие от футурологов середины прошлого века, нынешние пишущие на эту тему авторы пессимистичны. Большинство считает, что в XXI веке человеческая цивилизация «покатится под гору», без малейших шансов вернуться на достигнутые в XX веке вершины. Более того, многие из них ожидают всемирной катастрофы, в результате которой численность человечества сократится раз в 10–20, а экономика уцелевших стран вернется к натуральному хозяйству. Самое печальное, что эти авторы не всегда производят впечатление ипохондриков — напротив, они, как говорится, хорошо информированные оптимисты.

Есть, конечно, и оптимисты, даже целые организации, обещающие невероятный расцвет —

но их прогнозы основаны на не слишком вероятных или совсем невероятных допущениях или вообще непонятно на чем.

Не станем перечислять все, что может произойти неприятного. Неприятности нужно попытаться оценить, классифицировать по их важности и вероятности.

Плохо, когда пророчат беду, но это честное поведение. Реакция — дело предупрежденного.

Очень плохо, когда об опасности знают, но молчат. В обычной жизни на этот случай существует даже статья Уголовного кодекса, в жизни же политической все сходит с рук. Я даже не рассматриваю случай, когда пастушок истошно кричит «Волки, волки!», а в это время небритые дядьки сноровисто забрасывают овец в кузов грузовика. Хотя бывает, что информационным шумом прикрывают чей-то интерес, катастрофический для жертвы.

Очень нехорошо, когда предупреждают сразу о многих опасностях, пусть даже реальных. Ведь степень их тяжести всегда различна, а на борту «Титаника» не время и не место борьбе с холестерином. Это почти то же самое, что предупреждать об опасностях несущественных и призывать к борьбе с ними, расходуя ресурсы, требующиеся для борьбы с реальными угрозами. Кстати, подобный пример мы наблюдали совсем недавно: много лет велась борьба с пересыханием Каспия; теперь там уровень воды повышается. Если бы поверили тем, кто предупреждал об этом! Но сейчас мобилизовать необ-

ходимые ресурсы на строительство дамб и переселение жителей из поселений, оказавшихся под угрозой, почти невозможно. Значит, снова беженцы, а то и жертвы... мало нам их из-за других причин.

Необходимо найти самое главное звено, о котором говорил один известный человек (В.И. Ленин. — *Прим. ред.*), и, взявшись за него, мы вытащим всю цепь. Что же это за звено?

Стоит ли ждать, что кто-либо вместо нас оценит готовящиеся угрозы? Кто — специальные, кем-то уполномоченные люди? Правда, такие есть, но пусть они занимаются своим делом. Даже у ядерного реактора системы безопасности многократно продублированы, а реальный мир куда опаснее, и у нас нет его чертежей. Разве вы не слышали, как видный ученый вложил свои сбережения в финансовую пирамиду или политик — совесть нации — проигрался на улице в три наперстка? Возможно, у них есть то, чего нет у большинства, потому они и ощущают себя выше многих. Но зато у большинства есть житейский здравый смысл.

Этого вполне достаточно. Что, только «высший класс» будет думать о нашем будущем? Нет уж, нельзя перекладывать на них эту обузу. Если о завтрашнем дне начнет думать рабочий, крестьянин, мелкий предприниматель — то можно не отягощать «бояр и светлых князей», сами задумаются.

Итак, приступим. Мужественно и решительно.

Часть 1

ПОТЕПЛЕНИЕ

ДРОЖЖИ ЛИ МЫ?

Кто делал домашнее вино, знает, что крепость его достигает самое большее 12°. Почему?

В исходном материале поселяются винные дрожжи, попадая туда с поверхности ягод или фруктов, в атмосфере их споры есть всегда. Везде, где наличествует сахар, дрожжи благоденствуют. Почти везде. Питаясь сахаром, дрожжевые грибки растут, размножаются и выделяют углекислый газ и этиловый (винный) спирт. Спирт ядовит — и не только для людей. Для дрожжей, как и большинства живых организмов, также. Когда его концентрация в растворе достигает 11—12 %, дрожжи погибают, и спиртовое брожение прекращается. Можно сколько угодно подсыпать в раствор сахару — все, предел достигнут, портвейна не получится.

Так вот люди с экологическим мышлением считают, что человечеству грозят неприятности или даже гибель как у дрожжей. Человек потребляет природные ресурсы, выбрасывает от-

ходы в окружающую среду и дело может закончиться тем, что среда перестанет подходить для человека. Он, как дрожжевой грибок, задохнется в собственных испражнениях, хотя ресурсов будет еще достаточно.

В одном фантастическом рассказе сочинили, что руководители крупнейших промышленных корпораций — в действительности инопланетяне, готовящие Землю для своей расы, живущей в радиоактивной атмосфере из сернистого газа при температуре 70°. Весьма правдоподобно, психологически многие из них несомненно таковы, фантаст мог ошибиться лишь в физиологии.

Но попробуем, не страшась, заглянуть за горизонт. Что же конкретно нам угрожает? Раньше все боялись банального химического отравления и загадочно-трагического радиоактивного заражения. К химическому загрязнению мы то ли притерпелись, то ли научились с ним бороться; во всяком случае, трудно найти на Земле место, где ситуация с этим сильно ухудшается. Радиационное — ну, в прессе иногда проскакивают приступы паники, организуемые людьми, неспособными воспользоваться копеечным индикатором. Ведь в отличие от многих загрязнений, радиоактивное определяется проще всех. Да и нет сейчас на Земле действительно опасных для здоровья радиоактивных зон. Разве что вокруг Чернобыля — и то сомнительно.

Сейчас, на рубеже тысячелетий, наиболее популярны две экологически-катастрофичес-

ких темы: глобальное потепление и озоновые дыры. Причем первая угроза лидирует с большим отрывом от второй и всех прочих. Само по себе глобальное потепление вреда не принесет — градусом больше, градусом меньше — все боятся повышения уровня океана, слишком много городов расположены на высоте всего лишь 1–2 м над нынешним уровнем моря.

В чем же суть дела?

ЗЕМЛЯ, КОНЕЧНО, НЕ ВЕНЕРА, НО...

— В Гидрометцентре вчера банкет был.

— А что за повод?

— Десять лет как погоду угадали.

Анекдот

Многие считают, что глобальное потепление угрожает нам из-за промышленного тепла. Все знают, что человек расходует различные виды топлива во все увеличивающихся объемах. Бо́льшая часть энергии от минерального топлива сразу уходит в атмосферу в виде тепла. В школе мы узнали, что КПД паровоза — 4 %. Оказывается, КПД электролампочки, в конечном итоге, даже меньше. Она переводит в свет 10% получаемой ею энергии (остальное излучается в виде тепла), но до конечного потребителя — квартир — доходит лишь около 30 % энергии, содержащейся в топливе! Остальное теряется по пути от генерирующих мощностей,

да и КПД преобразования энергии из одного вида в другой никогда не достигает 100 % даже теоретически (обычно считается, что преобразование в электричество различных видов энергии производится с обобщенным коэффициентом 38,46 %). В результате вся энергия, расходуемая в быту, промышленности и на транспорте, нагревает атмосферу. Логично предположить, что равновесие между притоком тепла от Солнца (а нас обогревает только оно, тепло из центра Земли незначительно) и излучением от Земли в космос несколько смещается, и потепление на нашей планете растет.

Звучит правдоподобно: в городах, особенно крупных, явно теплее, чем вдали от них, особенно это заметно в Москве — разница градуса в два-три, не меньше.

Но предполагаемая причина глобального потепления иная. Подобные Москве мегаполисы, вместе взятые, занимают лишь доли процента земной поверхности. Растапливая печки, мы вряд ли изменяем температуру земной атмосферы: простые расчеты показывают, что обогрев Земли Солнцем на много порядков существеннее результатов деятельности человека, и чем сильнее мы обогреваем планету, тем больше она, как орбитальная станция, излучает тепла в космос.

Ученые вероятной причиной глобального потепления считают иную. С чего все началось?

Когда на вторую от Солнца планету — Венеру — впервые опустились советские космичес-

кие станции, оказалось, что там несколько жарче, чем предполагалось расчетами — 400—500° С. Следовательно, для колонизации землянами эта планета совершенно не годится. Немного отвлекусь: даже если Венеру удалось бы несколько охладить, снабдить водой и азотом (для чего нужно только уронить на нее пару подходящих спутников Юпитера) и связать в атмосфере излишний углекислый газ — жить на ней все равно было бы нельзя. Она вращается вокруг своей оси слишком медленно, в тридцать раз медленнее Земли. Пятнадцатисуточный день и пятнадцатисуточная ночь — ну что это за жизнь? Венера на роль запасной планеты для землян не годится, вот только если ее раскрутить, уронив спутники не отвесно, а по касательной к ее поверхности...

Но почему же на Венере такая жара? Ученые пришли к выводу, что всему виной атмосферный состав, содержащий только углекислый газ, его там существенно больше, чем всех атмосферных газов на Земле. Именно он служит причиной «парникового эффекта».

Так что же это такое? С подобным явлением мы частенько сталкиваемся. При одинаковой дневной температуре ночная бывает различной, в зависимости от облачности. Звездное небо над нами очень холодное, всего на несколько градусов выше абсолютного нуля, и тепло от нагретой земли почти без помех излучается в бескрайний космос. Именно поэтому примерно до 10 июня под Москвой чистое ночное небо пред-

вещает заморозки. А вот облачность укрывает нас, словно одеялом, и пасмурная ночь бывает градусов на 5—10 теплее безоблачной при той же дневной температуре.

Но есть существенная деталь — облака (то есть водяной туман) не пропускают тепло как наружу, так и от Солнца к нам — поэтому в пасмурный день прохладнее. А углекислый газ работает как ниппель — к планетной поверхности излучение от Солнца проходит, обратно — нет.

На базе этой «углекислотной» модели и построен страх перед глобальным потеплением. Конечно, параллель несколько сомнительна — венерианская атмосфера плотнее земной в сто раз и полностью состоит из CO_2, а в земной его всего доли процента. Тем не менее, «ученые доказали»...

Схема рассуждений сторонников «теории парника» примерно такова.

Человечество использует все больше ископаемого топлива. Сжигаемый уголь превращается в углекислый газ, нефть и природный газ — в воду и опять-таки CO_2. В атмосфере растет его процентное содержание, и он не выпускает в космос инфракрасное излучение от нагретой поверхности Земли, создавая «парниковый эффект». Но мало того — если среднеземная температура поднимется на несколько градусов, климат «сорвется с цепи», и в полярных областях потеплеет на 10° С: ледники растают, и уровень океана поднимется на десятки,

а то и сотни метров. Уйдут под воду Лондон, Нью-Йорк и Токио, тайфуны и ураганы разметут остальное.

Такова апокалиптическая картина. Правда, чаще всего она встречается в самом устрашающем виде в популярной литературе.

Картина впечатляет, тем более что значительная часть человечества живет почти на уровне моря, а он существенно менялся, даже сравнительно недавно. Каких-то 12 тыс. лет назад Северного моря не существовало, а Англия не была островом. Изменился климат, закончилось оледенение — и Балтика соединилась с океаном, а Британские острова отделились проливом Ла-Манш от континента. Видите, уровень океана действительно меняется.

Более того, в памяти человечества остались примеры катастроф подобного типа. Например, меньше тысячи лет назад за одну ночь утонула целая страна — Фризия, погибли десятки, если не сотни тысяч людей. Теперь там лишь цепочки островов. Правда, произошло это до промышленной революции и вряд ли из-за углекислого газа.

Что ж, признаем существование проблемы. Но сначала проявим здоровый эгоизм, определимся: а вообще чья она? Может, хватит нам думать за весь мир? Чай не маленькие, со своими трудностями справятся сами. Если это касается нас — нужно готовиться, если нет — есть МЧС, палатки можно послать, одеяла.

Так захватит нас всемирный потоп — или отсидимся? Страшновато, гор в России немного, не Кавказ... На сколько вода-то поднимется? Попробуем, как древний Ной, прикинуть. Он ведь, прежде чем начать строить ковчег, наверное, принял решение? На чем-то оно было основано?

Разобраться несложно. Сначала возьмем самый крайний случай — что все ледники на Земле растаяли. Что станет со всем миром и с Россией в том числе?

ПЛАН ПОТОПА

В действительности ситуация такова. Ледников на Земле более всего в Антарктиде. Тоже много, но гораздо меньше — в Гренландии. Точных цифр по их объемам я не искал, но прикидка по картам, исходя из площадей и высот, дала для Антарктиды и Гренландии, вместе взятых, около 17 млн км^3 льда. Если разнести это количество по площади Мирового океана, получится слой примерно в 70 м. Это максимальные оценки, с округлениями в бóльшую сторону: например, я не учитывал, насколько увеличится площадь океанов, когда края континентов покроются водой.

70 метров — это чуть больше 20-этажного дома, 500 ступенек. Оказывается, России это принесет много вреда... но не смертельного. Россия в основном находится выше 100 м над уровнем

моря (отчасти поэтому и климат посуровее). Мировой океан не прорвется в Каспий по Кумо-Манычской впадине или вдоль Волго-Дона (когда-то там были морские проливы), ни Астрахань, ни Дербент не утонут. Даже часть наших приморских городов, Сочи или Владивосток, уцелеет.

Из крупнейших потерь — затопит Санкт-Петербург. Ладожское озеро и Онежское станут частью Балтики, но море остановится где-то на подступах к Тихвину. И дорога к теплому Черному морю не станет короче, хотя в Крым придется переправляться на пароме. Даже «Царская тропа» под Ялтой уцелеет, и кое-какие из санаториев и домов отдыха тоже.

Самые большие потери придутся на арктические тундры (по площади) и экспортеров-импортеров (по деньгам) — все морские порты и нефтяные терминалы перейдут в распоряжение Нептуна, да и спрос на нефть и газ в Европе упадет... Не компенсируется ли это общим улучшением условий на оставшейся территории России? Конечно, ведь повышенных температур и роста осадков так не хватает нашему сельскому хозяйству, да и Севморпуть круглогодично проходим (черт, как нефтеэкспортерам-то удобно!). И величина отопительного периода на пару сотен градусосуток (есть такой термин в коммунально-хозяйственной науке) меньше — какая экономия топлива!

Конечно, другим будет много хуже. Некоторые страны вообще исчезнут с поверхности, под

водой окажутся места проживания огромного количества людей — особенно опасно это для Китая. Вот кто должен особенно бояться глобального потепления! Там это коснется сотен миллионов людей и самых развитых «особых экономических зон». И в Бангладеш десятки миллионов живут почти на уровне моря, и еще кое-где.

Ведь 20% населения мира проживает сейчас в прибрежных городах — не знаю, правда, многие ли из них находятся ниже 70 м от уровня моря. Половина населения Земли живет в стокилометровой зоне от моря-океана — но Россия и этом отношении редкое исключение. Из 10 крупнейших городов мира — 9 прибрежные, из 50 крупнейших — прибрежных две трети.

Да, проблем у них — у остального мира — действительно, хватает. Но ведь удовольствие жить у моря должно же чем-то компенсироваться?

Увлекательное это дело — посидеть над физической картой Земли и представить себе мир глобального потепления. Где там плавал Кевин Костнер в своем «Водном мире»? Жаль только, что подобные карты не очень подробны, и линии высот там проводятся обычно через 100 м — прикидки получаются не совсем точными.

А еще жаль (конечно, только с научной точки зрения), что проверить эти расчеты практикой не удастся. Океан ни в коем случае не поднимется на 70 м, по крайней мере из-за таяния

мирового льда. Все прочитанное — шутка, если вы еще не догадались.

Ведь даже при повышении температуры на несколько градусов таяние затронет только окраинные зоны ледников. Ну было на Южном полюсе —80° С, а станет —75° С. Велика разница? Тем же климатологам хорошо известно, что ледяные шапки имеют древнюю историю, они пережили несколько оледенений и межледниковых периодов, во время которых на Земле было порой гораздо теплее, чем сейчас. Гляциологи работают с ледяными кернами возрастом в сотни тысяч лет! Не таяла и Антарктида, даже когда Европа была покрыта магнолиевыми лесами. В общем, основная масса ледников Земли к глобальному потеплению устойчива, а с повышением уровня моря на сантиметры, даже и на десятки, голландцы и китайцы справятся. Последние, окружив дамбами своенравную Хуанхэ, добились того, что в нижнем течении эта немаленькая река течет кое-где на высоте 40—50 м над окружающей густонаселенной равниной.

Кстати, нужно напомнить временну́ю шкалу. Так что было на Земле миллион лет назад? А десять миллионов? Десять тысяч? Когда там бродили динозавры-то? В школе учились давно, подзабыли, поэтому я специально заглянул в книгу, освежил представления.

В действительности десять тысяч и десять миллионов лет — различные сроки, но условия на Земле и тогда уже сильно отличались от юрского периода.

Десять миллионов лет назад никаких динозавров уже давно не существовало, а животный и растительный миры были похожи на нынешний — тоже были цветковые растения, птицы, млекопитающие, но только значительно более разнообразные. Одних слонов, живших в самых различных условиях, насчитывалось десятки видов, вплоть до экзотических, с бивнями в форме лопаты или ковша экскаватора (видимо, ими они копали корни в болотной почве). И было чуть теплее.

А миллион лет назад мы вообще встретили бы среди зверья массу знакомцев вполне современного вида, но также немало и ныне вымерших (не без нашей помощи). Некоторые считают, что и люди современного типа уже появились, а уж различных обезьян и полуобезьян все же было существенно больше, чем сейчас. И климат был в среднем теплее, хотя на Земле того времени, естественно, были и Арктика, и тропики, которые не слишком отличались от современных.

И вот в течение последнего миллиона лет (примерно, конечно, точные временные рамки все еще обсуждаются и уточняются) на Земле случилось несколько ледниковых периодов. В среднем они продолжались более 100 тысяч лет каждый, перемежаясь теплыми периодами с погодными условиями типа нынешних. Межледниковья, увы, короче ледниковых периодов. В частности, предыдущие наступили в период 420—390 и 170—115 тысяч лет назад. Именно

предыдущие — есть все основания считать, что мы живем в межледниковый период. Когда, как и почему он закончится? Неизвестно. По аналогии, точнее, по логике событий — ледниковым периодом.

Последний же ледниковый период длился около 100 тыс. лет. В это время уже появились люди современного типа — пока еще охотники, в Европе — только по ее южным и западным окраинам, поскольку лишь эти регионы были свободны ото льдов. В основном жили они где потеплее, в Азии и Северной Африке, а 40 тысяч лет назад проникли в Австралию.

Закончился последний ледниковый период около 15—20 тысяч лет назад. После этого человек и заселил современный мир, проник в Америку, а первый земледелец, принято считать, появился примерно 10 тысяч лет назад. Тогда и началась современная земная цивилизация и понеслась по Земле подобно степному пожару.

Наше же государство существует на Восточно-Европейской равнине чуть больше тысячи лет. Это так, для информации и сравнения.

Главное же и самое неприятное, как вы уже поняли — неизвестно, почему же происходили ледниковые эти периоды.

Но вернемся к современным ледникам. Что касается плавучих льдов — то даже их полное таяние не приведет к подъему уровня океана — известная школьная задачка. Есть еще на Земле и горные ледники, более чувствительные к глобальному потеплению, чем Антарктический

и Гренландский. Но они малы по объемам, их потенциал существенно ниже — растаяв полностью, они способны поднять уровень океана всего на полметра. Если говорить всерьез, это создаст массу проблем, причем исчезновение ледников в горах Средней Азии может стать настоящей катастрофой для этого региона — люди останутся без воды. Более того, ледники там действительно постепенно уменьшаются. Кстати, не совсем понятно, почему это происходит, к тому же без пользы для местных водоемов — подъема уровня воды там не происходит, напротив, Аральское-то море почти высохло. Отступление ледников, и не только в Средней Азии, идет весь XX век, начавшись до появления газовой плиты на наших кухнях.

Но согласитесь, даже эти гипотетические полметра — не всемирный потоп.

Но опять-таки — почему при повышении среднеземной температуры всего на один градус растают, к примеру, горные ледники? Да такие колебания от зимы к зиме — обычное дело. Кстати, а есть ли оно, потепление-то, в действительности?

Оказывается, ситуация такова: за последние 100 лет зафиксировано глобальное потепление в 0,45 ± 0,15° С (то есть кто-то признает 0,3° С, кто-то — целых 0,6° С). О точной величине пока не договорились, и вот почему: современная среднеземная температура хорошо известна, а вот какова она была сто лет назад? Существует проблема достоверности замеров, ведь немно-

гочисленные метеостанции XIX века в XX оказались в черте городов с их более теплым микроклиматом, фиксируя, естественно, более высокую температуру).

Определен и подъем уровня Мирового океана — на 4 см. Несколько повысилась и концентрация углекислого газа, примерно на 20 % к значению 100-летней давности (вообще-то его в атмосфере 0,03 % по общему объему). Отступление же горных ледников зафиксировано давно: в Исландии, по крайней мере, с 1860 года. Не рано ли говорить о глобальном потеплении именно из-за парникового эффекта? И тем более о всемирном потопе?

Да, а надолго ли это увеличение концентрации углекислого газа? Ведь хорошо известно, что растения при избытке CO_2, усваивая его, растут лучше. Может быть, океанский планктон и сибирская тайга смогут поглотить излишки, сбалансировать состав атмосферы? Между прочим, в последние годы объективно зафиксирован рост биомассы, скажем, западноевропейских и российских лесов.

И кстати — даже если глобальное потепление составит один градус, то почему в районе ледников оно будет в 10 раз большим? Подобные утверждения встречаются, но это как бы гипотеза внутри гипотезы. Кто это доказал? И как?

Среди сторонников «парниковой катастрофы» нет единодушия о ее вероятных масштабах, и наиболее авторитетные из них не обещают чего-то библейского. Предельное потепление, в

случае удвоения концентрации углекислого газа, составит от +1° С до +4° С. Во втором отчете Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) при сохранении нынешних тенденций обещается к концу XXI века дополнительно +2,5° С.

А точно ли, даже в случае потепления, ледники уменьшатся в объеме? Этого также никто не доказал. Вполне вероятно, что при повышении глобальной температуры уровень океана не изменится, а то и, напротив, понизится. Ведь с повышением температуры усилятся и осадки, таяние окраин ледниковых щитов может компенсироваться повышенным выпадением снега в центральных частях ледников.

Перечень параметров, необходимых для решения вопроса об уровне океана, займет не одну страницу. Любопытные, конечно, спросят: а где бы этот перечень увидеть?

Литература на тему природных катастроф и изменений климата обширна, но на мой взгляд наиболее полны и информативны работы геофизиков так называемой «ленинградской» школы, а наиболее известны из них К.Я. Кондратьев и В.Г. Горшков. Ссылками я вас затруднять не буду, но в основном привожу фактический материал из монографии в двух томах «Экодинамика и геополитика» К.Я. Кондратьева, В.К. Донченко и Ал.А. Григорьева.

Первый том как раз и посвящен вопросам изменения климата и окружающей среды вообще (второй содержит историю природных ката-

строф — тоже чтение небезынтересное). Освещается и история вопроса о глобальном потеплении — в том числе описываются существующие модели природных процессов, в частности, модели климата Земли, а также результаты моделирования.

Кирилл Яковлевич Кондратьев — один из наиболее компетентных специалистов в области физики атмосферы Земли, дистанционного зондирования Земли и атмосферы и смежных дисциплин, которыми он занимался всю жизнь, действительный член РАН («настоящей» Академии, а не одной из сотен, созданных в последние годы) и нескольких авторитетных иностранных и международных научных обществ. Был он, кстати, проректором по науке и ректором Ленинградского государственного университета, сейчас работает в Научно-исследовательском центре экологической безопасности под руководством В.К. Донченко.

Я порекомендовал бы эту книгу всем интересующимся нашей темой, но «Экодинамика и геополитика» малодоступна: во-первых, издана тиражом, увы, лишь 830 экземпляров; во-вторых, достаточно специальна. Один только перечень использованной литературы по объему почти равен книжке, которую вы держите в руках. Но очень многим, далеким от физики атмосферы людям, не помешало бы знать некоторые положения и выводы, изложенные в монографии. Они идут вразрез с укоренившимися в массовом сознании мифами, и академик

Кондратьев, кстати, уже подвергался из-за этого нападкам невежественных журналистов.

Я не стану представлять себя глашатаем, выступающим от имени специалистов, поскольку не уверен полностью в правильном понимании изложенного в монографии материала, но цифры, факты и положения использовать буду. Ответственность же за корректность и релевантность цитирования — естественно, на мне. Постараюсь особенно не искажать.

Например, в книге приводятся примерно такие положения: все прогнозы глобального потепления построены на результатах компьютерного моделирования. Но все существующие модели климата, несмотря на некоторые удачи (например, удалось получить десятилетние циклы некоторых реально происходящих в океане природных явлений), — очень приблизительны и не учитывают многих значимых факторов. Дословно: «...даже самые сложные трехмерные глобальные численные модели климата все еще далеки от способности достаточно надежно воспроизводить изменения реального климата и, в частности, — достоверно оценивать вклады различных климатообразующих факторов (в том числе — усиливающегося парникового эффекта атмосферы)».

Например, помимо парникового эффекта (не только за счет CO_2, но и некоторых других веществ), существует и обратная тенденция — выхолаживание атмосферы из-за атмосферных аэрозолей, особенно сульфатного. Сульфатный

аэрозоль — это не тот, что из бытовых баллончиков. В нефти и особенно в угле содержится сера, при горении она окисляется и попадает в атмосферу в виде окислов. Эти окислы служат центрами конденсации водяного пара, поэтому образуется дополнительная облачность. Считается доказанным, что при попадании в верхние слои атмосферы больших масс пыли и аэрозолей поверхность Земли остывает.

И какой эффект сильнее — оценить очень сложно. Потепление на +0,3° С за сто лет — факт почти несомненный, но содействует ему человечество или, наоборот, противодействует — как говорится, бабушка надвое сказала.

Эксперты МГЭИК считают, что охлаждение в результате деятельности человека составляет около 15 % от потепления. То есть при удвоении содержания парниковых газов атмосфера нагрелась бы на +3° С, но из-за аэрозольного охлаждения нагрев достигнет лишь +2,5° С.

Кстати, раньше считали, что сульфаты в атмосфере приводят к «кислотным дождям». Сейчас эти опасения несколько утихли, но вот видите — возникли новые. Еще раз о моделях: важно представлять себе, что никто не гарантирует правильности оценки влияния различных факторов — и природных, и «человеческих».

Далее: не решена основная проблема — меняется ли климат сам по себе или из-за воздействия цивилизации. Например, быстрое потепление наблюдалось между 1910 и 1930 годами — только парниковым эффектом оно объяснено

быть не может. В целом климат больше потеплел за первые 50 лет прошедшего столетия, до основных загрязнений. Да, в конце 1990-х было несколько аномально теплых лет. Но за последние 2000 лет происходили и более сильные колебания глобальной температуры, чем наблюдаемые сейчас, причем как в ту, так и в другую сторону. Так при чем тут промышленные загрязнения?

Существует, например, вероятность, что реальная картина обратна — не увеличение температур из-за роста концентрации CO_2, а, напротив, из-за потепления (происходящего по неизвестным причинам) в атмосферу поступает дополнительный углекислый газ (из различных источников).

Это не только мнение одного, хотя и выдающегося ученого. Это признается и в отчете сторонников «парникового эффекта» — Межправительственной группы экспертов по проблеме изменений климата (МГЭИК-1990), одобренного участниками состоявшейся в Женеве 29 октября—7 ноября 1990 года Второй всемирной конференции по климату: «До сих пор остается неясным, в какой мере потепление глобального климата, наблюдавшееся за последние 100 лет, обусловлено природной изменчивостью климатической системы «атмосфера—океан—суша—ледяной покров—биосфера» и ростом концентрации парниковых газов».

Далее: «Имеющиеся результаты численного моделирования климата не противоречат воз-

можности антропогенно обусловленного потепления, но не могут рассматриваться как доказательные».

Иначе говоря, реальная ситуация такова:

а) потепление, подъем уровня океана и рост концентрации парниковых газов в неопасных масштабах наблюдаются объективно;

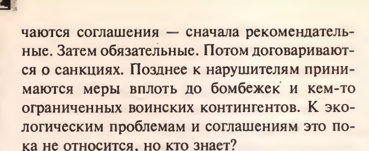
б) связь между потеплением и деятельностью человека не доказана;

в) не доказана и катастрофичность потепления.

Под «парниковыми газами» (ПГ) обычно подразумеваются углекислый газ, метан, закись азота и тропосферный озон. Обратите, кстати, внимание на последний ПГ в списке — оказывается, рост именно его концентрации вызывает у специалистов беспокойство. Вернемся к этому несколько позже.

КИОТО

Как известно, «беспокойство специалистов» в любой области человеческой деятельности само по себе видимых следов не оставляет. Если же оно передается политикам (иногда бывает и наоборот), то в действие приходят и экономика, и государственная мощь. В наше время все обычно начинается с различных международных форумов, конференций и так далее, где принимаются те или иные декларации. Заклю-

чаются соглашения — сначала рекомендательные. Затем обязательные. Потом договариваются о санкциях. Позднее к нарушителям принимаются меры вплоть до бомбежек и кем-то ограниченных воинских контингентов. К экологическим проблемам и соглашениям это пока не относится, но кто знает?

Поэтому отвечать за свои слова должны все — и ученые, и популяризаторы-журналисты, и политики. Чрезмерное и частое битье в рельс, сами понимаете, чревато отдаленными последствиями — стойким иммунитетом общественности даже к обоснованным предупреждениям. Но помимо отдаленных последствий, возможны и близкие — международные конфликты из-за экологии. Глупо получится, если война начнется из-за ошибки в научном прогнозе.

Что же касается изменений климата, то беспокойство специалистов уже перешло в начальную стадию политического процесса.

На конференции в Киото (декабрь 1997 года) была принята Конвенция по климату, согласно которой развитые страны должны стремиться к сокращению выбросов ПГ, в первую очередь — углекислого газа. Сроки долгие — до 2050 года и даже далее (или ишак сдохнет, или эмир скончается), меры рекомендательные. России и Украины они касаются мало — требуется только не увеличивать нынешний уровень выбросов — а нам это запросто, наша промышленная деятельность и так только падает. С 1990 по

1994 годы мы сократили выбросы на 30 %, но, по-моему, этого не заметил никто.

Впрочем, хотя от развитых стран и требуется снижение к 2010 году «эквивалентной концентрации» на несколько процентов по сравнению с 1990 годом (в основном на 6—8 %), они не очень-то настроены собственные требования выполнять. Пока из крупных стран условия Киотского протокола соблюдает только Германия.

Киотским протоколом очень недовольны, например, американцы — и многие американские ученые, в том числе. У нас мало известно, почему. Но там это один из острых внутриполитических вопросов, водораздел между демократами и республиканцами. Демократы очень озабочены «парниковым эффектом», их кандидат в президенты 2000 года Альберт Гор написал целую книгу на эту тему, а республиканцы считают все это глупостями. Нужно сказать, академик Кондратьев даже послал нынешнему президенту США письмо с поздравлениями по случаю его избрания, заодно высказав мнение, что разговоры о «парниковом эффекте» — вежливо говоря, спекуляции. Не знаю, совпадение или нет — но Буш вскоре заявил об одностороннем отказе от ограничений Киотского протокола.

Но от них не в восторге и некоторые развивающиеся страны: хотя им некоторый рост загрязнений (а значит, и промышленности) разрешен, но лимитирован. Это-то понятно: какие

ограничения? Один американец по выбросам в атмосферу эквивалентен нескольким десяткам, если не сотням, индийцев! Когда же индусы достигнут аналогичных американским масштабов потребления, если на них будут еще и ограничения накладывать? Ведь экономики без выбросов ПГ пока не придумали.

Видите ли, когда говорят об «ограничениях на выбросы», то это не значит, что ограничивается только всякая гадость, которую можно и не выделять, если поставишь какие-нибудь фильтры. Ограничивается промышленная деятельность, потому что если хочешь получить на тепловой электростанции какую-то мощность, нужно сжечь определенное количество топлива и получить сколько-то углекислого газа. Ни химии, ни термодинамики не отменишь.

Вышеупомянутая «эквивалентная концентрация» — показатель, учитывающий выброс различных веществ, не только углекислого газа. Как перечисленных, так и еще некоторых. В Киото к парниковым газам тропосферный озон не отнесен, зато добавлены гидрофторуглеродные, перфторуглеродные соединения и гексафторат серы. Полный список ПГ включает несколько десятков химических соединений (перечень приводится в той же монографии Кондратьева и др.), без малозначимых. Иногда парниковым газом считают даже стратосферный водяной пар.

Можно представить сложность переговорного процесса. Одни страны топят в основном

углем, другие нефтью и «пачкают» много. Третьи державы имеют немало ядерных реакторов, но ни углекислого газа, ни озона не выделяют. У четвертых же много гидроэнергии или термальных источников, им легко требовать соблюдать чистоту от других. Поэтому согласовать интересы сложно. Возьмем частный момент: поскольку метан (CH_4) также относится к парниковым газам, ограничения по выбросам распространяются и на него. А он обильно выделяется почвой рисовых полей. Естественно, предлагаемые «странами Севера» (развитыми странами) ограничения на агротехнику риса не очень нравятся его производителям. У них есть встречные обвинения: много метана производит в процессе пищеварения крупный рогатый скот. Пусть европейцы и американцы, привыкшие есть много мяса, больше налегают на свинину — свиньи в отношении метана более экологичны. И так далее.

Так есть польза от «протоколов киотских мудрецов» или один вред?

Я сторонник мизантропических взглядов: если ограничивается почти любая деятельность человека — то это либо к лучшему, либо не повредит. Есть медицинский принцип — «не навреди»; трамвайный принцип — «не высовывайся»; дворовый принцип — «не отсвечивай». Все они означают одно и то же: высшее благо — недеяние. Чем меньше наворотишь, тем легче будет потом расхлебывать.

Для нас тем более все эти Киотские протоколы, пока не требующие дополнительных затрат, ни вреда, ни пользы не принесут. Вот если на основе этого и подобных документов нас начнут вышибать с каких-нибудь рынков, используя их как средство внеэкономического давления (что уже произошло с нормативами на шумность авиации — тоже отрасль экологии, или с магистральными автотягачами) — тогда будет нехорошо. Утешаться мы будем тем, что наказывают нас беспочвенно — никаких доказательств того, что Киотские протоколы приносят кому-нибудь пользу, нет. Они — как магические обряды — даже образованные люди порой соглашаются на их проведение: пожилым родственникам это кажется нужным, а никакого вреда уж точно не причинит.

Если только... если только у этой «парниковой паники» нет какого-то неясного пока подтекста. Ведь были примеры, когда компьютерные модели поворачивали развитие человечества.

О ПРОГНОЗИРОВАНИИ

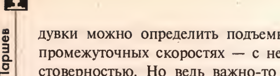
«Некий человек шел берегом реки, увидел рыбака и захотел над ним подшутить. Спрошу-ка я его, ловится ли рыба, — подумал он. Если он ответит, что нет, то я скажу, что такой дурак даже рыбку поймать не может; а если скажет, что да —

то я скажу, что такому дураку только рыбку ловить.
Решил так, подошел и спросил:
— А что, милейший, ловится ли рыбка?
На что рыбак ответил:
— Знаешь что, а не пошел бы ты к черту?»

История
про формальную логику

Не так уж давно, в XVIII веке, многие высокообразованные люди считали, что есть математические алгоритмы, позволяющие путем перестановки и замены букв вопроса получать прямо из вопроса правильный ответ. Интересно бы, кстати, проверить с помощью современной техники, вдруг такие алгоритмы действительно возможны? Набрать побольше вопросов с известными ответами и попробовать выявить закономерность. Только не ошибиться с исходным материалом, не все общепринятые истины верны, ведь Волга в действительности впадает вовсе не в Каспийское море.

Компьютерное моделирование не всесильно, увы. Причина концептуальная: строя модель, пользуются известным поведением какого-то объекта в каком-то диапазоне условий. Ну, например, продувают крыло в аэродинамической трубе; делают 10 замеров подъемной силы на различных скоростях потока, откладывают точки и соединяют их линией, скорее всего, не совсем прямой. Это уже модель. Затем уже без про-

дувки можно определить подъемную силу на промежуточных скоростях — с некоторой достоверностью. Но ведь важно-то знать ее на скоростях, в трубе недостижимых — а это нереально. Можно, конечно, продолжить линию графика вперед — но какова ее форма в действительности? Аэродинамика крыла может сильно отличаться в зависимости от условий. На практике сопротивление воздуха на высоких скоростях меняется по сложному закону, и, например, при достижении скорости звука авиаконструкторы и летчики-испытатели встретились со многими, всегда неприятными, сюрпризами.

Модели более-менее эффективны, когда поведение моделируемых объектов хорошо известно, на этом построены системы управления зенитным огнем. Там стреляешь в упрежденную точку, в которой самолет будет находиться через несколько секунд после выстрела. Все просто — в «электронных мозгах» встроена модель поведения аналогичных объектов: при таком-то положении и такой-то его траектории к моменту подлета снаряда такой объект окажется в такой-то области. А если придется стрелять в какую-нибудь летающую тарелку, движущуюся по траекториям, недоступным для земных самолетов? Скорее всего, промажешь.

И наоборот: стендовые стрелки, обычно стреляющие как раз по летающим тарелочкам, отлично поражают дичь, появившуюся внезап-

но и на сходных с тарелочками скоростях. А по лениво машущей крыльями вороне могут и пропуделять.

Предсказать поведение привычного объекта в необычных, не встречавшихся раньше условиях на основе компьютерных моделей непросто, достоверность подобного предсказания невелика. Особенно это ограничение касается многофакторных моделей, когда изучаемое явление зависит от многих параметров.

Даже если наблюдаешь за сложным объектом много лет при неизменных условиях — нет гарантии, что предскажешь его поведение всегда. Даже созданные человеком машины иногда, при редком сочетании факторов, ведут себя не так, как хотелось бы, — что уж говорить о природе?

Можно смело утверждать: рано говорить о предсказании климата Земли при изменении одного параметра — в нашем случае, температуры. Почему такая смелость? Да потому хотя бы, что адекватной модели земного климата пока нет и для обычных условий. Не умеем предсказывать даже при постоянной среднеземной температуре — что уж говорить о ситуации при повышении на несколько градусов!

Не думайте, что компьютерные модели в климатологии появились только для изучения «парникового эффекта». А обычные-то прогнозы? Сколько уже лет предсказывают погоду! Результаты предсказаний столько же лет служат неистощимым источником материала для юмо-

ристов (Джером К. Джером шутил на эту тему более века назад).

Рекомендую свой метод: я где-то вычитал, что погода меняется в среднем раз в пять дней; поэтому, если на завтра предсказывать сегодняшнюю погоду, то достоверность такого прогноза близка к 80 %. Я так и делаю, но, подозреваю, у меня есть и конкуренты.

Конечно, сейчас, благодаря компьютерным моделям и спутниковым наблюдениям, точность прогнозов повысилась — но синоптики рассказывают о совершенно невероятных «атмосферических», как в старину говорили, событиях — естественно, не предсказанных никем. А ведь проблем (принципиальных) с наблюдениями за любым погодообразующим параметром вроде бы не существует — и оборудование есть, и методики, и спутники. Но выявить взаимосвязь этих параметров, их вклад в погоду до конца все же не удается.

Прогнозы крайне важны. Важны не для того, чтобы нам, городским бездельникам, планировать свои выходные или отпуска. Экономике необходимо быть готовой к засухе или перекрытию льдами Севморпути — это гораздо важнее. Но о засухе 1972 года в России никаких тревожных предупреждений природа не дала.

Вопреки распространенному мнению, природные катаклизмы сейчас не участились. Действительно, увеличивается ущерб от них, но потому лишь, что совокупное богатство человечества растет и страховое дело улучшается —

появилось больше дорогих объектов, способных пострадать из-за наводнений и землетрясений. Изменилось и восприятие катастроф общественностью — все кивают на глобальное потепление. Да не факт это. Но и люди, и ученые (а они тоже люди) не терпят необъяснимых явлений. Лучше любое, даже заведомо неправильное объяснение, чем никакого.

Как-то зимой в 1970-х годах в Москве, ближе к вечеру, разразилась гроза. Синоптическая сводка, видимо, к тому моменту уже была в редакции программы «Время», и им пришлось уточнять ее по телефону. Когда дикторша зачитала ответ, я не поленился его записать: «Как нам сообщили в Гидрометцентре, это явление объясняется особенностями протекания атмосферных процессов». А что? И честно, и общественность удовлетворена.

Древние считали, что подобные необычные события — просто знаки, которыми боги сообщают смертным о грядущих бедах или радостях. Мощная гроза прогремела над Москвой в декабре 1993 года, в день выборов и референдума по новой Конституции. Интересно, время ее действия станет счастливым для России или нет?

В общем, пока нельзя со стопроцентной надежностью предсказывать наступление даже обычных, часто происходящих атмосферных явлений. Редких, аномальных — тем более. А прогнозы на 10, 20, 50 лет? Они жизненно важны, но нуждаются в очень серьезной проверке.

Ведь мероприятия по предупреждению катастроф или борьбе с ними очень дороги. Сколько стоила знаменитая плотина в Медео? Да сколько бы ни стоила — Алма-Ата дороже, и затраты на плотину окупились всего за несколько минут, когда она остановила серьезнейший сель.

Кто возьмет на себя ответственность за достоверность подобного прогноза? Например, очевидно, что даже при соблюдении ограничений Киотского протокола концентрация углекислого газа станет нарастать. Тем более что требования пока не соблюдаются. Ну так что, пора эвакуировать людей и города из низменностей? Пора строить дамбы? Реконструировать порты? Это сразу не сделаешь. Так, пора начинать или еще подождем-посмотрим?

Странно, что вложения в сокращения выбросов вроде бы делаются, а в предупреждение негативных последствий — нет. Почему?

Тем не менее бывает, что компьютерные модели оказывают огромное влияние на поведение людей и судьбы целых стран. Даже если никто не доказал, что они адекватны реальности.

Да, про Волгу-то! Видите ли, в гидрологии принято считать, что при слиянии рек меньшая впадает в большую. Так вот, в месте слияния Волги и Камы — Кама вдвое полноводнее. То есть «по науке» нужно бы считать, что Волга впадает в Каму, а вот Кама уже — в Каспийское море. Которое, кстати, озеро, а не море, так как связи с океаном не имеет.

АХ ТЫ, ЗИМУШКА-ЗИМА

Своего рода «промышленными отходами» (опасными для человечества) становятся и результаты военной промышленности. Все, конечно, знают, что взорвись заготовленные ядерные арсеналы — и Земля надолго станет непригодной для жизни. Облака пыли закроют Солнце, на Земле похолодает на несколько десятков градусов. Начнется «ядерная зима». Все растения погибнут, а с ними и животные. Когда пыль рассеется, эволюция начнется снова со спор гнилостных бактерий и глубоководного планктона.

Впечатляющая перспектива. Весьма утешительно, что против глобального потепления есть средство, правда, сильнодействующее. Тема «ядерной зимы» была очень популярна в 1980-е годы, затем актуальность несколько утратилась, одновременно со становлением однополярного мира, в том числе и в военной сфере. Теперь военная сверхдержава одна, и она что-то не сильно боится «ядерной зимы».

Любая война — не сахар. Ядерная тоже. Но мне с детства запомнилось высказывание Мао Цзэдуна о том, что «в период танских войн население Китая сократилось с 40 до 10 млн человек, а ведь воевали копьями и мечами». И это почти достоверный факт, статистику налоговые службы Древнего Китая вели без дураков. Это я к тому, что конкретному человеку все равно, как его убивают, световым импульсом или топором —

оба варианта ему одинаково неприятны. Для гибели блестящей цивилизации ядерное оружие совсем необязательно (именно блестящей — Танская империя, как и синхронная ей европейская империя Каролингов, в некоторых отношениях до сих пор остается недостижимой для своих наследников).

Так, может быть, не нужно считать одно оружие чем-то принципиально хуже другого? И то, и другое — зло, и может быть использовано, когда ничего другого не остается — как на пушках отливали: «Ultimo ratio regio» — «Последний довод королей». Войну ведет не оружие — войну ведут люди. Соответственно, не оружие бесчеловечно — бесчеловечны люди. И не нужно думать, что, ликвидировав ядерное оружие, мы навсегда избавимся от военной катастрофы.

Я скептически отношусь к переговорам о сокращении каких-нибудь вооружений. Что неэффективно — не станет применяться, даже если соглашений на данный счет нет. А что эффективно — станет. Вы, может быть, скажете, что проблема Хиросимы была в том, что не было тогда запрета на атомную бомбу? Извините, был четкий и категорический запрет Гаагской конвенции 1907 года (Приложение, п. 22, 23) — «Нет оправданий для неограниченных разрушений или нападений на гражданских лиц и гражданские объекты как таковые». Нагасаки был хоть военно-морской базой...

Переговоры и соглашения — скорее пропа-

ганда и средство давления на врага или соперника, чтобы он сдался без войны.

Может быть, и вам, читатель, приходилось на занятиях по военной подготовке или где еще рисовать круги поражения при ядерных взрывах и лисьи хвосты зон радиоактивных осадков, планируя различные мероприятия, типа атак или прохождения колонн. Так вот, когда данные о ядерных арсеналах стали раскрываться (в начале 1990-х, уже после популяризации «ядерной зимы») — получилось, что и ядерную войну в принципе можно вести. Да, потери при этом — свои и чужие — были бы ужасны, но если. на карту поставлены свобода и независимость Родины?

Даже «в лучшие времена» ядерного противостояния при одновременном взаимном ударе далеко не все население даже нашей страны должно было погибнуть — а нам пришлось бы выдержать нападение трех ядерных держав, далеко превосходящих нас по забрасываемой мощности боеприпасов и их количеству. Тем более уцелели бы и наши противники. И населения в странах НАТО и союзников гораздо больше, и ракетами среднего радиуса действия мы их не достали бы, а наши жидкостные стратегические ракеты только частично стояли на боевом дежурстве, остальные нужно было заправлять, а противник вряд ли дал бы нам такую возможность.

Слышал я такую байку: планировщики НАТО якобы прорабатывали два сценария

войны с СССР: удар по населению и удар по промышленному потенциалу. Получилось, что в первом сценарии Россия восстанавливается через 20 лет; во втором — через 35. Поэтому за основу был принят второй вариант, и цели намечались в основном среди промышленных объектов.

К сожалению, я не могу ни подтвердить эту историю официальными документами, ни сказать, где я ее слышал. Но в любом случае, даже если все в действительности не так, никто не станет отрицать: наши «партнеры» и раньше планировали, и разрабатывают сейчас самые различные варианты развития событий, в том числе и ядерную войну с применением «главных калибров». Зачем-то ведь они их оставляют при всех разоружениях? Значит, всерьез они «ядерную зиму» не воспринимают.

Не нужно демонизировать наших тогдашних противников, хотя ради победы они вполне могли пойти и на самые жестокие меры. Они не жестокие люди, они прагматики — так, во Вторую мировую бомбардировочная авиация союзников наносила удары целенаправленно по населению германских городов, превзойдя в этом гитлеровцев, а немцы до сих пор хорошо помнят маршала Гарриса, хотя идеологом-то был Э. Иден. Но делали это не из-за ненависти — просто посчитали, что расход бомб по таким целям эффективнее с точки зрения конечного результата — капитуляции Германии.

К счастью, ни тот, ни другой сценарий не были реализованы на практике, а свой промышленный потенциал мы уничтожили сами, сэкономив Западу на мирные цели кучу расщепляющихся материалов. И может быть, сделали ошибку, лишившись средств устрашения. Пусть американцы нам сейчас не угрожают. Кто гарантирует, что так будет всегда? В политике не имеют значения намерения — имеют значения возможности. Вот возможностей-то мы и лишились.

То есть мы, разоружившись, совсем не гарантированы от военного уничтожения, и, возможно, не повысили свою безопасность, а наоборот.

Тут вы и скажете: «А как же «ядерная зима»? Ведь ядерная война все равно в принципе невозможна, она приведет к гибели всего живого!»

Да-да, вот именно. «Ядерная зима».

Статья из словаря «Информатика в понятиях и терминах»:

«...Середина 1980-х годов — К. Саган с сотрудниками (США) и В.В. Александров с сотрудниками (СССР) строят с помощью ЭВМ математические модели последствий «ядерной зимы» и «ядерной ночи», за время существования которых в течение нескольких суток жизнь на Земле практически исчезает. Эти выводы сыграли огромную роль в формировании во всех странах «нового мышления в ядерный век»...»

Да, именно так. Почти синхронно две исследовательских группы, Карла Сагана в США и

Владимира Александрова у нас, пришли к выводу, что в случае ядерной войны выбросы пепла в атмосферу приведут к катастрофическому похолоданию. Все это, как водится, «доказано исследованиями» и «рассчитано на компьютерах».

И еще одно чудесное совпадение. Одновременно с неожиданным успехом двух независимых друг от друга исследовательских групп произошло и третье событие, без которого первые два, возможно, не сработали бы. В СССР к власти пришел М.С. Горбачев.

«Дорого яичко ко Христову дню», откуда такая синхронность? Что происходит при ядерных взрывах, хорошо знали уже в 1950-х; были и компьютеры, на которых все, относящееся к ядерным взрывам, моделировалось. Кстати, необходимость в испытаниях все равно не отпадала, заметьте. Так вот про «ядерную зиму» что-то не говорили, хотя прогнозировались действительно катастрофические варианты: например, обычная ядерная бомба с оболочкой из кобальта могла сделать целый континент непригодным для жизни любых существ, кроме скорпионов (они поразительно устойчивы к радиации). Затем об этом позабыли, поскольку никто не собирался обзаводиться подобными бомбами: как оружие кобальтовые бомбы не годятся, ведь оружие не цель, а средство победы в войне. А тут какая победа?

То есть результаты применения различных видов оружия прорабатывались. Тем не менее, пять держав официально и несколько неофици-

ально наращивали свои ядерные арсеналы — значит, считали возможным их применение. И ни в 1960-е, ни в 1970-е шума вокруг «ядерной зимы» не было слышно.

Что помогла сделать компьютерная теория «ядерной зимы»? Так вовремя родившаяся, она помогла подготовить советскую (в первую очередь) общественность к несколько неординарным решениям высшего советского руководства, или, как выражаются отдельные экстремисты, к «предательству Горбачева».

Чего больше всего боялись американцы чуть не сорок лет подряд? Советских тяжелых ракет, которые могли нести боеголовку с очень мощным термоядерным зарядом. Ими мы тоже славились. Водородные бомбы академика Харитона не обязательно было сбрасывать на Нью-Йорк — взорванные над океаном, они на много километров обнажали морское дно; на прибрежные города обрушивалась волна, как в фильме Спилберга про астероид. И это было известно не благодаря компьютерной модели — натурные эксперименты доказали это, правда, не у Род-Айленда, а у Новой Земли.

Такие заряды все же экзотика, их неудобно доставлять к месту назначения, хотя и был, вроде бы, двадцатимегатонный моноблок для тяжелой ракеты «Сатана» (SS-18 и РС-20 соответственно по их и нашей классификации). Но наши тяжелые ракеты могли также нести несколько менее мощных боеголовок. Они были чрезвычайно целесообразны: при мощности в

одну мегатонну такая боеголовка разрушает капитальные сооружения в радиусе 6—7 км, превращая многоэтажную застройку в сплошной завал, а радиус зоны пожаров составлял бы примерно 20 км. Американские города именно таковы — кучка небоскребов в центре, а вокруг этого «даун-тауна» — необозримые кварталы «одноэтажной Америки», как у нас выражаются, «индивидуальной застройки», из домиков, по конструкции сходных с декорациями Голливуда. Одной такой боеголовки вполне достаточно для уничтожения среднего американского города типа Филадельфии или Детройта, и даже крупным — Чикаго или Нью-Йорку — много не нужно. Мы видели, что происходит с небоскребом при сильном пожаре на нескольких этажах, даже если он и выдержит ударную волну. Правда, я точно не знаю, какой мощности боеголовки были у нас — предполагаю. У американцев базовая модель была мощностью в 425 килотонн — последствия от нее примерно такие же.

Мы сейчас уже забыли, насколько плохими бывали наши отношения с Америкой. Что останавливало тогда США от радикального решения проблемы? Вспомним, что американцы не стеснялись вести ковровые бомбардировки жилой застройки не только во Вьетнаме и Японии, но и в Германии — а казалось бы, тоже белая раса, тоже западная цивилизация... Уж мы-то точно для американцев не лучше немцев. По сей день при реконструкции германских городов

откапывают засыпанные когда-то бомбоубежища, с сидящими у стен скелетами женщин, стариков и детей.

Останавливало их четкое, как в ночном кошмаре, видение: преврати хоть всю Россию в подобие жерла вулкана, все равно из этого клокочущего ада вырвутся тяжелые ракеты «Сатана», чтобы расцвести в космосе праздничным фейерверком из десятков боеголовок и сотен ложных целей.

Тяжелые ракеты — «убийцы городов» — были постоянной темой на всех переговорах об ограничении стратегических вооружений, чувствуется, что эта проблема американцев сильно волновала. Слышал я даже от одного заокеанского отставного военного, что он не спал ночами, думая, как защититься от советских ракет. Говорил он, по-моему, вполне искренне.

Защиты от них, действительно, не было, даже несмотря на некоторые недостатки конструкции (в каждый конкретный момент лишь часть этих ракет могла находиться в заряженном состоянии). После некоторого срока их нужно было разряжать, сливать горючее, а затем, по графику, снаряжать снова. Американцы поэтому говорили, что это «оружие первого удара» — для ответного удара они, дескать, не годятся — значит, предназначены для нападения. Что американская «триада» уязвима, пока не взлетели бомбардировщики, и сработает во всю мощь тоже лишь при внезапном для нас нападении — на этом аспекте они вни-

мания не акцентировали. Но кому это было непонятно?

Мы выросли в ощущении реальности ядерной угрозы и единственной защитой считали свои ядерные арсеналы. Мы философски относились к вероятности уничтожения и нас, и наших противников. Но когда выяснилось, что из-за нашей драки погибнут все — тут мы дали слабину. Теперь американцы вздохнули с облегчением, самыми большими угрозами для них остались ожирение и Усама бен Ладен.

Может быть, и хорошо, что ситуация с гонкой вооружений разрешилась хотя бы и таким образом. То есть для остального мира хорошо. Пусть даже в конце концов и не в нашу пользу, а это, несомненно, так. Мы перестали быть опасными для американцев, а они для нас, в случае чего, гораздо опаснее, чем были, поскольку безнаказанны. Запад хорошо усвоил урок истории: в тотальной войне Россию не победить, но в локальной, где-нибудь на периферии ее территории — иногда возможно. Перевести противостояние именно в эту плоскость, избежать возможности большой войны, оставив угрозу небольшого конфликта, да еще не затрагивающего собственной территории, — цель, которой Запад всегда хотел достичь. Вполне естественное желание.

Тем не менее, лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Страх перед тотальной ядерной войной в значительной степени ушел в прошлое, плохо, конечно, что отчасти ценой нашей безопасности.

Но был ли реальный способ прекратить бессмысленные, изнурительные для нас игры с паритетом? Разве не прав был Энгельс, что военное производство с экономической точки зрения — лишь бросание национального достояния в воду?

Мы — бедная и холодная страна, и те же, что в США, военные усилия для нашей экономики чрезмерны. Эти флоты разномастных подлодок, танковые армады... Эти склады ракет для многократной перезарядки стартовых комплексов, бесполезные в реальных условиях ядерной войны... Сами военные признают, что перевооружение современными средствами связи и разведки повысило бы боеспособность нашей армии даже при сокращении ее вооружений в несколько раз — другой вопрос, что мы этого не сделали.

Как можно было переубедить себя и сохранить бесценные ресурсы для экономики? «Ядерная зима» заставила нас капитулировать; жаль, что не мы воспользовались полученными плодами. Может, и существовал способ переубедить самих себя и прекратить гонку в одностороннем порядке, но — какой?

Вот и урок для нас: чего только ни делали американцы для достижения своей цели, сколько средств уже потратили и каких не пожалели бы! И вот с помощью компьютерной модели неизвестной степени адекватности эта цель достигнута. Вышеприведенная статья словаря вполне справедлива: кто помнит те времена, со-

гласится, что роль «ядерной зимы» в формировании «нового мышления» нашей «элиты» огромна. Разоружение СССР было невозможно без идеологического обоснования; модель «ядерной зимы» это обоснование предоставила.

Мы еще не обсудили, а правда ли, что ядерная война действительно приведет к «ядерной зиме». Это-то как раз не очевидно. Широкого обсуждения этого вопроса в прессе я не припомню, а вот в менее зашоренном Интернете споров было много и на достаточно серьезном уровне, и на эмоциональном. Вот, кстати, несколько ссылок:

http://www.ecolife.ru/jornal/ecap/2000-3-1.shtml

http://www.conservator.ru/forums/telegraf/posts/1642.html

http://www.rgz.ru/arhiv/17.04.2001/repor/txt1.html

Замечу, что сторонники «ядерной зимы» частенько, из-за исчерпания аргументов, сбивались на моральную позицию — дескать, вы что, на практике хотите проверить? То есть доказательная база у них не слишком убедительна.

Для меня, жителя главного политического центра бывшего Советского Союза, а теперь России, проблема «ядерной зимы» представляет чисто теоретический интерес — до нее, в случае чего, я бы не дожил нескольких часов.

Да и никому и никогда не хотелось ставить такие эксперименты. Но все же: справедлива ли эта теория? «Прикидки на пальцах» такого результата не дают. Взрывы даже тысяч боеголовок над промышленными объектами, конечно, вызовут многочисленные пожары — но вы-

брос аэрозолей от них вполне сравним с известными в истории естественными катастрофами — грандиозными лесными пожарами (были даже площадью в несколько десятков тысяч квадратных километров) или взрывами вулканов. А они не привели к заметным похолоданиям, хотя попытки связать известные в истории вулканические катастрофы с климатическими были.

Анализ самих моделей Сагана и Александрова мне не знаком; но вот исходные данные проверялись, и были упреки, что некоторые из них (оценки объемов горючих веществ в городах) существенно завышены. Кстати, авторы моделей не известны в научном мире как специалисты в области краткосрочных или долгосрочных изменений климата.

Не говорю о таких мелочах, что в случае войны во время зимы растительность, находясь в спящем состоянии, перенесет «ядерную зиму» как обычную суровую. Конечно, рассчитывать на это нельзя, но тем не менее не стоит и забывать.

Похоже, исследователи ставили перед собой задачу напугать нас посильнее — и это им удалось.

Так что же такое «ядерная зима» — мистификация или добросовестное заблуждение? Другие подобные загадки разрешить легко: например, сакраментальный вопрос «действительно ли американцы высаживались на Луне» может быть решен при очередном запуске спутника. Нужно

просто заснять места высадок с орбиты, а следы астронавтов, если существуют, останутся там на тысячи лет. Это гораздо дешевле, чем готовить новые высадки космонавтов.

В нашем случае найти концы будет сложно, история «ядерной зимы» темна и, может быть, трагична. Ученый Александров таинственно и бесследно исчез во время научной командировки в Испанию.

Что ж, будем надеяться, что «ядерная зима» — не мистификация. Тогда в случае действительно катастрофического потепления потратим часть ядерных арсеналов на обстрел каких-нибудь таежных зон и, хоть и с риском, но охладимся.

Аура компьютеров и высокой науки действовала на наивных советских граждан безотказно. Даже сейчас, когда фраза «доказано исследованиями» вызывает эмоциональную реакцию, аналогичную выражению «мы сами не местные», науку продолжают уважать. На нее продолжают надеяться, хотя это не религия, а лишь один из способов познания окружающего мира для решения практических задач. Осознанно или нет — но все продолжают. Даже я. А на что еще надеяться?

ЗАДАЧИ-ТО ЕСТЬ

Кому-то мой скепсис в адрес угрозы потепления может показаться пренебрежением климатом вообще. Извините, как раз наоборот. Ме-

ня, наоборот, пугает, насколько современные горожане, составляющие большинство цивилизованного человечества, недооценивают роль погоды. Все потребляют в день свои 1,5—2 кг продуктов и считают, что появляются они прямо в подсобках магазинов.

Наши историки, частенько спорящие между собой, согласны в том, что толчком к падению династии Годуновых и Смутному времени послужила климатическая аномалия рубежа XVI—XVII веков. На Россию обрушилось похолодание — всего на один или два года. Тогда, в 1601 году, Волга в верхнем течении замерзла 18 августа; погибли оба урожая и озимых, и яровых культур. Годунов пытался поправить дело раздачей голодающим серебра, но это проблемы почему-то не решило. Трехлетнего голода государство не выдержало.

Сейчас, конечно, производство продовольствия распределено по всей планете (еще в начале XX века было не так), но переходящий запас зерна в мире сейчас рассчитан всего примерно на 60—70 дней.

Если чего, не дай Бог — проблемы неизбежны, тем более что продовольственно избыточных стран остается все меньше. Население растет везде, даже в странах с низкой рождаемостью, поскольку народы, демографически избыточные, снабжают своей продукцией регионы стабильные. В Канаде в 1990 году было 25 млн населения, а сейчас едва ли не больше 30. Мы все боимся неконтролируемой миграции в Россию,

но «беженцы» не дураки, стараются ехать все же в богатые страны.

Стоит разразиться крупной погодной катастрофе или нескольким одновременно — и продовольствие будет взять негде. Локальные сельскохозяйственные катастрофы бывают везде. Мы до сих пор помним холодное, дождливое лето 1946 года, но (утешение, конечно, небольшое) по-своему страдают иногда даже американцы. Например, в январе 1995 года в Америке произошла такая вот неприятность: в окрестностях Вашингтона из-за аномально холодной погоды погиб весь урожай помидоров в открытом грунте.

И по закону больших чисел рано или поздно несколько таких неприятностей совпадут, что станет экспериментальной проверкой устойчивости нашей цивилизации. Необходимой, потому что возможно и худшее. Вполне вероятны не только случайно совпавшие во времени неурожаи, возможны и катастрофы мирового масштаба.

Мы знаем о коренных переменах климата благодаря работам палеоклиматологов. Но вероятные климатические потрясения редко связаны с потеплениями, это касается даже засух. Казалось бы, засухи бывают от жары — но, оказывается, напротив, именно в эпоху холодного климата в последний миллион лет воздух в умеренном поясе становится более сухим. Похолодания приносят вреда гораздо больше. Мало какие растения выдерживают падение темпера-

туры ниже нуля даже на несколько часов. Но и при температуре ниже +7° С процесс фотосинтеза останавливается. У каждого сорта есть определенные требования, выражаемые в произведении среднесуточной температуры на количество дней, когда температура благоприятна. Банану нужно полгода с температурой выше 18° С; у клюквы требования скромнее, но тоже есть. Растение может в нежаркое лето не накопить питательных веществ — и урожая не будет. Одно по-настоящему холодное лето человечество переживет без катастрофических потерь; два — уже вряд ли. Да и случиться может оно без глобальных изменений средней температуры, просто зима станет теплой. Много ли в ней будет радости?

Самая крупная катастрофа — конечно, очередной ледниковый период. Теперь известно, что переход к нему — процесс не постепенный. Словно где-то замыкает огромное реле, и средняя температура на огромных территориях падает на несколько градусов в течение всего нескольких лет. Так, последний ледниковый период начался именно так: переход к ледниковому периоду произошел за 15 лет (конец эймского периода, около 115 тысяч лет назад). Обратный переход к межледниковью (то есть к тому, что мы считаем нормальным состоянием) занял 70 лет. То есть земной климат не меняется непрерывно и не может быть каким угодно: у него есть два устойчивых положения, и он переходит из одного в другое. В каждом из них

бывают и микроколебания, но незначительные.

Незначительные — в геологическом смысле. Для тех, кто живет в эпоху перемен, они очень даже значительны. То есть возможны и изменения климата на несколько градусов всего на несколько десятков лет, которые случались и в ледниковое время, и в межледниковое. И всегда эти изменения были в сторону похолоданий. Например, в период «Молодых Драйя» (понятия не имею, почему этот период так называется) — 10,7—12 тысяч лет назад — произошло падение средней температуры на 7° С на протяжении 50 лет. По загадочным причинам случилось нечто вроде временного отключения Гольфстрима, и восток Северной Америки и Западная Европа оказались «на равных правах» со всеми территориями Земли, находящимися на соответствующей широте (напомню, что в Западной Европе благодаря Гольфстриму действует «климатический перекос» — без него там было бы несколько холоднее).

Подобные явления бывали и раньше, в ледниковый период. Правда, тогда наши предки не жили в Восточной Европе (она была подо льдом), но где-то же они жили! И так называемые «события Хайнриха» — резкие похолодания на 5—6° С на период от 100 до 1000 лет — причем на фоне ледникового периода — причиняли для них, несомненно, массу неудобств.

Как вы уже заметили, я нахожусь под влиянием основополагающего принципа: «обмороженных больше, чем ошпаренных», выдвинуто-

го современным философом А. Пляцем, к сожалению, не публикующимся. Холод для нас, приматов, гораздо опаснее, чем жара, иначе гориллы жили бы в тайге и тундре.

Последние 8 тыс. лет, согласно понятиям палеоклиматологов, отличались очень ровным климатом. Но это не значит, что так будет всегда. Что если случится даже малый ледниковый период? Даже если просто «отключится» Гольфстрим лет так на 50? Пока еще безо всякого ледникового периода? Летом-то там, в Западной Европе, будет терпимо, как и сейчас, а вот зимой — как в России. А парижане не привыкли к морозам.

Долговременное похолодание смертельно опасно для человечества. Причем под угрозой окажутся нации, внесшие наибольший вклад в развитие цивилизации, их территории, несомненно, станут в основном непригодными для жизни. Так что это угроза не только для них, но и для будущего человечества. Я хорошо отношусь к африканцам, а к азиатам отношусь даже еще лучше — но все-таки без европейской науки дальнейшее развитие человеческой культуры проблематично.

Моделирование климата Земли — не что-то высоконаучное, это наука, имеющая прямое отношение к нашей жизни. Если мы терпели всяческие лишения, защищаясь от угрозы ядерного нападения, то не должны скупиться на защиту от глобального похолодания, пока хотя бы в виде соответствующих исследований. Еще ме-

нее мы должны скупиться на общественную экспертизу — понимаю, звучит тривиально, как-то по-перестроечному, но контуры подобного механизма с использованием Интернета начинают вырисовываться. Научились же распределять работу по «раскалыванию» шифров между сотнями пользователей Интернета?

Такие меры необходимы. Не стоит надувать губы: «Когда еще этот ледниковый период начнется, может, через 20 тысяч лет...» Может, так, а может, он уже в этом году начался. Но неприятности бывают и чаще, чем раз в десятки веков. Археологи подробнее, чем основную часть территории нашей страны, изучили побережье Черного моря (археологи ведь тоже люди). В последние 2,5 тысячи лет — когда оно было уже плотно заселено — уровень воды бывал тремя метрами ниже и выше нынешнего. Проектируя терминал со сроком эксплуатации лет пятьдесят, нелишне бы знать — а не поднимется ли море через десяток лет? Много на дне Черного моря городов, немало и дорог, уходящих под воду. Там были не просто экономические потери — построить новый город вместо затопленного не всегда возможно.

Я не могу взять в толк: на Балтике в местах впадения в море крупных и даже некрупных, но судоходных рек, со времен раннего Средневековья стояли города. А вот в устье Невы в средние века, вплоть до Петра, города не было. Почему? Уж не была ли та территория затоплена? А если так, то кому, как не питерцам, заботить-

ся о родном городе — вдруг опять все уйдет под воду?

Еще пример, хрестоматийный. На протяжении XX века уровень Каспия понижался. Это считалось закономерным следствием общего иссушения Средней Азии — одновременно высыхал и Арал, который сейчас, кстати, совсем не похож на свои изображения на географических картах.

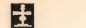
С понижением Каспия пытались бороться.

Есть на восток от Каспия морской залив Кара-Богаз-Гол; это природная сковородка для выпаривания соли. Из Каспия туда всегда текла небольшая речка, а в заливе вода испарялась. Идея была простой: испарение пресечь. После того как пролив в Кара-Богаз-Гол из Каспия перегородили, залив высох. Пустынные ветры понесли сухую соль с его дна на тысячи километров вокруг, на поля Средней Азии. Но обмеление Каспия не остановилось.

А затем, через несколько лет, Каспий начал подниматься. Как оказалось, о грядущей трансгрессии (повышении уровня) Каспия предупреждали сразу несколько ученых. Но инерция борьбы с его понижением была сильнее, и лекарства оказались сильнее болезни.

Вот чуть-чуть было потерпеть до начала подъема воды и не строить эту дорогущую дамбу! Но кому должен верить хозяйственник? И с одной стороны ученые, и с другой.

Дамба теперь пронизана водопропусками. Она сослужила свою службу, «нанеся положенный ущерб», но теперь Кара-Богаз-Гол снова полезен,

сдерживая подъем Каспия — под угрозой сельскохозяйственные земли и некоторые города.

И опять-таки — серьезного общественного обсуждения проблемы не было. Ведомства отстаивают собственный интерес; научные группировки блокируют оппонентов; допуск к прессе диктуется политикой СМИ, которая сама непонятно кем определяется. Как избежать контроля заинтересованных кругов при обсуждении касающегося всех вопроса — загадка. Это я не только о климате.

Кстати, а почему эти подъемы-то происходили? Мы же вроде бы выяснили, что причина не в ледниках? Ведь на протяжении последних тысяч лет заливались на несколько метров не только берега Каспия — все-таки это сравнительно небольшой внутренний водоем, причин колебаний объема воды может быть много. Но и на Средиземноморском побережье есть античные храмы, когда-то побывавшие на несколько метров в морской воде — а ведь Средиземное море — часть Мирового океана, со стабильным объемом, на который не то что Волга — и Амазонка не влияет. Откуда вода-то бралась?

Более того, от ранних эпох кое-где сохранились следы подъемов уровня моря даже на десятки метров — теоретически невозможные, если рассматривать только таяние и аккумуляцию воды в ледниках. А это из-за чего?

Возможно, поднимались или опускались участки морского дна или края материковых плит. Но не из-за выбросов углекислого газа.

Точного ответа нет, к задачке с двумя трубами и бассейном проблема не сводится.

Неизвестно, а жаль, хотелось бы знать.

А ОН, МЯТЕЖНЫЙ, ПРОСИТ БУРИ

— Что такой грустный?
— У врача был. То нельзя, это нельзя...
— А ты дай ему тридцать долларов!
Ушел, бежит обратно веселый: «Все разрешил!»

Анекдот

Я не буду делать обзор всех мыслимых видов природных катастроф. Мы взглянули на глобальное потепление — согласитесь, именно об этом больше всего слышно. А вообще о катастрофах много литературы, благо, тема щекочет нервы читателя и тиражи окупаются. Что только не угрожает нам, несчастным страдальцам: сели и мели, градобитие и мордобитие, космические астероиды и зеленые гуманоиды. Перечни угроз найдете сами.

Нет, не улыбайтесь, знание это — об угрозах — не только занимательное, но и совершенно необходимое. Политикам — и местным, и высокопоставленным, и хозяйственникам — нужно обязательно о них знать. Я, конечно, не о нашествии марсиан или падении астероида говорю. Нельзя строить города там, где возможно семибалльное землетрясение; нельзя ставить турба-

зу рядом с руслом горной реки. Так отчего же строят и ставят? Потому что самый страшный гуманоид — человек. Причины часто не в ограниченности научного или практического знания; они в другом: если арматуру из бетонной стены можно выдернуть рукой, дело не в сейсмоопасности, источник катастрофы — в конкретном человеческом обществе.

Ну а если в горах расположен овраг, хотя бы и сухой — отчего-то же он образовался. Значит проносятся там иногда, раз в пятьдесят лет, селевые потоки. Как можно строить на его дне дом и растить там детей? Как это районный архитектор разрешил? Ах, не разрешал, пока не заплатили? Понятно...

В одних и тех же катастрофах богатые нации теряют в среднем меньше жизней, чем бедные (они-то — десятками тысяч), и причина, зачастую, не в технике, а в уровне организации общества. Он не следствие богатства, а, возможно, его источник.

Хотя и богатые нации не идеальны: как пишет с академическим юмором Кондратьев, уже после катастрофического разлива Миссисипи ученые обнаружили, что эти явления не случайная флюктуация, а имеют периодичность. В сто и пятьсот лет.

Вот бы раньше это выяснить, до жареного петуха, а не после!

Нас же интересует, сами понимаете, не опасность от акул для купальщиков Южной Калифорнии, а — бери выше! — будущее человече-

ства в XXI веке. Природные ли катастрофы ему угрожают?

Несомненно, стихийные бедствия ни при чем. Глобальное потепление вызовет экономические потери. Но оно не вызовет повальной гибели землян от холода (естественно), да и от жары также — 3—4° можно перенести. Даже крайние пессимисты, если они ответственны (что можно отличить), не обещают повышения уровня моря более чем на 5—10 метров. Не факт, что это вызовет голод (некоторый резерв продовольствия есть, и при потеплении может увеличиться площадь пригодных для земледелия земель). Война за незатопленные места? Да, в принципе это возможно, если какая-то нация решит таким путем сменить место проживания. Правда, если рассуждать цинично, в основном пострадают бедняки. Не слишком сильные в военном отношении, они ничего не завоюют. Ну а если китайцы решат переселиться в Россию — то, давайте начистоту — сильно это повредит мировой цивилизации? Да никак. Хуже ей точно не будет.

Тем более что максимум повышения уровня в XXI веке, о котором предупреждают ученые — это от 10 до 90 см. Да-да. Те, кто этим занимаются, так сказать, по службе, обещают подъем Мирового океана, в случае усиления «парникового эффекта» после потепления и удвоения концентрации углекислого газа — меньше метра. Меньше метра! Как говорил девушкам-зенитчицам старшина Васков: «Вам по пояс». Вот

вам и «Водный мир». Нет, цивилизации, нам известной, не опасен всемирный потоп, и всем, по крайней мере, тем, кто эту книгу читает — отнюдь не природные катаклизмы угрожают.

В среднем в последнее время от природных катастроф на Земле погибали ежегодно около 140 тыс. человек. Причем половина жертв умерли от голода, лишь частично зависящего от природы.

Годовой же прирост численности населения Земли — 80 млн. Следовательно, чтобы только остановить рост численности людей, нужна интенсивность катастроф в 500 раз выше по сравнению с нынешней. Это трудно представить, и специалисты по климату такого не обещают.

Грустно также, что эти современные ежегодные десятки тысяч жертв совершенно бессловесны. В 1970 году утонули не то 130, не то 300 тысяч человек в Бангладеш. Циклон на несколько дней поднял уровень моря, и реки разлились. Кто-нибудь заметил их гибель? Как-то повлияла она на развитие западной цивилизации? Да и нашей, честно говоря?

Для того чтобы природные катастрофы както отразились на цивилизации, нужно, чтобы эти катастрофы, пусть даже и меньших масштабов, затронули страны «золотого миллиарда». Звучит цинично, но это так, лишь эта часть человечества делает до сих пор Историю.

Но для них «парниковый эффект» неопасен.

Злые языки утверждают, что бурная деятельность политиков против техногенного изменения

климата нацелена на отвлечение внимания от другого процесса, более насущного и прагматичного. Не скрою, к таким злоязычным скептикам отношусь и я. Мне интересно даже не то, добрую или злую цель поставили себе эти заговорщики (несомненно, добрую; нет и не было заговоров для достижения плохих целей; средства — да, бывали всякие). Мне интересно — какую? И заодно, отразится ли это на моей стране?

Одно предположение есть. Нужно искать некое явление, с которым сама западная цивилизация бороться без дополнительного запугивания не может. У них существуют управляющие и управляемые, и способы воздействия на массы там хорошо и давно разработаны.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ

Для нас нет больше самоочевидного обоснования. Нет больше безопасной основы для нашей мысли...

К. Ясперс

Вы скажете — а как же ученые? Я их упрекаю в фальсификации? Или в продажности? Да нет, зачем, хотя они и без меня еще и не такое друг про друга говорят, в вежливой форме.

Например, так: «Безответственная манипуляция общественным мнением» — «Лейпциг-

ская декларация», 1995 год. Или еще: «Углекислотная охота за ведьмами»; «Заговор с участием нескольких сотен ученых и политиков».

Я не знаю случаев преднамеренной фальсификации, сделанной психически здоровым человеком в действительно научной среде. Но естественные увлечения в прогнозах, вызванные уверенностью в важности именно своей проблемы, вполне возможны — кто этого не знает?

Можно сделать такое, в общем-то обоснованное, замечание: не следует критиковать ученых за чрезмерное обилие гипотез и попытки вывести фундаментальные исследования в практическую плоскость. Не только политики и общественность могут спросить: «Чем вы там все это время занимались?», но и ученые хотят предоставить людям практические результаты. Большинству хочется, чтобы их работа приносила пользу, чтобы она была заметна. Не всегда можно рассчитывать на признание широкой публики, даже если научный результат дался трудно, а разработанный для его получения метод дьявольски красив и остроумен. Чем больше касается простых граждан научная тема — считают ученые, — тем больше они ею будут интересоваться.

Ошибаются, конечно. Ни один автовладелец не знает, кто придумал бензин или синтетический каучук, или электрическое зажигание, или прикуриватель. Но это ошибка благородная; это ошибка, которая может сделать нашу жизнь, жизнь простых обывателей, лучше. Ведь

если ученые замкнутся в «башне из слоновой кости» от внешнего мира, требуя от него лишь финансирования, разве создадут они что-либо ценное? Чтобы говорить о важности и полезности собственной работы, ученые, тем самым, вынуждены интересоваться проблемами обывателя, и это уже хорошо.

Но проблема остается. «Узкий специалист подобен флюсу — его полнота односторонняя», — так сказал классик, и он был прав. В важности своей работы уверен каждый ученый — но как оценить их приоритетность? Кто обладает интеллектом и эрудицией, чтобы решить подобную задачу? Ау, есть такие? Оказалось, что для сохранения свободы и независимости нашей Родины было недостаточно лидерства в ракетно-ядерных технологиях — то есть ресурсы, а интеллектуальные в первую очередь, были распределены неправильно. Но это ошибка наша собственная. А возможна ведь и подобная ошибка в масштабах всего человечества.

Кроме того, существует в научном мире система грантов и научных премий. Тут уж, если не умеешь доказать важность и необходимость, автоматически лишаешься финансирования и «выходишь из бизнеса», то бишь из науки, так что виртуозы по формированию общественного мнения просто не могли не вылупиться и из ученых.

В адрес не раз упоминавшейся здесь МГЭИК (организации, что ни говори, авторитетной в мире) пишут следующее: «Несколько амери-

канских специалистов, желая получить мощные компьютеры, предприняли усилия с целью запугать потенциальных спонсоров преувеличенными прогнозами опасных изменений климата в будущем. Эти сенсационные прогнозы были подхвачены СМИ, что возбудило людей, а для политиков открыло новую многообещающую сферу активности. Инициаторы кампании создали организацию с помпезным названием «Межправительственная группа экспертов по проблеме изменений климата» (МГЭИК) и выступили от имени ООН, правительств и средств массовой информации как эксперты в области климатологии. Декларации МГЭИК, принятые под лозунгом показного «научного консенсуса», были полностью одобрены конференцией в Рио-де-Жанейро в 1992 году, которая была поставленным политиканами представлением, стоившим миллионы долларов налогоплательщикам. Со времени этой конференции обсуждение глобальных проблем окружающей среды проходило под доминирующим воздействием тезиса об «опасности CO_2». С другой стороны, ничего не было сделано, например, для спасения тропических лесов».

Хотя данное выступление появилось в британском отраслевом журнале (Eng. and Mining J. — 1999. — Vol. 200, No. 2), выражающем интересы угольщиков и нефтяников, похожие высказывания можно слышать и от других специалистов. Всемирный энергетический совет

(WEC) предупреждал, что «рекомендации МГЭИК основаны на сомнительных доказательствах, которые губительны для экономического роста, не имеют существенного значения для политиков, нереалистичны и сформулированы под влиянием научных кругов, имеющих целью обеспечение финансирования».

Это очень плохо. Наука, вместо того чтобы давать прочные основы для принятия решений — наоборот, разрушает их. Не на что наступить, устойчивость почвы обманчива.

Тем не менее, нельзя затыкать ученым рот. Пусть предлагают самые неожиданные варианты развития событий; пусть предупреждают о совершенно невиданных угрозах — нужно лишь принимать это критически и иметь систему общественной проверки. Не уверен, что ученые с этим справятся сами: при огромном научном потенциале поразительно мало специалистов сотрудничают с комиссиями по борьбе с лженаукой. То ли из-за лени, то ли на всякий случай — стала же господствующей такая явная лженаука, как либеральная экономическая доктрина.

А ошибка — доверие не к тому, что правда — может дорого обойтись для общества. Дорого в обоих смыслах. Даже когда дело касается только выбора пути исследований — и затратна современная наука, и страшновато, что не то будет исследоваться, что нужно по-настоящему, позарез.

Порой говорят так: «Пусть, дескать, ученые строят себе модели на ЭВМ — не такое уж это дорогое занятие по сравнению, скажем, с исследованиями в военных целях».

Отчасти это верно. Правда, получение исходного материала для компьютерного моделирования климата обходится недешево. Это и океанические, и наземные, и воздушные исследования, и дистанционное зондирование Земли со спутников (К. Кондратьев, кстати, специалист в этой области, и стал академиком по итогам Международного геофизического года (1958)). Его мнение таково, что спутниковые исследования дали меньше отдачи, чем могли бы, если бы были поставлены более конкретные задачи.

А такая конкретная задача есть, и это не глобальное потепление.

Ведь мы живем в межледниковый период. Рано или поздно он закончится. Так, может быть, разогревая атмосферу, мы отсрочим это неприятное явление? Или отменим вообще? Напомню, что во время ледникового периода ледник кончается примерно на севере Украины, на остальной ее части средняя температура июля +6° С, и так сто тысяч лет.

О какой России тогда можно будет говорить? Все население Восточной Европы состояло из нескольких тысяч неандертальцев, охотившихся на северных оленей, загоняя их на обрывы крымских гор. Вообще говоря, когда самая холодная страна мира борется с... потеплением (!), то независимый наблюдатель, какой-нибудь

житель Альфы Центавра, неизбежно должен прийти к выводу, что местный уровень интеллекта землян коррелирует со среднеянварской температурой.

Проведу одну гипотетическую аналогию. Чем в основном занималась советская разведка после Второй мировой войны? Вряд ли только выяснением, что поделывает Солженицын в своем вермонтском поместье или какие именно шуры-муры крутит британский министр обороны с дамами полусвета. Наверно, была другая задача — не собираются ли наши будущие союзники по НАТО дать нам как-нибудь вдруг, в ночь с пятницы на субботу, так сказать, по мозгам? Пока офицеры отдыхают? Во имя идеалов свободного рынка и демократии?

Вот такая задача — предупреждение о внезапном ракетно-ядерном нападении — с лихвой оправдывала содержание дорогостоящей и хлопотной организации. Цель, как известно, оправдывает списание средств.

Так вот мне кажется, что главной задачей климатологов должно быть предупреждение о наступлении ледникового периода — по аналогии — «задача НЛП». Если удастся понять механизм возникновения этого явления, то, может быть, удастся предложить и меры противодействия — сжечь, например, весь уголь на планете. Или еще что, а если ничего не получится — то хотя бы подготовиться к эвакуации, чтобы сохранить самое ценное. Ведь пережили же прошлые оледенения крокодилы,

бегемоты и тропические леса — значит, не вся планета была под снегом. Вот такая компьютерная модель была бы нужна и полезна.

Не хочется готовиться к концу света, который наступит через миллиард лет? Есть и поближе, поконкретней задачи: почему реки в России высыхают? Там, где я ребенком плавал на колесном пароходе, сейчас можно вброд перейти, и таких рек много. Отчасти понятно, почему — лес вырубили, под Воронежем — с ума можно сойти — пойменные земли у Дона распахивают, отдали каким-то голландцам.

Ну так и создайте модель — сколько лесов нужно посадить, какие земли сельскохозяйственные из обихода вывести, чтобы реки снова водой наполнились!

В общем, цели определены, задачи поставлены, пусть кто-нибудь выполняет.

Надеюсь, итог моих рассуждений пока понятен — глобальное потепление — не то, что действительно угрожает современной цивилизации; более того, возможно, оно ей и не угрожает вообще.

Глобальное потепление из-за углекислого газа — не природно-техногенное явление. Это явление массовой психологии, сформированное совместными усилиями средств массовой информации и некоторых государственных органов.

То есть бить в рельс полезно. Но только в случае пожара. В большинстве других случаев

без него лучше обойтись. Нужно ли объяснять, почему?

Уже написав этот раздел, задумался. Опять, заноют, этот Паршев ниспровергает авторитеты. То вопреки всем доказывает, что в Англии пальмы растут, то пророчит, что никто нам иностранных инвестиций в клювике не принесет (а мы уже карманы вот такие нашили), вот и сейчас — все, даже Кевин Костнер, даже вице-президент США Гор знают про глобальное потепление, а Паршев и тут упирается. Академик Фоменко какой нашелся от климатологии! Думаю так грустно, листаю книжечку — и читаю: «Более 400 ученых, включая 67 нобелевских лауреатов, подписали Гейдельбергское обращение относительно необоснованности прогнозов катастрофического глобального потепления».

Приехали. Что я, собственно, доказываю? Кто из нас дурак? Альберт Гор, утверждавший, что 98 % всех ученых согласны с «парниковой» гипотезой глобального потепления? Он-то точно не дурак, раз до такого поста дослужился без пары сотен голосов: если бы американцы научились выборы проводить, мог бы стать президентом Соединенных Штатов. Несомненно, верный и профессиональный слуга правящего класса. Значит, не дурак. Но тогда...

Кто кого кидает? И зачем?

Зачем? Можно предположить.

Люди у нас своеобразные, любят пострадать, обсудить в красках, какие они несчастные. Поэтому с удовольствием рассказывают друг дру-

гу, какие еще напасти сваливаются на их бедные головы.

Но, зная, что курение вредно — не бросают. Один мой знакомый (употребляю этот речевой оборот, хотя некоторых он страшно бесит; но не приводить же паспортные данные) попал на Каширку, в онкологический центр. И там, в ответ на его вопрос: «Может, мне курить бросить?» лечащий врач ему честно ответил: «Мы вам радиотерапию прописали, а это настолько вреднее курения, что если хотите — продолжайте». Он-то бросил (дай ему Бог здоровья), но бывают и похрабрее. Есть, скажем, люди, чье благосостояние полностью зависит от их интеллекта. И они, зная, как на нем сказывается даже рюмка алкоголя — пьют, и не всегда рюмками.

Когда-то в нашей организации делили садовые участки, и они, естественно, достались боевым, заслуженным теткам. Тут как раз рассекретили все, что можно, и оказалось, что одно атомное предприятие находится в аккурат рядом с нашим кооперативом. Каюсь, я, имея доступ к ксероксу, сделал этот факт достоянием гласности. Неужели на волне Чернобыля, совсем ведь недавнего, кстати, мне не удастся хоть чего-то поиметь? Ну хоть дачку рядом с атомным объектом (я не радиофоб) недалеко от Москвы? Думаете, кто-нибудь отказался от участка, на что я так рассчитывал? Черта с два. Тогда я и понял, что внешняя, напускная трусость сочетается в нашем народе с глубоким внутренним пофигизмом. А в сочетании с инстинктом

куркуля подобные качества оставляют мало места экологически обусловленному поведению.

Еще история: в окрестностях одного российского академического научного центра группа энтузиастов углядела роскошный луг, облюбованный для гнездования множеством шмелей. Возникла идея: а не создать ли биосферный энтомологический микрозаповедник, первый в Европе и чуть ли не в мире? Научная общественность горячо идею поддержала. Одновременно другая инициативная группа, из той же самой общественности, которой этот луг тоже понравился, застолбила на этом месте строительство садового кооператива. Вот тут-то и вспыхнула в научной общественности академического центра горячая битва! За заповедник? Ну что вы! За участки в кооперативе.

Это примеры из жизни людей, которых я знаю. Не думаю, что где-то — на Западе или на Востоке — люди иные.

Резюмирую: трудно добиться от массы разумного поведения в интересах не то что всего общества, тем более мировой цивилизации, даже в собственных интересах трудно!

А управлять нужно. Что такое управление людьми? Это искусство заставлять их делать то, что они сами не собирались. И рычагов всего два — выгода и вред. Если можно — манить выгодой. Или пугать вредом. Но это скелет метода, а где же искусство? Оно и состоит в том, что манить и пугать нужно уметь. Что-то человека не пугает, а что-то — очень сильно.

Массы Запада хотят потреблять и, соответственно, загрязнять. Как не позволить им это делать? Ведь потребление — пункт первый кодекса прав и обязанностей человека в западном издании.

Верхи, по крайней мере, в странах Запада, умеют массой манипулировать — будем надеяться, чтобы не только в собственных интересах. Кстати, при управлении без дозирования информации не обойтись. Да чего там, «без дозирования» — врать порой нужно, да еще как! Лучше, конечно, без этого, но иначе пока у мастеров управления не получалось.

Часть 2

КУЛЬТУРА ЕВРОБУТЫЛКИ

Если археологи будущего начнут когда-нибудь раскапывать нынешние города, то как они назовут современную нам цивилизацию? Вообще, принято так. Если о культуре исторических данных нет — то называют по наиболее характерному признаку, часто встречающемуся предмету. Например, «культура боевых топоров».

Что останется от нас? Книги, газеты — их срок жизни лет 50—100, их печатают сейчас на бумаге, которая содержит кислоту и потому недолговечна.

Металлы корродируют, даже алюминий и нержавейка, и проживут сотни лет, а тысячи уже вряд ли.

А вот что почти вечное — так это керамика. И ее разновидность — стекло. По керамике часто различают культуры — например, «культура воронковидных кубков». Так красиво называют распространенные сосуды, по сути — тогдашние стаканы.

Думаю, что наша цивилизация будет называться «культурой евробутылки» — именно этот

артефакт чаще всего будет встречаться при раскопках нашего культурного слоя.

НЕПРОСТОЕ ВЕЩЕСТВО

А ведь есть у «прогрессивного человечества» проблема, которая вовсе не будет дожидаться 2050 или, тем более, 2100 года. Взглянем на нее — и решим, насколько значима и важна для современной цивилизации паника по поводу «глобального потепления».

Что и почему в мире происходит? Полезно почаще вспоминать старую, но отнюдь не тривиальную истину — политика базируется на экономике. А экономика — современная — базируется на энергетике. Кто не согласен — пусть вывернет в своей квартире пробки, перекроет краны газа и горячей воды и подумает. Или потушит костер в чуме — и все равно подумает.

А в энергетике есть проблема, которая — смотри выше — не может не отразиться на развитии экономики и, соответственно, политики. Она одновременно и проста, и очень непроста, попробуем ее рассмотреть.

Стоит ли тянуть кота за хвост? И ходить вокруг да около? Нефть — вот корень проблем начала третьего тысячелетия. Все дело в этой горючей, маслянистой жидкости. Обычно черной, хотя нефть бывает и красноватой, и почти прозрачной, похожей на солярку.

О, это очень непростое вещество! И не только в ее составе дело!

Нефть — казалось бы, просто один из видов минерального сырья. Я даже не знаю, сколько видов сырья добывается сейчас — но точно не одна тысяча.

Но только нефть в последние десятки лет подорожала и в текущих ценах, и даже абсолютно — после пересчета цен с учетом инфляции. А практически все остальные виды минерального, да и сельскохозяйственного сырья, только дешевели.

Есть такой «железный закон» — на экспорте сырья не разбогатеешь. Из-за этого закона когда-то, в 60—70 годы XIX века, пострадала Россия, в XX веке — Аргентина. На рубеже XIX—XX веков она входила в мировую десятку (тогда стран в мире, правда, было поменьше), продавала броненосные крейсеры и России, и Японии, но ее зерно и тушенка последний раз остро понадобились только во Вторую мировую.

Прибыль получает потребитель сырья, а не производитель. На обложке книги вы видите странную картинку — полуголые грязные люди поднимают по приставным лестницам какие-то мешки. Никогда не догадаешься, в чем тут дело. А это добыча алмазов в Бразилии! Алмазов! Но что-то на богачей эти люди не похожи.

Отдельные личности могут, конечно, составить себе состояние, но страна в целом — нет. Чем сильнее страна втягивается в «сырьевую ловушку» — тем заметнее отстает.

А вот нефть — другое дело. Есть целые страны, которые разбогатели и стали значимы в мире только благодаря нефти.

Я не сильно преувеличу, если скажу: нефтяной вопрос в мировой политике — это как тема секса в обычном обществе. Если о нем не говорят, то думают, даже когда занимаются чем-то другим.

А фабула нефтяного вопроса, если не вдаваться в подробности, крайне проста. В год добывается 3 млрд тонн нефти, две трети которой потребляется развитыми странами Запада и Японией. В мире разведано 140 млрд тонн нефти, причем более половины принадлежит пяти странам Персидского Залива. И Запад занят главным образом тем, чтобы поделить эту нефть и обеспечить беспрепятственный доступ к ней на ближайшие 40—50 лет.

Такое вот мнение. Давайте теперь немного вдадимся в подробности, и вы сами решите, важна ли эта проблема и влияет ли она хоть в какой-то степени на краткосрочную и долгосрочную мировую политику.

Для начала обозначим масштаб и точки отсчета. К сожалению, благодаря англичанам и американцам, в мире до сих пор используется система мер и весов, восходящая к динозаврам, нелогичная и малоприспособленная к десятичной системе исчисления. Поэтому в современной мировой литературе и практике для измерения количества нефти, в частности ее запасов, используется «нефтяной баррель» — объ-

емная единица, равная 158,98 л. В отечественных же публикациях принята весовая система мер, в основе которой лежит метрическая тонна.

Если кто-то забыл: метр появился в результате Французской революции. Это не волюнтаристское решение какого-нибудь захудалого короля, установившего расстояние от своего царственного носа до не менее царственного кончика указательного пальца в качестве единицы длины, и американцы до сих пор ею пользуются. Французские ученые предложили гораздо более логичную метрическую систему, как известно, базирующуюся на стабильных физических свойствах земного шара и воды. Создали систему мер так: взяли расстояние от экватора до полюса и разделили на 10 миллионов частей — получился метр. Тысяча метров — километр, одна сотая метра — сантиметр. В кубический сосуд со стороной в один сантиметр налили воду — получился ровно грамм. Тысяча граммов — килограмм. Тысячу килограммов нужно бы называть «мегаграмм» (миллион граммов), но так не принято. Принято называть вес тысячи килограммов тонной (вообще-то слово «тонна» обозначает просто «бочка», поэтому в некоторых устаревших системах мер есть свои «тонны», неметрические). Большинство дробных или более крупных единиц получаются из базовых умножением на 10 в разных степенях. Очень разумно. Только с градусными мерами и временем не получилось — они оста-

лись нам от шумеров и античных цивилизаций, а там они родились из некоторых астрономических соображений и практических нужд. Дело, видимо, в том, что если поставить рядом Солнце и Луну, то они укладываются такой парочкой на небесном экваторе ровно 360 раз. Отсюда и градусы. А у греков и римлян было принято менять стражу по 12 раз за ночь, так же и днем. Отсюда, видимо, произошли часы.

Итак, кубический метр воды имеет массу в тысячу килограммов или весит одну тонну. Нефть легче воды, а различные сорта нефтяных смесей имеют различные вес и стоимость, в частности, российская нефть марки «Urals» ценится на несколько долларов за баррель дешевле, чем базовая в европейской торговле марка «Brent», хотя по весу в барреле «Urals» нефти больше, чем в барреле «Brent». Просто в нефти самое ценное — легкие фракции, из них получается бензин, поэтому чем нефть легче, тем дороже.

Нефть (в среднем) имеет удельный вес 0,88 тонн на кубометр (бензин — 0,7, керосин уже 0,82, а мазут почти 0,9), соответственно баррель нефти весит около 136 кг, а тонна нефти занимает объем в 1,14 кубометра.

В западных оценках мировых и страновых ресурсов применяется величина гигабаррель (Gb), то есть миллиард баррелей — это около 140 млн. тонн. Добываем мы (Россия) сейчас около 3 гигабаррелей в год, или чуть более 400 млн тонн.

Для облегчения задачи условимся, что тонна, примерно, соответствует 7 баррелям нефти и далее будем стараться использовать только метрическую систему.

В теплотехнических и экономических расчетах, конечно, нужна бо́льшая точность, но для нас и 10—20 % особенного значения не имеют: ведь мы не сделки заключаем, а говорим о запасах недр, да еще зачастую и прогнозируемых, то есть «курочка-то еще в гнезде...».

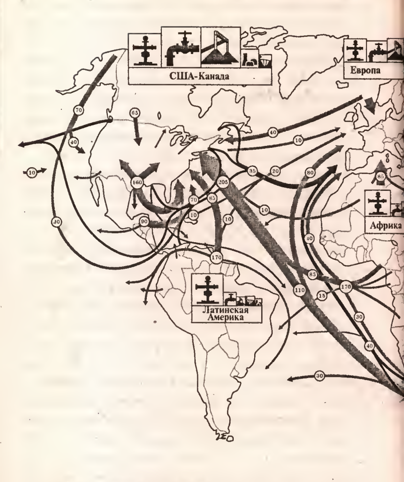
Количественные данные, используемые здесь, в основном взяты из разделов «Нефть» и «Природный горючий газ» так называемого Государственного доклада Правительства Государственной Думе за 1997 год, доступного в Интернете. Данные соответствуют состоянию на середину 90-х годов XX века. Они широко известны.

Всего подтвержденные (или доказанные) запасы нефти в мире составляют не более 145 млрд тонн. Это количество динамически меняется — вычитается добыча и добавляются полностью разведанные и оцененные месторождения. Так, в публикации [2] приводится цифра 140 млрд тонн. В различных источниках цифра также может отличаться — но не сильно, именно в этом диапазоне.

Кто лучше всех знает, где и сколько на Земле нефти?

Вопрос риторический. Конечно, американцы, они же больше всех в мире ее потребляют, кому, как не им, интересоваться нефтью! Наиболее авторитетный источник по минеральным

Добыча и транспортные

потоки энергоносителей

СНГ

Китай

Ближний Восток

Остальная Азия

Австралия

нефть газ уголь атомная энергия гидроэнергия

ресурсам — US Geological Survey (USGS, Геологический обзор США). Из последних по времени документов с оценкой ресурсов нефти — USGS World Petroleum Assessment 2000.

Великие нефтяные державы — те, чьи нефтяные запасы измеряются в миллиардах, а добыча — в сотнях миллионов тонн. Их на карте мира всего десятка два. По иронии судьбы, классические (в общеполитическом смысле) великие державы (Россия, США и Китай) считаются и великими нефтяными, кроме «прекрасной Франции». Англия — великая отчасти, она добывает более 100 млн тонн, а вот запасов-то у нее... не очень.

Но более 90 % запасов, тем не менее, находятся на территориях «развивающихся» стран.

Не во всех странах подтвержденные запасы остаются на прежнем уровне, в большинстве они снижаются. Это относится и к России, где в 1990-е годы геологоразведка была в значительной мере прекращена. С той же проблемой по различным причинам сталкиваются и другие страны: например, в США территория геологически хорошо изучена; новых крупных месторождений ждать уже не приходится, а добыча не снижается.

Считается, что всего на Земле осталось около 350 млрд тонн нефти (вместе с доказанными запасами), пригодных для добычи при современном уровне технологии, и еще около 100 млрд тонн, находящихся в совсем неудобных местах, в сложных геологических и географиче-

ских условиях — под морским дном на глубинах более 500 м и так далее. Кстати, само существование этих запасов и их принципиальная доступность никем не гарантированы. Такие оценки относятся к разряду «спекулятивных», то есть в значительной степени умозрительных (в науке слово «спекулятивный» — посмотрите в словаре — носит менее негативную окраску, чем в обычной речи, но все-таки негативную). К тому же это максимальная оценка.

В зависимости от степени разведанности запасы делятся на различные категории, своя градация есть в нашей стране, разработана и международная система. Не углубляясь в подробности, разумнее всего опираться на доказанные запасы в 140—150 млрд тонн и прогнозные (достоверные) запасы в 60—70 млрд тонн [3].

За всю историю человечества добыто и израсходовано около 100 млрд т нефти, большая часть — в последние десятилетия. Добыча постоянно растет и в последние годы, как уже говорилось, составляет около 3 млрд тонн ежегодно.

Львиная доля из этого достается США — около 1 млрд тонн, остальное делится примерно поровну между другими странами «золотого миллиарда» и остальным миром. Потребление, отчасти из-за новых индустриальных стран, растет. Тем не менее, хотя относительный рост экономики Китая велик, «золотой миллиард» (вместе с США) отнюдь не снижает свои аппетиты. Его («золотого миллиарда») потребности удовлетворяются в основном импортом. Сейчас

Западная Европа импортирует около 300 млн тонн, Япония, примерно, столько же.

Собственная добыча США — около 350 млн тонн, а недостающее до миллиарда ввозится, главным образом, из Мексики, Канады и Венесуэлы. Импорт в США из стран Старого Света, то есть с Ближнего Востока и из Африки, также значителен — около 200 млн тонн, из них продукция Персидского залива составляет примерно половину.

Так что пока из развитых стран почти полностью от Ближнего Востока зависит только Япония, но это только пока.

Итак, весь мир добывает и потребляет примерно 3 млрд тонн в год — то есть, чуть больше 2 % от доказанных запасов.

На сколько лет хватит — при нынешнем потреблении — нефти из доказанных запасов? Посчитать легко — 40—50 лет, если не открывать новых месторождений.

ОТСРОЧКА ЛИШЬ, НО НЕ ПРОЩЕНЬЕ

Но мы же отметили: в разряд доказанных непрерывно переводятся новые месторождения, и их может быть до 200 млрд тонн, а с различными «неудобьями» даже до 300! Значит, не все так плохо, не оскудели кладовые Плутона!

Однако тенденцию необходимо знать не хуже, чем текущее состояние. Об этом говорит

мудрость малочисленных народов. Так какова же тенденция?

К сожалению, объем вновь разведанных месторождений уступает расходу. Так, в середине 1990-х годов ежегодный прирост запасов составлял 0,8 % от мировых (напомню, при добыче свыше 2 %).

Получается арифметическая задачка про бассейн с двумя трубами. Струя, что выливается, в два с половиной раза больше вливающейся. Когда же опустеет бассейн? Получается, что исчерпание при сохранении современных темпов добычи и разведки все равно наступит, хотя и позднее — к 2070 году.

Мы легко относимся к вероятности отдаленных событий — когда-то и Солнце погаснет или взорвется — чего об этом думать? Но в данном случае время вполне осязаемо. Если у вас, уважаемый читатель, только что кто-то родился — дочка или внук — то их внуки начнут жизнь в мире уже без нефти. Легко ли им будет?

Но, опять-таки, ситуация несколько сложнее, и грядущие 70 лет не будут заповедником безмятежности.

Потому что не только текущее состояние трансформируется со временем. Меняются и тенденции. Объемы вновь открытых месторождений в мире падают, и эти самые 0,8 %, ежегодно добавляемые к доказанным запасам, даются все труднее. Донышко-то уже проглядывает.

Но прежде чем поговорить о том, как же бу-

дет развиваться процесс истощения, сделаем срез нынешней ситуации.

НЕФТЬ НА КАРТЕ МИРА

Из 140—150 млрд тонн подтвержденных запасов, на которые может твердо рассчитывать человечество, в Западном полушарии находится незначительная часть. Здесь наиболее богата нефтью Венесуэла — около 8 млрд тонн, затем Мексика — около 6 млрд тонн. Основной мировой потребитель — США — обладает запасами в 3 млрд тонн.

Больше там запасов мирового масштаба нет.

Но и в Старом Свете неравномерность в территориальном распределении велика. Основные запасы принадлежат Саудовской Аравии — 25 % мировых — около 35 млрд тонн. Еще примерно по 8—10 % (по 12—15 млрд тонн) находятся в странах Персидского залива — Иране, Ираке, Кувейте и Объединенных Арабских Эмиратах (из ОАЭ наиболее богат эмират Абу-Даби).

Остальные запасы (англо-норвежские Северного моря, алжирские, индонезийские, тропической Африки) не идут ни в какое сравнение с Персидским заливом. Только близкая к Европе Ливия со своими 4 млрд тонн и полковником Каддафи довольно заметна в мировом балансе.

Табличку из государственного доклада я приведу, изучить ее на досуге полезно. Обратите внимание — там нет данных по России.

Таблица 1

Запасы нефти и газоконденсата (млн т)
на 01.01.1996 года

Как правило, запасы нефти включают также и запасы ГКЖ, в состав которых, кроме собственно конденсата, входят сжиженные нефтяные газы (этан, пропан, бутан), извлекаемые из сырья в процессе добычи или переработки.

	Запасы подтв. (млн т)	Их доля в мировых запасах (%)
Европа	2681,1	2,02
Австрия	13,8	0,01
Албания	22,6	0,02
Белоруссия	71,0	0,05
Болгария	2,0	0,00*
Босния и Герц.	0,0	0,00
Великобритания	588,1	0,44
Венгрия	17,6	0,01
Германия	46,4	0,03
Греция	5,6	0,00*
Дания	141,3	0,11
Испания	2,7	0,00*
Италия	85,0	0,06
Латвия	0,0	0,00
Литва	5,1	0,00*
Македония	0,0	0,00
Молдова	0,2	0,00*
Нидерланды	14,6	0,01
Норвегия	1153,7	0,87
Польша	4,3	0,00*
Румыния	220,0	0,17
Словения	0,0	0,00

	Запасы подтв. (млн т)	Их доля в мировых запасах (%)
Украина	235,0	0,18
Франция	19,0	0,01
Хорватия	20,5	0,02
Чехия и Словакия	2,0	0,00*
Эстония	0,0	0,00
Югославия	10,6	0,01
<u>Азия</u>	98 318,9	74,10
Азербайджан	930,0	0,70
Армения	0,0	0,00
Афганистан	14,0	0,01
Бангладеш	0,8	0,00*
Бахрейн	28,8	0,02
Бруней	184,9	0,14
Вьетнам	68,5	0,05
Грузия	6,6	0,00*
Израиль	0,6	0,00*
Индия	796,4	0,60
Индонезия	707,8	0,53
Иордания	0,0*	0,00*
Ирак	13 698,6	10,32
Иран	12 082,2	9,11
Йемен	547,9	0,41
Казахстан	1015,0	0,76
Катар	506,8	0,38
Киргизия	15,0	0,01
Китай	3287,7	2,48
Кувейт	13 220,2	9,96
Малайзия	589,0	0,44
Монголия	1,5	0,00*
Мьянма	6,8	0,01
ОАЭ	13 438,3	10,13

	Запасы подтв. (млн т)	Их доля в мировых запасах (%)
Оман	703,8	0,53
Пакистан	27,8	0,02
Сауд. Аравия	35 782,2	26,97
Сирия	342,5	0,26
Таджикистан	5,0	0,00*
Таиланд	31,6	0,02
Тайвань	0,5	0,00*
Туркменистан	160,0	0,12
Турция	66,8	0,05
Узбекистан	15,0	0,01
Филиппины	29,6	0,02
Япония	6,7	0,01
Африка	10 021,3	7,55
Алжир	1260,3	0,95
Ангола	741,4	0,56
Бенин	4,0	0,00*
Габон	183,6	0,14
Гана	2,2	0,00*
Египет	531,4	0,40
Заир	25,6	0,02
Камерун	54,8	0,04
Конго	206,3	0,16
Кот-д'Ивуар	13,7	0,01
Ливия	4041,1	3,05
Марокко	0,2	0,00*
Нигерия	2853,2	2,15
Судан	41,1	0,03
Тунис	57,0	0,04
Экватор. Гвинея	1,6	0,00*
Эфиопия	0,1	0,00*
ЮАР	3,7	0,00*

	Запасы подтв. (млн т)	Их доля в мировых запасах (%)
Америка	21 377,4	16,11
Аргентина	304,9	0,23
Барбадос	0,3	0,00*
Боливия	19,0	0,01
Бразилия	575,3	0,43
Венесуэла	8832,5	6,66
Гватемала	66,8	0,05
Канада	671,0	0,51
Колумбия	479,5	0,36
Куба	13,7	0,01
Мексика	6818,5	5,14
Перу	110,7	0,08
Суринам	11,0	0,01
США	3076,3	2,32
Тринидад и Тоб.	67,1	0,05
Чили	41,1	0,03
Эквадор	289,7	0,22
Океания и Австралия	282,7	0,21
Австралия	213,7	0,16
Новая Зеландия	14,2	0,01
Папуа—Новая Гвинея	54,8	0,04
Россия		
Итого	132 681,4	100,00
В том числе:		
развитые страны	6056,4	4,56
Развивающиеся страны	120 496,1	90,82
Бывшие социалистические страны	6128,9	4,62

Цифры со «звездочкой» округлены.

Одна из наиболее закрытых стран в области

информации о нефтяных ресурсах — Россия. Официальных данных на эту тему не публикуется, а в последнее время они вообще отнесены к государственной тайне. Именно поэтому оценки очень разнообразны и колеблются от 4 % мировых (6 млрд тонн) до 13 % (20 млрд тонн).

СТРАННАЯ СИТУАЦИЯ

Вообще-то ситуация странная. Мы, граждане России, не знаем, каковы источники благосостояния сырьевых экспортеров, за счет которых мы все живем. Да, именно так обстоит дело!

Питаемся мы наполовину импортными продуктами, носим импорт, ездим на импорте. Нет ни российских чайников, ни стиральных машин; отвертки и гаечные ключи импортные; фильмы, которые мы смотрим — импортные; российские, правда, есть, но если бы их не было, разница была бы невелика. То есть они не плохи, одна беда — смотреть их нельзя. Хотя некоторым нашим режиссерам дают иногда премии на фестивалях, но назначение этих премий, по-моему, — чтобы русские не научились хорошие фильмы снимать.

Значительная часть того, что мы считаем российским — в действительности импорт, полностью или частично. Модные костюмы или ботинки сделаны по иностранным лекалам, и значительная часть прибыли идет владельцам лекал; рецепты, технологии, иногда даже про-

сто фирменные названия («бренды») забирают значительную часть выручки. Под микроскопом можно отыскать сдвиги к лучшему — например, возврат водочной марки «Столичная» Российскому государству. Но это луч света в темном царстве.

Круглогодичные свежие фрукты, черешня в мае, арбузы в июне — ничего из этого не выросло в России. В Турции, Западной Европе, даже в Чили и Южной Африке.

Так за что нам такое счастье? За что нас так любят молдаване, китайцы, среднеазиаты, немцы, итальянцы? Настолько, что везут нам плоды своей земли, своих рук, своего ума и таланта?

За газ и за нефть. Только за это. Еще за аммиак, карбамид, стальной прокат и лом цветных металлов. Никаких других оснований для всемирной любви не наблюдается, за десятилетия реформ российская экономика не научилась производить что-либо конкурентоспособное и достойное для мирового рынка.

Когда маститый экономический гуру ругает коммунистов за то, что они заставляли нас потреблять некачественные собственные товары — ему простительно. А нам-то, простым обывателям, непростительно забывать, что если что-то хочешь купить — ты должен что-то продать. И если на мировом рынке удается продавать только нефть и газ, что делать, когда они закончатся? Китаец умеет шить куртки и кроссовки — и это умение у него оста-

нется; японец делает фотоаппараты; американец снимает фильмы. А мы, вместо того чтобы лучше делать то, что раньше умели, но плохо — теперь разучились делать вообще. Если наша военная промышленность получит военный госзаказ — она его, пожалуй, уже не выполнит, не соберет способных рабочих и инженеров. Их уже нету.

Мы живем лучше Северной Кореи не потому, что у нас демократия, а у них коммунизм. Просто у нас есть нефть и газ, а у Северной Кореи нет — и все. Кончатся они — будем жить хуже северокорейцев.

Нефть и газ — основа нашего общественного строя. А сколько у нас этой основы — мы не знаем. Так 4 у нас процента от мировых запасов или 13? В первом случае (4 %) граждане России могут ни о чем не думать всего 10—12 лет, а во втором (13 %) — целых 40. В первом случае уже нам нужно думать, как жить без экспорта нефти, во втором же озадачатся следующие поколения. «Потомства не страшись, его ты не увидишь!», — как сказал великий русский поэт Дм. Хвостов.

Простите, а как же нам осуществлять конституционное право на выборах? Мы же должны знать, как собираются наши кандидаты использовать основной экономический ресурс страны — экспорт нефти, ведь это важнее их приязни к собакам или кошкам.

Если вы сочтете, что мои замечания чересчур нигилистичны — то извините, а что такое еще

мы умеем делать для мирового рынка? Кроме как добывать нефть и газ? Даже детей — и то разучились... Поэтому нечего обижаться: ничего мы в мировом масштабе не делаем, гуляем себе и пиво пьем, и только благодаря газу и нефти. Ну так нужно хотя бы знать, сколько лет нам датчане, шведы и немцы будут пиво возить. И турки. «Эфес» — пиво турецкое. Они ведь не бесплатно его нам возят, а за нефтяные денежки.

Говорите, «Балтика» — отечественное и конкурентоспособное пиво? Может, и так. Правда, я не знаю, кто владелец «Балтики» — в Питере это известно точно, как и адреса, откуда везут туда солод и хмель. Думаю, не из России. То есть побеждает ли Россия в конкурентной борьбе на рынке пива — большой вопрос. Подозреваю, что энергия для пивоварения и холодильных установок обходится дешевле, чем в Европе, а в цене пива это существенная составляющая. Чем еще «Балтика» может взять? Вкусом? Ну, не хуже многих, конечно... но рынок этот серьезный и сильно конкурентен. У нас это выражается в стрельбе по менеджерам из карабинов; в Европе — в разорении многих немецких (!!!) пивоварен, работавших сотни лет и не выдержавших новых условий. Но, увы, не мы их разорили — а датчане, турки, шведы.

Не думаю, что за оставшиеся 10—40 лет пиво сможет заменить в российском торговом балансе нефть и газ. Даже если конкурентоспособное пиво будет поддержано конкурентоспособным

йогуртом, который, по сообщениям прессы, от нас начали экспортировать. Вообще чудеса: две трети молока у нас импортные, из Европы; делать йогурт и везти обратно в Европу — откуда выгода? Или, может, он не из молока?

Короче: если доктор сказал «в морг» — значит в морг. Наш товарообмен с внешним миром держится на нефти и газе. А сколько в России нефти — секрет.

Я по убеждениям демократ. Раз уж у народа есть право и возможность решать важнейшие государственные проблемы (опосредованно, мозгами своих лучших представителей), то нужно ими пользоваться. А, извините, принятие любого решения начинается с получения и усвоения информации. А тут самой главной-то информации и нет!

Потому мы и попробуем сделать «инженерную прикидку», — сколько же у нас нефти?

Разумнее всего базировать оценки на некоторых общих правилах, принятых в Госплане СССР. Так, в советские времена полагалось иметь неснижаемый резерв подтвержденных запасов на 30 лет текущего уровня добычи. То есть разбейся геологи в лепешку — но найди новые месторождения взамен истраченных. И находили, поскольку, кроме ЦУ и накачек, геологоразведка получала очень неплохое финансирование, обеспечение и снабжение.

Таким образом, можно предполагать, что в 1990 году, при тогдашнем уровне добычи 516 млн тонн, подтвержденные запасы исчисля-

лись в 15 млрд тонн. За прошедшие с того времени 12 лет добыто около 4 млрд тонн, прирост же запасов был незначительным.

Следовательно, можно считать, что современные запасы нефти в России составляют около 11 млрд тонн. Косвенным подтверждением этому служат сведения о запасах нефтяных компаний, поделивших наследство России, ставшие достоянием гласности в середине 1990-х годов. Наибольшими подтвержденными запасами нефти (на начало 1995 года) располагали СИДАНКО (3,2 млрд тонн), ЮКОС (1,6 млрд тонн), ЛУКОЙЛ (1,51 млрд тонн), Сургутнефтегаз (1,49 млрд тонн).

Но, во многих отношениях, период 1985—1991 годов можно относить к «советским временам» с большой натяжкой, когда железные госплановские порядки уже не соблюдались. Лишнюю работу тогда никто делать не собирался, поэтому можно предположить, что 30-летний «неснижаемый резерв» был у нас только в начале 1980-х, а затем началось падение. В этом случае можно подозревать, что в «постбрежневский» период вновь разведанные месторождения не восполняли добычу, которая тогда велась рекордными темпами. Но если допустить подобную ситуацию, то получается, что современные запасы составляют не 11 млрд тонн, а меньше. Не 8, правда, но 9—10 млрд тонн (кое-что за эти годы все-таки разведали).

Если какая-то информация дедуктивно, из

известных данных, не выводится, полагается прибегать к «экспертному опросу». Расспрашивать разных людей, и, если они поняли вопрос («оказались в теме»), то существует ненулевая вероятность, что они где-то такие цифры слышали. Данный случай как раз из таких. Так вот, экспертный опрос дал оценку: 7—8 млрд тонн (на начало 2002 года).

Несмотря на секретность, официальные источники ни с того, ни с сего заявили в июне 2002 года о 20-летнем сроке исчерпания ныне существующих запасов, что при современной добыче около 400 млн тонн опять-таки дает оценку менее 10 млрд тонн, ближе к 8.

Заметьте, что и 7—8, и 11 млрд тонн никак не составляют 13 % мировых запасов. Получается 5—8 %, никак не второе место в мире, хотя именно так зачастую говорят. Извините, это, в лучшем случае, шестое, если не седьмое, за Венесуэлой. А особенно неприятно, что иностранные оценки нефтяного потенциала России чаще всего близки к минимуму (4 %), а практика показывает, что их оценки наших дел нередко оправдываются.

После относительного пика добычи в 1990 году (абсолютный пик был достигнут в конце 1960-х) добыча в России несколько лет падала до уровня около 300 млн тонн. А в 2001 году начался резкий и необъяснимый рост. Сейчас добыча в России приблизилась к советскому уровню, но это связано больше, на мой взгляд, не с ростом потребления, а с расширением возмож-

ностей транспортировки нефти из страны. Совсем недавно, в 2000 году, рост добычи хотя бы до 360 млн тонн планировался только к 2020 году, и лишь по самому оптимистическому прогнозу (Энергетическая программа). Но выросли мировые цены на нефть — и добыча перемахнула 400-миллионнотонный рубеж, а Россия стала первым в мире экспортером.

Как оказалось, резкое падение добычи в середине 1990-х (почти вдвое по отношению к 1990-му) объяснялось все же не исчерпанием месторождений. Советский задел был вполне приличным. Проблема была в реализации нефти: пропускная способность «трубы» не достигала и 125 млн тонн, еще кое-что можно было вывозить менее удобными видами транспорта, но не все, что можно было добыть. А снабжать отечественный рынок нефтяникам невыгодно: внутренняя цена на нефть и нефтепродукты существенно ниже мировой. Да и по этим ценам, вследствие общего падения производства, платежеспособный спрос невелик — наша индустрия так и не научилась работать на мировой рынок, теперь уже даже не важно, почему. Но в результате городам и населению нечем платить за энергию! Почему все же снабжение идет? По-моему, просто Христа ради. Кроме того, работа на внутренний рынок предусмотрена лицензионными соглашениями, на основании которых частные компании и получали в начале 1990-х свой кусок пирога (помолимся за

безвестных составителей текстов этих соглашений). Важно также и наличие в нашей стране экспортных пошлин, они добавляют внутреннему рынку немного привлекательности в глазах нефтяников. Надеюсь, при переговорах с ВТО удастся эти пошлины сохранить — аргументы у нас есть, наша экономика изначально самая энергоемкая, должны же мы чем-то это компенсировать!

И рост экономики России в 2001 году происходил во многом благодаря строительству трубопроводов и портов для отгрузки нефти за рубеж. Новыми месторождениями, тем не менее, этот рост не подкрепляется, объемы подтвержденных запасов падают. Тот же официальный источник сообщил о 40-летнем периоде добычи нефти в России вообще — предполагается, что прогнозные запасы (сколько вообще есть нефти в российских недрах) примерно соответствуют доказанным. Но даже если каким-то чудом они будут открыты (точнее, переведены из разряда прогнозных в доказанные), надеяться на освоение и обустройство новых месторождений без периода снижения добычи нельзя. Это очень дорогостоящее и трудное дело, расположена эта нефть, если она есть, «на Северах».

К сожалению, результаты геологоразведки каспийского шельфа в российском и азербайджанском секторах не подтвердили ожиданий оптимистов — обнаружены сотни миллионов тонн, но отнюдь не миллиарды.

НАСКОЛЬКО ИНФОРМАЦИЯ ДОСТОВЕРНА?

Можно ли верить официальной информации?

Существующие оценки в различных странах достоверны по-разному. Ведь, несмотря на терминологию, «Доказанные запасы» все-таки являются своего рода оценками. В весьма авторитетном издании встретилось, например, такое: «доказанные запасы Каспия — 2,5—5 млрд тонн». Каков же тогда размах прогноза?

По опыту США, некоторые месторождения давали за срок эксплуатации в 6—7 раз более первоначальных доказанных запасов, что связано с принятой там «жесткой» методикой оценки (данные WEC («Всемирный Энергетический Совет», независимая исследовательская организация), 1998 год). Правда, так было раньше, это касается месторождений, оцененных в 1930-е годы и исчерпанных к 1960—70-м. В других странах коэффициент превышения окончательной добычи над первоначальной оценкой достигал от 2 до 4, но кое-где была возможна и обратная ситуация, когда месторождение не давало первоначально назначенной добычи из-за слишком «оптимистичной» методики оценки ресурсов или если месторождение было загублено хищнической разработкой.

И второе — не редкость для нынешней России. Примеры в весьма экспрессивной форме подачи приводятся в книге М. Калашникова

«Битва за небеса». Но, похоже, советские люди к тому же были полны оптимизма. Я слежу за цифрами несколько лет. Еще в середине 1990-х все уверенно говорили о 13 % от мировых запасов в России. Это вошло даже в «Концепцию энергетической политики России» за 2000 год. Сейчас оценки более трезвые. Куда же девалась половина запасов? Иногда уточняют — это СССР имел 13 %. Но в других постсоветских странах запасы совсем невелики — из них крупными запасами располагают Казахстан (с конденсатом — оценки от реалистичного миллиарда до оптимистичных 2,5 млрд тонн), Азербайджан (примерно 1 млрд тонн) и, может быть, Туркменистан.

А еще говорят о 13 % от мировых прогнозных запасов. Как мило — не 12 % или 14 %, а именно 13 %. От чего? От того, что предполагается со значительной степенью неопределенности. По-моему, эти 13 % имеют какое-то магическое влияние на умы. Сильно удивлюсь, если при подведении итогов нефтяной эры получится нечто похожее. Обязуюсь в этом случае съесть... ну не ботинок, как, говорят, обещал по какому-то случаю Хрущев, и не шляпу, как обычно клянутся американцы, но хотя бы свой носок. Естественно, в случае, если найдутся сторонники 13 %, готовые сделать то же самое. Подведение итогов — к 2020 году!

Увы, к сожалению, корни проблемы ведут в прошлое. Получается, что к 1991 году Госплан имел дело с недостоверными, преувеличенны-

ми данными. Почему так получилось? Я думаю, вследствие бюрократической системы управления.

Думаю, что на всех этапах оценки запасов причастные должностные лица были заинтересованы в оптимистичных оценках. Вполне возможно, что не из-за материальной заинтересованности (расспросите знакомых геологов, может быть, они вам что-то расскажут). Это обычное свойство любой бюрократической системы — говорить об успехах громко. Для иллюстрации этого свойства обычно рекомендуют «законы Паркинсона» — я же предлагаю, на первый взгляд, не относящуюся к делу книгу.

Советский поэт Евгений Долматовский кроме того, что был хорошим поэтом, еще и написал документальную книгу о войне. Летом 1941-го был на юге Украины такой эпизод — две наших армии, 6-я и 12-я, были оттеснены от основных сил и после тяжелых боев погибли. По сути, они «израсходовались» — не то, чтобы немцы принудили их к капитуляции, просто не только солдат, но даже армия не может долго воевать автономно — без восполнения потерь и израсходованных запасов, без непрерывного подвоза пополнений, боеприпасов и материалов.

Долматовский в этих боях был ранен, его, привязанного к лошади полотенцем, выводили из зоны боев, он попал в плен, бежал — в общем, испил чашу до дна. И в своей книге «Зеленая Брама» (так назывался лес, где разыгрался последний акт трагедии) он, кроме прочего,

исследует один частный вопрос: в немецких послевоенных источниках по итогам битвы говорится о 100 тысячах пленных. Эта цифра совершенно несуразна, такого не могло быть (к началу сражения в обеих армиях бойцов было меньше), да Долматовский и сам говорил с бывшими сослуживцами, сидевшими в «Уманской яме» — концлагере, где в нечеловеческих условиях содержались пленные бойцы и командиры 6-й и 12-й армий. Они могли оценить, сколько в действительности осталось людей — 100 тысяч никак не получалось.

И ему удалось проследить по трофейным документам, как, на каких этапах, от нижестоящих к вышестоящим, от одного германского военачальника к другому, первичные, относительно правдивые цифры росли и росли. И из более-менее достоверных 35 тысяч, большинство из которых, кстати, были просто ранеными из медсанбатов и госпиталей, получилось сначала 70 тысяч (умножили вдвое), а потом и до 100 тысяч. Это, в общем, не вранье — ведь и 35 тысяч, и 70 — «до 100 тысяч»! Так на самом верху и получились фигурирующие сейчас в западных публикациях кругленькие 100 тысяч, а оттуда — попали в творения наших неразборчивых «историков».

Очень поучительный пример, да и книга сама по себе интересна, не только для любителей военной истории. Не припомню где-либо в литературе таких хороших, а главное, реальных иллюстраций бюрократического наращивания

отчетных данных. Хотя, что греха таить, и сам отчеты составлял.

Нужно хорошо представлять себе, что эти приписки — не свойство одного только гитлеровского вермахта. Любая бюрократическая система, советская она, японская или американская, неизбежно преувеличивает собственные достижения, и противостоять этому может только независимый и вышестоящий орган, причем исключительно драконовскими методами. Так, в нашей армии, благодаря системе премирования за уничтоженные самолеты и танки, приписки по этим статьям наказывались как финансовые злоупотребления. Там же, где эта система не действовала — и у нас врали не хуже немцев. Когда подчиненный осторожно осведомился у составлявшего реляцию Суворова, не многовато ли, мол, пишем убитых врагов, полководец ответил: «А что их жалеть, супостатов?».

Трагикомичный пример приводился в полемике по поводу американских авиационных потерь в Корее за войну 1950—53 годов. Естественно, американцы их признавали по минимуму — по-моему, около 114 единиц. Советские и северокорейские сведения были другими — около 2700 единиц, но ведь и мы могли преувеличить свои успехи. Но по отчету американской же спасательной службы 5-й воздушной армии, отчитывавшейся за эвакуацию сбитых летчиков с вражеской территории, только из Северной Кореи были вывезены более 1000

человек! Как резюмирует Ю. Мухин, «сразу всем одинаково врать просто технически невозможно». Также американские технические службы сообщили о выходе из строя во время корейской войны 4000 единиц авиатехники. Если учитывать, что небоевые потери часто равны боевым, если не превышают их — то итог составляет около 2000 единиц — ближе к нашей статистике, а не американской.

Привожу данные примеры искажения отчетности лишь потому, что они выглядят привлекательно. Но в бизнесе вопиющих случаев фальсификации больше, и гораздо более значительных. Но они, как правило, были малоизвестны, причем в экономике западного типа ни одна компания не торопится заявлять об убытках, но зато громогласно объявляет о прибылях. У нас немного иная экономическая ситуация, когда даже банкротства кому-то бывали на руку — а раз так, то и они фальсифицировались.

Судите сами — в современных условиях кого и когда наказывали за искажение данных о ресурсах нефти? Да еще и прогнозных? Спасибо, что хоть какую-то информацию дают, ведь не обязаны. Следовательно, если необходимость существует, то данные по резервам могут быть искажены, особенно если это в чьих-то интересах, и не стоит негодовать, нужно просто относиться к любой информации с конструктивным недоверием, «по-бухгалтерски».

Короче говоря, официальные данные по запасам нефти в СССР были скорее завышены,

чем занижены. Но и в современной России эта «повысительная тенденция» продолжает действовать, отчасти уже по другим причинам. Как известно, нефть у нас приватизирована; но нынешние владельцы российской нефти постоянно испытывают инвестиционный голод, хотя это одна из немногих в принципе финансово привлекательных отраслей. Естественно, заинтересовать инвестора — и нашего, и иностранного — легче компанией, имеющей много ресурсов. Поэтому лучше говорить, что у тебя нефти много, чем мало. Я не говорю о сознательном обмане — это дело наказуемое, не юридически, так по-иному — но и такое случается. Не слишком афишируются случаи, когда в уже разведанном месторождении вдруг не оказывается нефти, надеюсь, что это не массовое явление.

Можно ведь приводить верхнюю границу оценок, диапазон всегда есть. Статистика в этой сфере вообще запутана донельзя, примеров — тьма. Инна Гайдук в «Нефтегазовой вертикали» (№ 6, 2001) отмечает, что у нас ухитрялись потребить и экспортировать за год в полтора раза больше дизельного топлива, чем произвели. Расхождения в десятки миллионов тонн. Особенно если учесть, что в сообщениях о себестоимости добычи нефти наши компании допускают совершенно непонятные «прыжки» (внутрикорпоративные цены на нефть обосновываются себестоимостью, а чем ниже внутренняя цена на нефть, тем больше получат прибы-

ли «дочки» экспортеров). Так долго ли напутать в прогнозе?

Интересен также вопрос — а США? Можно ли верить сведениям о 3 млрд тонн нефти в доказанных запасах? К тому же, с учетом давешних примеров, эти три миллиарда можно, вроде бы, увеличить в несколько раз?

Если кто-то из американцев прочтет эту книгу, я думаю, никто из них не обидится на следующее мое утверждение: американцы при желании могут надуть кого угодно. И фальсификации отчетной информации их учить не нужно — примеры 2002 года под рукой — но не думаю, что скандалы с «Энроном», «Ксероксом» и «Волдкомом» — признак неожиданного и спонтанного падения нравов.

Боюсь, что ссылаться на пуританский дух отцов-основателей не стоит. Мало ли что было в 1950—1960-х годах? Тогда нефть добывали люди старого закала. Теперь, после кризиса 1970-х, информация о запасах нефти в США стала сильнейшим фактором ценообразования на мировом уровне. И отцы-основатели (люди достаточно деловые) прекрасно знали Первое Правило Большой Экономической Игры: «Продавай дорого, а покупай дешево».

США не продают нефть, они ее покупают, и гораздо больше, чем добывают сами. И насколько им выгодно держать высокими цены на программное обеспечение и гражданскую авиатехнику, точно так же им выгодны низкие цены на нефть, пусть даже это приводит к ра-

зорению некоторых собственных нефтепроизводителей.

Ведь если вдруг станет известно, что собственные запасы США подходят к концу — это не может не вызвать подорожания на мировых рынках нефти. Поэтому, мне кажется, некоторое преувеличение собственных ресурсов соответствует интересам США, и, думаю, в рамках возможного они это и делают. По-человечески вполне понятно — американцам вряд ли приятно подчеркивать собственную зависимость от стран Персидского залива.

Таким образом, данные для США, вполне возможно, завышены (хотя по мнению экспертов WEC, они могут быть, напротив, занижены).

Также малодостоверны сведения о Китае. Эта страна традиционно не склонна раскрывать свои карты. Так, по мнению некоторых наших экономистов, китайцы занижают производство некоторых видов продукции в 2—3 раза. Они доказывают это сведениями о производстве, например, подшипников. Мы когда-то поставляли оборудование для подшипниковых заводов — и нам хорошо известна реальная их производительность.

Так ли это — трудно сказать, «Восток — дело тонкое». Как учил философ и военный теоретик Сунь Цзы: «Если ты далеко — показывай, что ты близко, если ты близко — показывай, что ты далеко». Японцы, тоже поклонники Сунь Цзы, перед Второй мировой войной всячески поддерживали дурацкий слух, что японцы от при-

роды не приспособлены к высшему пилотажу — они, якобы, теряют на высоте координацию. Перл-Харбор показал, что это не так. Люди, даже военные атташе, порой так легковерны...

С другой стороны, Китай теперь тоже стал страной, потребляющей сырье и заинтересованной в низких мировых ценах на нефть и газ, поскольку собирается их импортировать (соответствующие переговоры с нами проводятся). Значит, можно и преувеличивать свои запасы — дескать, не так уж нам и нужно ваш газ покупать. Но вообще-то запасы Китая, каковы бы они ни были, для остального мира интереса не представляют. Это сейчас страна стала производящей, и китайцы хорошо знают Второе Правило Большой Экономической Игры: «Продавай труд, покупай сырье». Свое сырье они сами используют и никому не отдадут.

Как ни странно, далеко не разведаны ресурсы Персидского залива — за ненадобностью, там пока хватает того, что известно. Запасы Ирака, в частности, могут оказаться существенно большими, чем принято считать.

В других регионах особых неожиданностей (в лучшую сторону) ждать не стоит.

В общем, не похоже, что широко известные данные о запасах нефти дают основания ждать какого-то чуда. Скорее всего, чудес не будет, и у нас (человечества) есть только то, что есть.

Но все-таки: что делать с прогнозами, говорящими об еще скрытых в недрах Земли полуторных или двойных резервах?

Они не основаны на прямых доказательствах. За ними не стоят пробуренные скважины с нефтяными фонтанами. Эти прогнозы базируются на знании общих закономерностей залегания нефтяных пластов и сведениях об известных геологических структурах, где нефть может быть — а может и не быть — и Каспий хороший тому пример. Эти предполагаемые месторождения до сих пор не открыты, и это о чем-то говорит — ведь нефть в XX веке искали активно. Наша территория геологами исхожена неплохо, что доказывается обнаружением во многих местах, вплоть до Московской области, мелких месторождений. Они пока не используются — ну есть там, скажем, 2—3 млн тонн стоимостью, по нынешним ценам, в 300—400 млн долларов; экономически целесообразно добывать в год миллионов на 10 (потом поясню, почему не больше); а во сколько обойдутся обустройство месторождения, дорога и нефтепровод?

Еще одна причина, почему эти «кладовые Солнца» до сих пор нетронуты даже разведочными скважинами — часто они неудачно расположены.

Шельфы российских (наверное, и канадских) полярных морей перспективны на нефть и газ. Но по этим морям движутся со скоростью пешехода ледяные поля метровой и более толщины. Посчитайте массу такого поля размером километр на километр — и не удивляйтесь полученному результату.

Теперь представьте, что нефтяной платформе нужно бо́льшую часть года противостоять подобным полям — а ее основание находится на глубине более сотни метров. Трудное дело! Это вам не незамерзающее Северное море. И нефтепровод на материк прокладывать нелегко, и танкерам трудно пробиться к вышкам.

Есть на севере Сибири узкий извилистый залив — Обская губа. Узкий он на карте, в реальности он как море — шириной 50—70 км. ЮКОС который год собирается начать разработку нефти под губой — но не простое это занятие. Как вышки ставить? Снесет ледоходом. Бурить наклонно, с берега — километров многовато. Не наше это дело, но мы с Ю.И. Мухиным, посовещавшись, пришли к однозначному выводу — без намывных островов не обойтись. Интересно, эта нефть для ЮКОСа тоже будет самой дешевой в мире по себестоимости, как сейчас утверждается про другие его месторождения?

Короче говоря, не нужно удивляться, что потенциальные инвесторы проявляют интерес к шельфу Южного Сахалина, но не севернее; к западной части Баренцева моря, но не к восточной. Дело не только в геологии — в климате также, и в ледовой обстановке. Там, где море зимой замерзает, толком работать пока не научились, или такая работа обходится дорого.

Возможно, в будущем, когда нефть станет большим дефицитом, появится стимул для раз-

работок и на Карском море; возможно, и высокая цена нефти позволит окупить огромные затраты на разведку и обустройство полярных шельфовых месторождений... возможно.

Если они, конечно, есть.

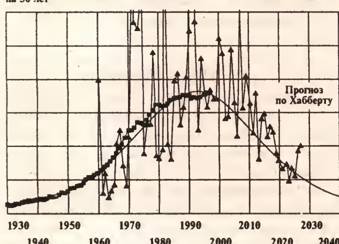
ПРАВИЛО ХАББЕРТА

Почему World Energy Councel (WEC, Всемирный энергетический совет) считает, что добыча нефти в мире не будет расти? По их оценкам, снижение добычи из-за ресурсных ограничений начнется примерно до 2020 года.

Делать прогнозы — дело трудное, это больше дело религии, чем науки. Тем не менее, эмпирические закономерности имеются. Так, Хабберт (Hubbert) еще в 1950-х годах предсказал пик добычи нефти в США, с последующим падением. Прогноз блестяще оправдался. А методика была довольно проста: строился график открытых месторождений по годам — для Америки пик открытий пришелся на середину 1930-х — и затем сдвигался в будущее на 35 лет.

Нужна была изрядная смелость. В 1950-е годы месторождения нефти открывали очень неравномерно от года к году — но Хабберт увидел тенденцию к перелому, и правильно оценил, на сколько лет вперед нужно сдвигать график. Для этого нужно хорошо знать тогдашнюю технологию нефтедобычи, сроки освоения и выработки месторождений.

Добыча нефти в мире (кроме Персидского залива) и прогноз по Хабберту

Ведь в принципе можно месторождение так обустроить, столько вышек понаставить и транспортных путей подвести, чтобы истощить его за год. Но только что потом с этими трубами и дорогами делать? Вывозить — себе дороже, да для большей части оборудования это и невозможно. Срок службы всяких конструкций — несколько десятков лет; значит, за год полезно использовать лишь несколько процентов от затрат.

Вообще считается, что буровые должны служить лет 30—35, как и нефтепроводы, хотя на Южном Сахалине до сих пор работают скважины, построенные еще японцами. Но это исключение.

Это значит, что и обустраивать месторождение нужно так, чтобы добывать ежегодно около

3 % от его объема: тогда все скважины полностью выработают свой ресурс. Если же добывать больше — значит, часть вложений сделаны нецелесообразно, месторождение уже будет выкачано, а оборудование придется бросать еще годным к употреблению.

Но это в идеале, в реальности мотивы поведения владельцев месторождений бывают разными.

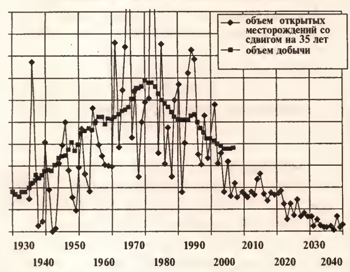
В 1990-е, кстати, в США ежегодно добавлялись к запасам десятки миллионов тонн — при добыче в сотни миллионов — и это значит, что уже к 2020 году собственная добыча в США сойдет на нет.

Так вот, применение этого правила к мировым запасам (за исключением Персидского залива), только с 30-летним сдвигом, дает пик добычи в конце XX века. А затем добыча должна начать снижаться...

Действительно, в 1970-е открывали по 4 млрд тонн в год, а вот в 1990-е — по 1—1,5 млрд тонн. В 1970-е добывали существенно меньше, чем вновь открывали — и запасы росли, несмотря на нефтяной кризис, а вновь открытые сейчас месторождения не восполняют добычи...

Поэтому, хотя нынешнее состояние доказанных запасов — величина непостоянная и из-за каких-то крупных открытий может и повыситься — все же идет понижение их объемов. Хотя перспективные ресурсы (напомню, это еще более умозрительная величина, чем прогнозные), вроде бы, в два раза превышают доказанные, ситуация не слишком хороша. Общая тенден-

**Объемы разведенных месторождений
по годам со сдвигом в будущее на 35 лет
и ежегодная добыча для США
(без Аляски и Гавайских островов)**

ция в мире такова, что вновь разведанные месторождения не превышают добычи, и объем подтвержденных запасов уменьшается.

Справедливости ради нужно сказать, что в обоснование своего прогноза эксперты WEC апеллировали и к снижению добычи в России. Сейчас добыча в России растет. Но стоит ли на нашем частном примере считать мировой прогноз необоснованным? Сопровождается ли рост российского экспорта также ростом доказанных запасов? Это и есть маленький секрет нашего правительства и наших нефтеэкспортеров. Я пишу союз «и», потому что не знаю, можно ли без него обойтись.

И еще несколько слов, тоже ради справедливости. В той же книге, где эксперты WEC говорят об исчерпанности ресурсов, но в другом разделе, говорится о сценариях энергопотребления на XXI век. Некоторые из них принадлежат МЭА (Международная энергетическая ассоциация, объединяющая потребителей энергии) и ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития — раньше объединявшая страны «золотого миллиарда», сейчас туда приняли и некоторых победнее). Сценарии эти разработаны исходя из потребностей и тенденций в потреблении. И по всем сценариям — оптимистичным и реалистичным — показан значительный рост добычи нефти — например, к 2050 году до 5 млрд тонн в год. Перед этим парадоксом я умолкаю.

Но есть, к счастью, возможность проверить достоверность этих радужных картинок: кроме того, МЭА и ОЭСР обещали к 2005 году мировую добычу нефти в 4,15 млрд тонн и газа в 3 млрд тонн, то есть около 3 трлн кубометров. Ждать осталось недолго, посмотрим, что за экспертов собрали Международная энергетическая ассоциация и Организация экономического сотрудничества и развития.

В общем, резюме таково: даже если я не прав в своем скептицизме, следует всегда придерживаться правила: надейся на лучшее, а готовься к худшему. Исчерпание мировой нефти к 2050 году — это не худший сценарий, а скорее оптимистический, основанный на доверии к имеющейся информации. Которой я лично не доверяю.

Часть 3

НЕФТЯНАЯ НАРКОЗАВИСИМОСТЬ

Но может быть, можно без нефти обойтись? Жили же наши деды?

Это самый интересный вопрос, который почему-то не всегда правильно понимается.

Так зависит ли Запад от нефти? Является ли ее исчерпание проблемой?

Да, и еще какой!

А ТАК ЛИ УЖ НУЖНА ЭТА САМАЯ НЕФТЬ?

Вся промышленная революция базировалась на освоении новых источников энергии — на смену ветряным и водяным мельницам пришел пар, полученный от сжигания сначала дров, затем каменного угля. Человек нашел замену и грязному, и трудоемкому в добыче каменному углю — в виде нефти и газа. Кто оценит, насколько был бы велик прогресс, если нефти и газа просто не было бы?

Человек XIX века, чудом оказавшийся в нашем времени, вряд ли удивился бы спутниково-

му телевидению и сотовым телефонам, скорее он огорчился бы, если бы этого не увидел. Но вот роль нефти, судя по фантастике конца XIX века, тогда недооценивали, больше надеялись на «превращения радия».

Масса вещей, олицетворяющих собой новую цивилизацию, невозможна без нефти и газа. Так или иначе, современная цивилизация базируется на дешевых и доступных источниках энергии — ископаемых углеводородах в жидкой и газообразной формах. Остальные источники, хотя и занимают иногда важное место в экономике, не так гибки и универсальны. Можно ли представить себе равноценный современному автомобиль без бензина или хотя бы сжиженного газа? А асфальтовые дороги? А экологически чистые города? Знаменитый «дом на набережной» не случайно был выстроен грязно-серым — архитекторы понимали, что соседство с Московской электростанцией, работавшей тогда на угле, требует скромности в выборе цвета. Если перевести энергоснабжение Москвы обратно на уголь, в атмосфере ежегодно окажутся десятки тысяч тонн сажи и сернистого ангидрида, даже при существующих технологиях.

То же касается и других развитых стран. Сейчас страны Запада ежегодно потребляют несколько тонн условного топлива на человека, причем, чем совершеннее экономика, тем — странная вещь — душевое потребление выше. Роль расточительности при этом невелика — даже наша экономика, по авторитетным оцен-

кам, имеет резерв за счет этого фактора лишь 30 %. А уж в мировой-то экономике улицу не обогревают и мазут в речку стараются не спускать — рынок, не побалуешь.

Кто и сколько топлива, в частности нефти, в мире расходует?

В отечественной литературе мне встречались независимые публикации на эту тему трех авторов — докторов технических наук В.В. Клименко и В.Г. Гагарина и доктора физико-математических наук В.Р. Хачатурова. Их данные различаются незначительно, а выводы следуют однозначные: уровень развития страны жестко связан с потреблением энергии. Высокоразвитые потребляют много, слаборазвитые — мало.

Это очень существенный вопрос, и его нужно бы поставить в начало главы: что служит критерием развитости, «культурности» страны? Мы все, и сознательно, и бессознательно, считаем, что есть некий идеал, к которому все страны и народы стремятся в своем развитии. И основное, магистральное направление «западной» цивилизации — к этому идеалу. Кто продвинулся по пути дальше, тот ближе к цели человечества — если считать, что человечество имеет цель.

Мы подсознательно ведем список стран более культурных, с нашей точки зрения. Можем мы и отличить культурную нацию от некультурной — по тысячам признаков. Зайдите в любой стране в общественный туалет — и не ошибетесь, в культурной стране вы оказались или путь

к вершинам цивилизации у нее еще долог. Но хотелось бы иметь и критерий численный, просто вычисляемый — чтобы, не посещая страну, определить степень ее цивилизованности. Не говорить, как о человеке — «высокий» или «среднего роста». Вот если скажешь — 198 см при среднем росте 175 см — тогда все понятно.

Кто-то из прочитавших это, спросит — а не путает ли уважаемый автор культуру и культурность, культуру и цивилизацию, прогресс человечества и развитие цивилизации? Немного путаю, конечно. Как и все нормальные люди. Но, как и они, я небезнадежен, и в конце концов смогу отличить развитие человечества от взлета или упадка конкретной цивилизации, которых на Земле было и есть до сих пор немало.

Вот такой вычисляемый критерий «цивилизованности» для стран умеренного пояса весьма прост: душевое потребление энергии. Все прочие показатели, как правило, коррелируют с ним. Как материальные — количество на душу холодильников, телевизоров и так далее, так и, так сказать, гуманитарные. И продолжительность жизни, и объемы телевещания, и всякое разное.

А раз этот критерий главный (хотя бы из-за его простоты), то и ознакомимся с ним поближе.

Для начала определимся, в каких единицах будем считать.

Потребление энергии рассчитывается в нескольких единицах. У нас больше приняты т.у.т. — «тонны условного топлива». 1 т.у.т. по тепло-

творной способности примерно соответствует тонне каменного угля. В англоязычной литературе т.у.т. называется tce (tonne of coal equivalent). Там, правда, больше принят «нефтяной эквивалент» — toe (tonne of oil equivalent), по-русски тнэ — «тонна нефтяного эквивалента». Другие виды топлива с определенным коэффициентом пересчитываются в угольный или нефтяной эквивалент. Соотношение между ними, примерно, такое же, как между теплотворной способностью каменного угля и нефти: 1 т.у.т. соответствует примерно 0,7 тнэ.

По другим энергетическим эквивалентам лучше дать табличку пересчета:

Таблица 2

Энергетические эквиваленты

Энергоносители	toe, тнэ, тонна нефтяного эквивалента
1 т.у.т, 1 тонна каменного угля	0,697
1 т дров	0,380
1000 куб. м природного газа	0,857
1 тонна сжиженного газа	1,096
1000 киловатт-час тепловой энергии	0,086
10,034 Гкал	1,0

Естественно, эти единицы условны, ведь различные сорта угля и нефти обладают различной теплотворной способностью. Одно дело подмосковный уголь с 30—40 % зольностью, а другое

дело кардиффский или сучанский, из тех сортов, что в начале XX века называли «боевыми», подходящими для военных судов. То есть 1 т.у.т. и 1 toe — это даже не тонна неких условных угля и нефти, а теплотехнические единицы измерения, с определенными коэффициентами переводимые в обычные калории и джоули. То есть, если сжечь тонну угля неправильно, с потерями, то тепла на 1 т.у.т. не получишь.

И киловатт-часы бывают разными — тепловые и электрические. Если при сжигании 1 тонны нефти можно получить тепла что-то около указанного в таблице значения, то при производстве электроэнергии КПД преобразования менее 40 %, остальная же энергия превращается в тепло.

Это и становится причиной невыгодности отопления электричеством. Электроплитка у нас дома выделяет лишь 40 % энергии топлива, потраченного для производства электричества, остальные 60 % остались в месте сжигания и на пути к нам. Это относится и к топливу ядерных электростанций.

Для нашей страны был бы удобнее счет в нефтяном эквиваленте, потому что у нас в расчетах отопления используются гигакалории, а 1 тонна нефтяного эквивалента почти точно равна 10 гигакалориям. В т.у.т. считать менее удобно — одна тонна угольного эквивалента равна 7 гигакалориям. Интересно, что в Москве в расчетный прожиточный минимум входят 5 гигакалорий в год на человека — то, что идет

на отопление. Электроэнергия на освещение и бытовую технику, на приготовление пищи сюда не входит. То есть считается, что прожиточный минимум отопления в Москве — 0,5 тонн нефти или 0,7 тонн угля. Реально же Москва расходует по 5 т.у.т. на человека — в семь раз больше прожиточного минимума. Но не кричите с ходу «зажрались!». Это не больше, чем в среднем по стране. Почему, кстати? Конечно, уровень комфорта в Москве выше, и живут москвичи богаче. Но чем теснее люди сбиваются в кучу, тем экономичнее отопление — например, разбросанный по огромной территории Новосибирск, конечно, энергии потребляет много.

Прикинем ради интереса, как жили (и живут) люди в деревне?

Для отопления деревенского деревянного дома нужно не менее 20 кубов дров на зиму. Это около 8—10 тонн — примерно 3—4 тонны нефтяного эквивалента на семью из 6—7 человек. Цифра получается близкой к современному минимуму — но жили тогда действительно без излишеств, из четырех комнат отапливали обычно две, а в сильные морозы вся семья собиралась в одной. Ежегодный прирост древесины в России обеспечивает примерно 0,6 тонны нефтяного эквивалента на душу — а в Финляндии около 2 (12 кубометров прироста древесины на душу в год). Это значит, что при современном лесном хозяйстве и современной численности населения дерева в России хватит только на мини-

мум отопления — может быть, с расходом на транспорт. Но не более.

А вот каковы уровни потребления энергоносителей в некоторых странах и регионах мира для 1990 года (по данным В.Р. Хачатурова, с округлением):

Таблица 3

Среднедушевое потребление энергии и производство ВВП в год

	Потребление в т.у.т.	В нефтяном эквиваленте	ВВП на душу в год, тыс. долларов
Канада	13,5	9,5	15,1
США	11	7,7	18,3
Россия	8,5	6,0	8,1
Европа	4,4	3,1	7,6
Япония	5	3,5	13,6
Индия	0,5	0,35	0,6
Китай	0,8	0,56	1,1
Азия (остальная)	0,52	0,36	1,3
Африка	0,5	0,35	0,8
Австралия и Новая Зеландия	7,4	5,2	10,3
Латинская Америка	1,4	1,0	3,1
Весь мир	2,1	1,5	3,5

Цифры настоящего времени за прошедшие 12 лет изменились не очень сильно, кроме стран СНГ (в России потребление энергии упало до 6 тонн) и Китая — там потребление уже к 1998 го-

ду выросло чуть ли не вдвое. Значительно выросло оно и в Индии.

Видите? Сейчас все развитые страны Запада ежегодно потребляют несколько тонн условного топлива на человека, причем, чем совершеннее экономика, тем — странная вещь — душевое потребление выше. Весьма высоко потребление на одного человека в США — 11 т.у.т. — так это ведь самая развитая страна мира. Кто сомневается?

В западной литературе эти цифры отдельно, как правило, не приводятся, чтобы не создавать превратного впечатления. Там обычно добавляются данные об объеме ВВП или об энергопотреблении — количестве продукции, произведенном на единицу потребленной энергии, или наоборот. Большинство развитых стран, потратив 1 тонну нефтяного эквивалента, производят ВВП на 2—3 тысячи долларов. Япония даже на 4 тысячи.

Миру от этого не легче. Да, энергия потребляется не просто так, не транжирится попусту — но, если учесть, что бóльшую часть ВВП составляют услуги и товары, потребляемые в том же западном мире? Тем же «золотым миллиардом»? Остальным-то пяти миллиардам все равно ничего не достается!

Таким образом, расход энергии на душу населения — критерий высокого уровня жизни. А расход энергии на единицу ВВП говорит о чем-то другом, по этому показателю развитую страну от развивающейся не отличишь.

Вопреки многочисленным утверждениям о наступлении «информационной эры», когда энергия и материалы почти не расходуются, в действительности высокий жизненный уровень обеспечивается расходом ресурсов. К сожалению, трудно найти данные, какая именно часть энергоресурсов (да и других материалов) расходуется на конечное потребление, а какая — на производство. Что идет на комфорт (кондишн, джакузи, подогрев бассейнов), а что — на промышленность. Разделить сложно — все равно что определить грань между необходимым и излишним в потреблении. Одну и ту же вещь кто-то считают роскошью, а другой без нее жизни не представляет. Но понятно и так: чем больше расход ресурсов — тем выше и уровень жизни.

Насколько наш информационный мир зависит от материального? Несколько лет назад в брошюре с сочным названием «Крах доллара» (2000 год) этот вопрос обсуждался. Были две крайних точки зрения — некоторые утверждали, что современная цивилизация западного типа главным образом информационная, а я утверждал обратное — что качество жизни западных стран впрямую зависит от массивного потребления ресурсов, а понятие «информационной цивилизации» — миф, предназначенный для сокрытия этой грубой истины.

Свою позицию я смягчу, но не сильно. Комфортность цивилизации современного типа значительно зависит от траты ресурсов. И минимизировать затраты, не снижая ее уровень,

очень трудно. Примеров обратного мало. Например, удельное потребление энергии в США, благодаря нефтяным кризисам 1970-х и начала 1980-х годов, снизилось. Американские автомобили вместо 18 л бензина на 100 км пробега стали тратить лишь 10 — но это лишь сближение с общемировым уровнем. Кроме того, реальный жизненный уровень в США начиная с 1970-х годов не увеличивается, а реальная заработная плата 80 % работающих даже понижается.

Опять-таки простите за грубость — но комфортность современного дома на 90 % зависит от наличия (или отсутствия) современной канализации. Это мысль не моя, так утверждается в книгах зарубежных авторов по индивидуальному строительству. И это в сравнительно теплой Европе, даже не в России, где на дворе может быть и —50° С, а уж —20° С бывает практически везде. Поэтому нужны не только чугунные и стальные трубы и фаянсовые изделия в доме. Если живешь в местности, где вода добывается из колодцев 40-метровой глубины — ватерклозет становится роскошью. Нужно гарантированное водоснабжение. А оно, скорее всего, требует электроснабжения — и прочей инфраструктуры. И все это выливается в расход энергии. Поэтому одной экономией на расходе двигателем бензина не обойдешься.

Уровень жизни Запада уже давно не определяется куском хлеба и крышей над головой. Это, действительно, уровень личной свободы — но не в примитивном идеологизированном варианте.

Комфортность современного автомобиля, независимо от модели, превышает таковую даже самого удобного общественного транспорта по одному самому существенному параметру: в автомобиле едешь так и туда, когда и как желаешь (в идеале), не нужно согласовывать свои планы с расписаниями общественного транспорта.

Но эта свобода стоит дорого. Имеется в виду не только расход нефти на бензин или производство самого автомобиля; это расход энергии на создание и поддержание в рабочем состоянии дорожной сети и всей инфраструктуры, требуемой транспортом.

Но не только иллюзорную свободу дает автомобиль (его обладатель обычно трудится как пчелка и пользуется автомобилем как ежедневным транспортом; в свое удовольствие он может покататься только во время короткого отпуска). Автомобиль — указатель общественного статуса. Это не совсем для нас понятное явление, но, как рассказывали мне наши эмигранты, если ты работаешь в фирме, то твое жилье и автомобиль должны соответствовать общему уровню. Я не знаю точно, что происходит с теми, кто, с целью экономии, например, продолжает жить не в том районе и ездить на машине как у Следжхаммера или лейтенанта Коломбо. Думаю, служебные перспективы такого оригинала неблестящи.

И что особенно неприятно в свете обсуждаемой темы — автомобиль должен быть новым.

Западное общество заставляет своих граждан тратить ресурсы очень изощренными способами. Например, на машины старше трех лет страховка существенно дорожает. А езда без страховки граничит с преступлением, если уже не является им. Поэтому на Западе 7-летняя машина стоит дешево, именно потому, что слишком дорого обходится владельцу, и, подозреваю, если бы мы эти машины отказались покупать у них, то они отдавали бы их даром.

И все это при том, что на старых западных машинах вполне можно ездить. Правда, недолго. Ушли в прошлое времена, когда машины были долговечны. Они могут быть долговечны — но по случайности. Такое требование не заложено в их конструкцию, как и ремонтопригодность в любых условиях. Более того, сейчас применяется концепция «контролируемого износа». Что это такое?

Если найти на помойке старый советский цветной телевизор, пока его не обнаружат бомжи, в нем можно обнаружить вполне работоспособные блоки. Например, блок питания с массивными трансформаторами и дросселями из специальной стали и цветных металлов. Но сам телевизор, скорее всего, неработоспособен — некоторые детали вышли из строя: электролитические конденсаторы, трубка... Хотя его вполне можно при желании восстановить.

А вот если что-то выходит из строя в современных телевизорах — ремонт смысла не имеет, вскоре посыплется все. Это касается различ-

ных видов техники, но само понятие «контролируемого износа» было введено американскими автомобилестроителями. По достижении определенного возраста автомобиль должен выйти из строя полностью. Нет смысла тратиться на долговечные узлы, если вся машина пойдет на свалку. Вообще сейчас считается, что допустим лишь один серьезный ремонт сложного технического изделия, если выходят из строя два узла — дешевле купить новое.

Это совсем не потому, что американские инженеры не знакомы со стандартизацией или не умеют работать на перспективу. Напротив, они могут и других этому поучить.

Есть под Москвой, в Кубинке, уникальный Танковый музей. Из нашей «культур-мультур» вообще мало что выдерживает сравнение с заграницей, но этот музей — вполне. По экспонатам, конечно, и уровню экскурсоводов, а не по комфорту и сервису. Он лучший в мире, и понимающие люди именно туда возят иностранцев, если хотят их поразить. Даже западных звезд шоу-бизнеса. Был там и Джим Керри, говорят, пришел в дикий восторг. Так вот, тамошние гиды (я застал еще тех, кто в войну горел в танках по три-четыре раза — уж они-то дело знали) отзывались об американской технике взвешенно, но очень хвалили стандартизацию. Даже когда туда привозили побитую современную технику из Вьетнама, а затем с Ближнего Востока, удавалось восстанавливать ее с использованием запчастей еще от танков Второй

мировой, прибывших по ленд-лизу — катки, например, долго использовались одни и те же.

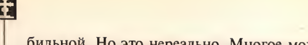
Но тогда задача у американских инженеров была другая. А сейчас она, похоже, изменилась: как можно больше ресурсов израсходовать, принудить потреблять все больше и больше.

Резюмируем.

Цивилизация западного типа характеризуется высоким уровнем расходования природных ресурсов. Но значительная часть их расходуется не на удовлетворение основных жизненных потребностей, а вследствие сформировавшихся стереотипов соответствия определенным стандартам поведения.

Таким образом, основная доля затрачиваемых Западом ресурсов идет не на жизненные потребности. Эти траты определяются принятым стилем жизни — были же в Древнем Риме периоды, когда шиком считалось пользоваться не украшениями из золота, а пудрой из него, чтобы это золото нельзя было второй раз использовать. Но изменить сложившийся образ жизни Запад не может. Живут люди, не умирают при потреблении энергии в десятки раз меньше, чем в США — но Запад даже не хочет задуматься, как это им удается, и что такая ситуация возникнет когда-то и у них.

Откажись сейчас от личных автомобилей — и дополнительная нагрузка на другие виды транспорта и отрасли промышленности — железнодорожное строительство, например — будет несравнимо меньше отмененной автомо-

бильной. Но это нереально. Многое может Запад — не может только по собственной инициативе сократить потребление.

Заметен в расходе энергии, конечно, и географический фактор. Если кто забыл граничное условие, упомянутое в начале, напомню: критерий «цивилизованности» действителен для стран умеренного пояса. Кто севернее, тот имеет в энергопотреблении еще и отопительную составляющую. Канадцы потребляют даже 13,5 тонн, хотя уровень жизни там несколько ниже, чем в США, а производят канадцы меньше тысячи на полторы долларов на 1 toe. Хотя в населенных регионах Канады и выращивают персики, виноград и табак — все же это страна северная, «за фазовым переходом». Но даже самые северные канадцы, эскимосы, расходуют энергоносителей гораздо меньше европейцев.

Россияне, при слабой экономике, не сильно отстают по душевому потреблению энергии от американцев — сейчас всего раза в два. Тоже, несомненно, географический фактор — мы мало что производим, но простое выживание требует затрат. По некоторым оценкам, отопление у нас забирает две трети используемой энергии.

Что интересно: у развивающихся стран часто то же соотношение между ВВП и потреблением энергии, что и у стран Запада. Они гораздо меньше производят ВВП на душу — но меньше и используют! То есть нельзя сказать, что отсталость в технологии выражается в меньшей экономичности потребления энергии.

Вот такой итог: качество жизни (в нынешнем понимании) прямо зависит от потребления энергии на душу населения. И экономичность потребления энергии в процессе производства о развитости страны ничего не говорит. То есть понятие «западная культура» синонимично понятию «потребления на душу», и это не эмоциональная оценка, а медицинский факт.

Ну, от бичевания язв вернемся к делу: а какое место в балансе занимает собственно нефть? Ведь вес различных энергоносителей в структуре потребления разных стран различен. Те же финны, хотя это и ядерная (мирная) держава, за счет дров получают энергии больше, чем от атомной станции!

Для развитых стран данными я располагаю, это объемы суммарного потребления нефтепродуктов в пересчете на нефть. Цифры приведены преимущественно по европейским, а также некоторым другим развитым государствам. Извините, что разбивка по регионам не совсем совпадает с предыдущими таблицами.

Таблица 4

Потребление нефти на душу населения (кг) в некоторых развитых странах

	1990	1994
Австрия	1316	1336
Люксембург	4308	4833
Бельгия	1718	1907

Нидерланды	1361	1329
Великобритания	1302	1277
Норвегия	1847	1802
Германия	1479	1546
Португалия	1065	1170
Греция	1169	1197
США	2770	2723
Дания	1578	1620
Финляндия	2002	1844
Ирландия	1186	1429
Франция	1413	1376
Исландия	2109	2405
Швейцария	1926	1743
Испания	1030	1241
Швеция	1727	1752
Италия	1413	1436
Япония	1851	1960

В России потребление нефти (включая ГКЖ) на душу населения в 1990 году составило 1500 кг, в 1994 — 1290 и в 1995 году — 1230 кг. И при этом к 2002 году Россия вышла на первое место в мире по экспорту нефти — поразительное достижение!

Итак, треть потребляемой в США энергии приходится на нефть. В Японии — более 50 %. Где-то меньше — четверть, как у нас, а где-то существенно больше.

Итак, если нефть будет труднодоступна — разве это критично для современной цивилизации? Уж на четверть-то ужаться в своих потребностях можно!

Можно. Но давайте посмотрим на некоторые частные моменты.

КРОВЬ ЗАПАДА, ЛИЦО ЗАПАДА

Может возникнуть вопрос: а так ли уж важна для современной цивилизации именно нефть? В мире есть газ, уголь, атомная энергия; да и неистощимая термоядерная энергия может быть получена в любой момент.

К сожалению или к счастью, без нефти современная цивилизация приобретет совсем иной облик. Кстати, современная цивилизация — это синоним термина «цивилизация западного типа». Справедливо это или нет, но мы считаем национальную цивилизацию тем более современной, чем больше она похожа на среднезападную, которая, в свою очередь, должна быть похожей на американскую.

Так вот именно нефть определяет лицо западной цивилизации. Это не просто треть потребляемой энергии, это лучшая, самая деликатесная треть. Вспомните, что было выставлено в витрине Запада, когда мы с ним находились в конфронтации? Автомобили, автострады, самолеты, коттеджи и изобилие продуктов (благодаря развитому сельскому хозяйству). Именно этим американцы и победили русскую интеллигенцию, после чего посыпалось и все остальное. Почти весь этот перечень полностью или в зна-

чительной степени зависит от нефти. Что еще есть на Западе такого привлекательного? Разве что Голливуд, в фильмах которого мы и могли увидеть автомобили, автострады, самолеты, коттеджи и изобилие продуктов.

Почему в США так много потребляют нефти?

Это автомобиль, без которого американец — как монгол без коня.

Это грузовой автомобиль, на котором базируется, наверное, лучшая в мире система розничной торговли.

Это тепло- и электроснабжение — там очень распространены автономные источники, энергогенераторы, в масштабе дома или небольшого комплекса, хотя и теплостанций на угле и газе тоже достаточно.

Это индустрия удобрений и сельскохозяйственная техника, без которых Америка не имела бы в руках «продовольственного оружия». Это водокачки — сельское хозяйство Америки, в значительной степени, поливное.

И это не только Америка или Япония, где нефть занимает в балансе даже 50 %.

Приходится ли вам ждать автобуса на остановке? Чтобы скоротать время, попробуйте найти вокруг вещи и явления, имеющие отношение к нефти или без нее вообще невозможные.

Вот шуршат мимо шинами шикарные и не очень автомашины. Едут они на бензине или солярке (дизельном топливе), а это продукт переработки нефти. Их шины сделаны из синте-

тических каучуков и некоторых других веществ, а это — нефтехимия. Ну и как же им существовать без нефти? И краска на автомобиле тоже имеет отношение к нефти, и множество пластмассовых деталей.

В небе след от пролетевшего самолета — его турбины работают на авиационном керосине, он производится тоже из нефти. Кстати, без разнообразных машинных масел и смазок современная техника не работает, причем даже обычный автомобиль требует 4—5 различных их сортов, а военный корабль — несколько десятков.

Посмотрим под ноги. Асфальт для дорог, в конце концов, — тоже нефть. Современный асфальт — продукт нефтепереработки. Это смесь нефтепродукта (гудрона) с песком и щебнем. А гудрон представляет собой смесь битума с известковым порошком. Битум получается из нефти после извлечения бензина, солярки и мазута. Не было бы нефти — производство асфальта было бы очень затруднительным. Не невозможным — битум есть и в других ископаемых, даже в торфе, но там его мало. В качестве связующего можно использовать продукты переработки каменного угля (каменноугольный пек), но продукт будет хуже и дороже. То есть строительство дорог станет дороже, и кому-то машина уже окажется не по карману — следовательно, автомобилистов будет меньше. А чем меньше масштабы какого-то производства — тем единица продукции становится дороже.

Итак, исчезни нефть — и, в конце концов, новое дорожное строительство вряд ли будет возможным, да и поддержание в рабочем состоянии уже построенного затруднится.

Ремонт дорог — целая индустрия. По нормативу, в Московской области за зиму дорожное покрытие замерзает и оттаивает 40 раз. 40 раз вода, превращаясь в лед, расширяется и углубляет трещины. Сразу после исчезновения нефти всего в течение 5—10 лет асфальтовые дороги у нас станут совершенно непроезжими. Правда, если по ним будут продолжать ездить... В Америке дороги подолговечнее — но и только. Без ремонта они потрескаются и в Оклахоме.

А есть некоторые вещи, на первый взгляд не имеющие отношения к нефти. Дома, одежда... Но все современные строительные материалы очень энергоемки в производстве, а ткани, используемые в легкой промышленности, являются продукцией органического синтеза либо высокомеханизированного сельского хозяйства.

Поэтому когда закончится нефть — исчезнет и современная, часто называемая автомобильной цивилизация. Подобное эпохальное событие трудно даже вообразить, что свидетельствует об ограниченности нашего воображения, а не о невозможности или малой вероятности самого события. Автомобиль вовсе не правило, не закон природы, это не такой извечный спутник гомо сапиенса, как ячмень или собака. Он, скорее, исключение и, при всех его положительных качествах, не обещает полного счастья для че-

ловечества. Подозреваю даже, хотя и не могу доказать, что можно быть счастливым и без автомобиля. Наши прадеды, возможно, видели автомобиль, но мало кто на нем ездил — а они прожили насыщенную и небезрадостную жизнь.

В структуре потребления энергоносителей нефть занимает очень важное место — она придает жизни «западное качество» — обеспечивая, по сравнению с твердым топливом, большую экологичность, а по сравнению с газом, атомной и гидроэнергией — большую мобильность.

Жидкое топливо — самое удобное в перевозке и хранении, а удобное — значит, наиболее экономичное, заменить его трудно. Даже сжиженный газ менее удобен, а главное — его тоже не очень много, хватит даже на меньший срок, чем нефти.

И даже после приручения термоядерной энергии наша «прозападная» цивилизация не сохранит привычного нам облика. Проект трактора с термоядерным двигателем — это уж точно фантастика. Термояд даст только электричество, неудобное в мелкой расфасовке. В какое топливо для индивидуального транспорта можно преобразовать электричество?

С электромобилями что-то не очень получается. Что можно синтезировать химическое? В качестве источника энергии для автомобиля можно использовать лишь водород, получаемый электролизом, но водородная технология нуждается в серьезной доработке. Когда-то, до

Первой мировой войны, германские инженеры мечтали об электротракторах. И мы их даже испытывали, электроплуги числились в плане ГОЭЛРО — но это оказался тупиковый путь, трактора с ДВС оказались выгоднее.

Может быть, при наличии дешевой электроэнергии можно синтезировать из воды и воздуха углеводороды, тот же бензин? Никогда о таких технологиях не слышал. Может быть...

Конечно, дешевое электричество от термоядерных станций получить возможно. «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Отодвигается мирный термояд, все в более и более сияющие дали. Не скоро и опытный реактор построят, если построят вообще.

С другой стороны, потребление нефти имеет двоякий характер. Помимо прочего, нефть — не только топливо, еще и оргсинтез: часть ее расходуется не на выработку энергии, а в качестве сырья в производстве различных продуктов, вплоть до кормовой белковой массы. Но это экзотика, а вот лако-краски, синтетические волокна, современные строительные и конструкционные материалы — суть результат оргсинтеза.

Интересно, что в сравнении производства в позднем СССР и США, по многим статьям, не только по ядерным бомбам, был достигнут паритет. А в отраслях, базирующихся на оргсинтезе, разница была разительной. По синтетическим волокнам, по пластмассам — количественно в

десятки раз в пользу Америки и настолько же качественно!

И вот именно эти, прогрессивные отрасли, то, что отличало западный образ жизни от советского — попадает под удар дефицита нефти. То есть итогом становится, если можно так выразиться, качество жизни.

Но и количество тоже. Вот на поле грохочет трактор. Работает он на солярке. Современное сельское хозяйство — это во многом преобразование минеральных калорий в пищевые. В некоторых странах — уж точно, причем именно в странах с развитым, по современным понятиям, сельским хозяйством.

Сельское хозяйство — предмет зависти многих народов и мощное орудие американской политики — во многом зависит от топлива. Именно поэтому работает многочисленная и совершенная техника, а также действуют системы полива. Подсчитано, что для получения одной пищевой калории современное сельское хозяйство западного типа тратит до десяти минеральных калорий. Точнее, так: энергетическая ценность пищи одной американской души — 3,6 ГДж в год, причем на ее производство в США затрачиваются 35 ГДж разнообразной энергии, в основном минерального топлива; и это не считая 80 ГДж солнечной энергии, используемой при фотосинтезе пищевыми растениями. Не удивляетесь, куда девается основная часть этих 80 «солнечных» ГДж, если не в еду? В действительности примерное соотношение

между пищевой и прочей биомассой именно таково. При производстве хлебных злаков основные калории (более 90 %) остаются в соломе и прочей шелухе, и русский крестьянин умел ее использовать в качестве корма, иначе крестьянское хозяйство в России не существовало бы.

Правда, по-моему, трудно считать развитым и просто хорошим сельское хозяйство, существующее всего несколько лет благодаря накопленным за миллионы лет питательным веществам. А дальше-то что?

На многих территориях и в США, и в России сельское хозяйство без дизельного топлива просто невозможно. Минеральное топливо не только повысило продуктивность земледелия, оно раздвинуло его границы на макроуровне, принеся его в обширные регионы, где оно невозможно без техники, работающей на солярке. На микроуровне оно позволяет возделывать ранее неиспользуемые участки земли в давно обжитых местностях. И это касается не только таких развитых стран — на Алтае, в одном из отдаленных обширных районов, пришлось услышать в качестве анекдота следующую историю. В войну случилось там ДТП. Соль этого события в том, что на весь район оставались только две автомашины — вездеход секретаря райкома и бензовоз, остальные были мобилизованы. Вот эти транспортные средства дорогу и не поделили. Но кроме курьезности события, хорошо описывающего нравы отечественных водителей, для

нас важно упоминание приоритетов того времени. Если подумать: как были нужны на фронте бензовозы и водители! Но без немногочисленных тогда тракторов и комбайнов было бы меньше хлеба, без которого на фронте еще хуже, чем без бензовозов. Так что давненько уже даже наше сельское хозяйство «село на нефтяную иглу» — аж в 1940-е годы.

Чем колхозы до войны были привлекательны для крестьян и почему они повысили продуктивность земледелия? Земля-то оставалась той же, что и у единоличника. Просто часть работы можно было переложить на плечи машин — колхозам выделялась земля, пригодная для машинной обработки (это, кстати, и побуждало крестьян вступать в колхоз). Крестьяне, если была земля, просто не успевали ее обработать. И сроки коротки, и при низкой урожайности нужно было много площадей вспахать.

Убери из села технику — и потребуется в несколько раз увеличить его население. Как?

Чем можно заменить топливо из нефти? Часто можно слышать, что другие виды топлива удобнее, экологически чище и даже чуть ли не экономически выгоднее.

Как говорится в известном анекдоте про диспут между учеными и армейским старшиной: «Если вы такие умные, то почему строем не ходите?». Если другие виды топлива лучше, то почему до сих пор потребляется столько нефти? Да потому, что нефть лучше. Действительно,

жидкое топливо универсальнее твердого и газообразного. Оно легко дозируется, легко подается в топку, достаточно удобно грузится, перевозится и хранится. Оно энергетично: как мы помним из школьной программы, вода в 800 раз плотнее воздуха; аналогично, топливо из нефти приблизительно в тысячу раз плотнее газообразного при нормальном давлении. Так что, либо делай емкости и трубопроводы очень большими, либо сжижай и сжимай газ — все это хлопоты и затраты. Как, например, собирать газ с изолированных вышек в океане, если нет трубопровода? Нефть можно собирать в емкости и сливать в подходящие танкеры, с газом хлопот больше.

Самолеты на сжиженном природном газе в экспериментальном варианте существуют. И автомобили тоже. Но! Топливные баки органично вписаны в конструкцию самолета, а разработку самолетов под газовое топливо придется проводить заново. Газ требует герметичных баков, рассчитанных на высокое давление, в баночку его не перельешь. Если встал на трассе без топлива — без буксира до заправки не доедешь. Свои «Жигули» я не перевел на газ — баллон в багажнике мне не нужен.

Разработана опытная конструкция вертолета на газу — но мало того, что баллоны там на внешней подвеске, вертолет еще и оснащен системой предупреждения о превышении допустимой концентрации газа в салоне. По понятным причинам.

Короче говоря, жидкое топливо удобнее. Это понимаем и мы, представители технологически высокоразвитой цивилизации, понимают это и люди, находящиеся на другом ее краю.

Перечитайте «Белую гвардию» Булгакова — чего хотели в Гражданскую крестьяне от города? Во-первых, чтобы горожане не тянули руки к крестьянскому хлебу — «хлебушек наш, никому не дадим», а во-вторых — чтобы из города привозили «гас» — керосин. Не очень-то здорово жить при лучине, не такое это удобное средство освещения, да и пожароопасное.

Мои сослуживцы, вспоминая афганскую войну, рассказывали: стоит бронеколонне войти в деревню — со всех сторон бегут жители с жестянками, прося отлить из баков БМП немного солярки. Даже там, где вязанка соломы — уже значительная ценность, знают и умеют использовать жидкое топливо.

Когда в Армении разразился жесточайший энергетический кризис (газ отключили блокадой, а по требованию «экологов» остановили атомную станцию), местные жители, вырубив на дрова все парки и скверы, развернули производство кустарных печек и светильников — главным образом на солярке, кстати, в основном азербайджанской — блокада блокадой, а бизнес бизнесом.

Пушкин предъявлял в свое время претензии к развитию науки и обещал поверить в ее прогресс, только когда она изобретет свечи с фитилями без нагара — необходимость постоян-

но снимать его специальными щипцами нарушала вдохновение. Наука далеко превзошла самые смелые мечты Пушкина — правда, на поэтической квалификации современных поэтов это в лучшую сторону не отразилось. Но вот заменить «земляное масло» наука пока не может.

ЧЕМ ЗАМЕНИТЬ БЕНЗИН И СОЛЯРКУ

Можно ли иметь жидкое топливо, не имея нефти?

Можно.

Ветераны вспоминали, что на полях танковых сражений Второй мировой войны хорошо были видны потери — наши подбитые танки чадили густым черным дымом — от солярки, а немецкие заметно отличались по светлому дыму от синтетического бензина. Бензин можно получать из каменного угля. Немцы умели это делать еще во время Второй мировой войны, даже, пожалуй, лидировали в этой области. Были у них проекты промышленно-городских комплексов, производящих на базе месторождений каменного угля горючий газ, бензин и горячую воду для отопления городов — если бы не война и дешевая послевоенная нефть, это, несомненно, было бы реализовано. Последний завод по производству синтетического бензина закрылся в ФРГ в 1960-х годах. Думаю, запас-

ливые западные союзники захватили эту технологию, как и технологии цветной фотографии, благодаря чему в фотоиндустрии сейчас лидируют американцы, а не немцы.

Но, естественно, такой бензин дороже нефтяного, и его производство в центре Европы потребует дорогих мер экологической защиты. В этом и состоит корень проблемы. Современный мир не понимает слов «удобней», «экологичней» и так далее. Он понимает только «выгодней». Ну какой предприниматель будет пользоваться дорогим синтетическим топливом, если его конкурент сможет покупать дешевое природное? Чесночный принцип — или все, или никто. Вот если правительство введет налог на природное топливо и уравняет цены на виды топлива по их потребительским свойствам — тогда да.

То есть меры по переходу на иные источники энергии должны проводиться мировым правительством, а не национальными. Но такого пока нет. И если будет — чьи интересы оно будет отстаивать? Индусов, потребляющих 0,5 т.у.т., или американцев с 11 т.у.т.?

Мир, лишившись нефти, будет менее удобным. А главное, станет беднее. Кого это затронет в первую очередь? Да не Буркина-Фасо, понятно. Затронет это основных потребителей нефти. И уже начало затрагивать.

Многое может современное общество (хотел написать «западное» — но и наше тоже) — но

одного не может. Не может ограничить собственные потребности. А придется. И дефицит нефти на различных странах и народах скажется по-разному.

РЕЙКЬЯВИК, РЕЙКЬЯВИК

Структура потребления, доля различных энергоресурсов в каждой стране различна и определяется целым комплексом причин.

Вот интересная страна — Исландия. Расположена на острове так далеко к северу, что не будь Гольфстрима, она была бы закована морскими льдами большую часть года, да и суша представляла бы что-то вроде маленькой Антарктиды. А так там не то чтобы тепло, но море почти никогда не замерзает. Зимой около 0°, летом — в июле — +12° С. Где ровная земля — там травка растет, овечки пасутся, а на горах — ледники. И еще это страна с вулканической активностью, раскаленное сердце Земли бьется там близко к поверхности, потому действуют вулканы и гейзеры.

Частенько приходится слышать в различных аудиториях изумительную историю, что исландцы снабжают бананами и лимонами чуть не всю Европу. Откуда берет начало эта байка — ума не приложу. Даже заглядывал в справочник, чтобы удостовериться — нет, все правильно. В структуре ВВП этой страны преобладает рыбная ловля и рыбообработка (про-

центов так не менее 70), остальное — животноводство. Конечно, уникальна Исландия тем, что там горячая вода течет прямо из земли, и проблем с отоплением домов (естественно, при желании и теплиц) нет. Но ведь растениям нужна еще и определенная интенсивность освещения, а страна-то северная, зимой-то хоть не холодно, но темно. Да и наоборот: летнее солнце сутки напролет — вряд ли нравится лимонам и бананам. Конечно, их могут выращивать и выращивают, но товарное производство на весь европейский рынок — маловероятно.

Но, оказывается, даже наличие гейзеров не избавляет страну от нефтяной зависимости. Так почему же Исландия находится среди лидеров по душевому потреблению нефти (см. табл. 3), уступая только Люксембургу и США? Думаю, не для котельных исландцы используют нефть. Дело в том, что с точки зрения экономической географии (до революции ее называли еще «коммерческой географией») — это одна из самых удобных территорий для базирования рыбаков и рыбной промышленности. Легко найти подходящие бухты (береговая линия сильно изрезана), есть пресная вода и горячая в том числе, порты не замерзают, но не бывает и жарко, рыбу легко и безопасно хранить и перерабатывать. Потому и живут исландцы рыбой. И пока морской транспорт недорог, исландцам следует опасаться только исчерпания океанских биоресурсов.

Но рыболовный флот нуждается в жидком топливе. Интересно знать, возможно ли перевести современный рыболовный флот хотя бы на уголь? Боюсь, после исчерпания нефти и нагрузка на биоресурсы океана существенно снизится: ведь именно жидкое топливо расширило в XX веке радиус действия и автономность кораблей. А без определенной тяговооруженности некоторые способы лова будут недоступны — парусником или веслами современный трал не потянешь. И потому парусно-паровой рыболовецкий флот будет менее производителен. Может быть, до этого в XXI веке еще не дойдет, поскольку разработаны варианты получения дизельного топлива и без нефти, но уже можно нам начинать вспоминать, как и из чего делается парусина. Намечается оптовый покупатель!

Существует такой критерий — энергозатраты на единицу получаемой пищевой энергии. Он условный — затрачиваемые калории минерального топлива соотносятся с калориями получаемых пищевых продуктов. Так вот современная рыбная промышленность очень затратна: на 1 калорию рыбопродуктов тратится от 1 калории минерального топлива (традиционное прибрежное рыболовство) до 250 калорий (высокомеханизированное океанское)!

Естественно, рыбу ловят не только ради калорий: это и белки, и витамины, и микроэлементы. Да и вкусны дары моря! Но все же, все же... и так-то трудна и опасна рыбацкая профессия, а без дизеля?

Да и туризм в Исландию (тоже современная статья дохода) примет черты экстремального. Одно дело слетать в Рейкьявик на самолете или сплавать на комфортабельном лайнере — другое дело месяц выворачивать кишки на паруснике. Недаром даже скиф Анахарсис, один из семи греческих мудрецов, затруднялся, к кому относить путешествующих по морю — к живым или мертвым.

В чем-то похожа ситуация в Норвегии. Сейчас норвежцам даже не нужен свой газ — они его почти полностью продают в Европу. По сути, это они, наряду с Газпромом, Германию и газом снабжают. И нефтью также. Кроме того, благодаря горным рекам, страна полностью обеспечена электроэнергией, самой дешевой в Европе, поэтому Норвегия — страна алюминиевых заводов. И тем не менее, без нефти не обходится, и по потреблению находится в числе лидеров — видимо, все из-за того же рыболовного флота. Поскольку норвежцы, как и исландцы, самой природой приговорены заниматься рыбой. Крабов камчатских мы им еще завезли. Точнее, завезли-то в свое Баренцево море, но они мигрируют потихоньку в Норвежское море — теплее им там, видите ли.

Правда, в Норвегии нет гейзеров, но пока есть собственная нефть, и по ее экспорту норвежцы в последние годы частенько входят в тройку лидеров. А главное — норвежцы ее хозяева, поскольку, как все приличные люди, не

раздали иностранцам и приватизаторам, а добывают сами, национальной государственной компанией. Норвежцы освоили еще и интенсивное рыбное хозяйство, а не только рыбное собирательство. Ведь современная рыбная ловля, по сути, ничем не отличается от собирательства, как в каменном веке. А норвежцы умеют вести морское фермерское хозяйство. Норвегия — страна фьордов — узких, но глубоких и полноводных заливов. Их легко перегораживать, и рыба — даже такая деликатесная, как семга — в них хорошо себя чувствует. Но кроме такого подарка от природы, норвежцы еще умеют рыбу соответствующим образом кормить. Думаю, вообще секретов в этом деле много. Большая часть продаваемой у нас норвежской семги выращена таким образом. Хорошая рыба — семга, да еще откормленная на вкусных и сытных кормах, прожившая счастливую жизнь без стрессов и забот...

И еще в Норвегии есть Фонд будущих поколений. За счет доходов от продажи нефти там формируется специальный фонд — средства из него предназначены для подготовки к следующей эпохе — когда норвежцы будут жить без нефти. Вам хочется подробностей? Что это за фонд, какой процент туда идет, где деньги хранятся и на что конкретно тратятся? А вы почитайте нашу прессу, посмотрите наше телевидение. Эти уважаемые организации свободны, благородны и информированны, и они, конеч-

но, много говорят и пишут о таких важных вещах, как обеспечение будущности нашего народа, о том, как другие культурные нации об этом заботятся.

Вот на примере Исландии хорошо видно, что без нефти современные развитые страны будут отодвинуты поближе к XIX веку. Как мы помним, «веку угля и пара». Другие пострадают, но видны в их хозяйстве ростки новой цивилизации, для которой нефть не так уж и нужна.

ПЕРСПЕКТИВА ДЛЯ МИРА И ОПЕК

Для того, чтобы без помех достичь благословенной поры — конца современной цивилизации — нам придется пройти ряд исторических этапов. Вернемся от проблем цивилизации к геополитике.

Добыча нефти ведется в мире неравномерно. В зависимости от близости к потребителю, дешевизны способа добычи, а также политики собственников одни месторождения эксплуатируются интенсивнее других. Так, весьма активно разрабатываются нефтегазовые месторождения Северного моря и Северной Африки, наиболее близкие к потребителям в Западной Европе.

По доступным данным, нефтяная промышленность США уже давно вступила в период истощения существующих ресурсов. В регионах,

находящихся в США или где-то рядом, перспективы нефтеразведки не блестящи — все уже обследовано, американская геология хорошо поработала на своей территории. Пик открытий пришелся на 1930-е—1940-е годы. Нет никаких шансов обеспечить в ближайшие годы хотя бы восполнение запасов. Такая же, если не хуже, ситуация в Западной Европе, только в Северном море, в норвежском секторе, остались некоторые шансы на открытие новых крупных месторождений.

Россия занимает в современном экспорте нефти позиции, существенно превышающие ее положение в рейтинге запасов, а именно — первое. В то же время страны ОПЕК экспортируют относительно своих ресурсов (76 %) меньше, занимая в мировом экспорте лишь около 45 %. Зато по отношению к остальному миру в странах ОПЕК успешнее восполняется ресурсная база — если во всем мире к доказанным ресурсам добавляется ежегодно 0,7—0,8 %, то в странах ОПЕК — более 1 %.

Таким образом, в некоторых регионах исчерпание запасов проявляется быстрее, чем в других. Конкретные данные на 1995 год таковы: обеспеченность основных нефтедобывающих стран характеризовалась следующими величинами (коэффициент кратности запасов — ККЗ, лет): Великобритания — 4,7; Канада — 7,5; Норвегия — 8,0; США — 9,4; Египет — 12,0; Китай — 22,0; Нигерия — 30,0; Мексика — 51,0; Иран — 67,0; Венесуэла — 69,0; Саудовская

Аравия — 89,0; Индонезия — 106,5; ОАЭ — 124,0; Кувейт — 129,0.

Считается, что уровень добычи становится неустойчивым и обнаруживает тенденцию к падению при снижении ККЗ до 5. Такая ситуация возникает по двум причинам: либо территория богата, но плохо разведана — тогда для повышения ККЗ нужно просто побольше вложить в геологоразведку и положение поправится, либо запасы разведаны и «проедены». Похоже, что ситуация на англо-норвежских месторождениях Северного моря близка на сегодняшний день ко второму варианту...

Вот в этом-то и заключен трагизм ситуации. В странах — основных потребителях — надежд на открытия крупных месторождений нет — ни в Европе, ни в Японии, ни в США.

Следовательно, уже в ближайшей перспективе (10—15 лет) значительная часть наиболее доступных для развитых стран запасов будет выработана, и доля стран ОПЕК (читай — Персидского залива) в общемировых запасах существенно вырастет. Зависимость от поставок из этого региона увеличится и для Западной Европы, и для США, которые пока снабжаются в основном из других источников.

Такой прогноз получается при учете трех параметров: нынешние запасы, нынешняя добыча и нынешний темп восполнения. Причем даже без учета того, что новые месторождения даются все труднее и дороже, и их все меньше.

ДИНАМИКА ЗАПАСОВ

Давайте посмотрим на распределение запасов нефти в динамике. Сначала в самом первом приближении — то есть темпы, с какими будут расходоваться доказанные запасы, зафиксированные на 01.01.1996 года, если объемы добычи по годам сохранятся на уровне 1995 года. Что от них останется к нынешнему моменту, и сколько будет оставаться потом, каждые 10 лет?

Таблица 5

Прогноз исчерпания известных запасов

	Запасы подтв (млн. т)	Добыча в 1995 году	На 1.1. 2002	На 1.1. 2010	На 1.1. 2020	На 1.1. 2030
Великобритания	588,1	130	0	0	0	0
Норвегия	1153,7	140	310	0	0	0
Алжир	1260,3	60	920	460	0	0
Россия	10 000,0 (?)	400	7600	4400	400	
Казахстан	1015,0	30	860	620	320	20
Ливия	4041,1	70	3600	3000	2300	1600
Иран	12 082,2	180	11 000	9600	7800	6000
Ирак	13 698,6	?	13 000	12 500	12 000	11 000
Кувейт	13 220,2	100	12 600	11 800	10 800	9800
ОАЭ	13 438,3	100	12 800	12 000	11 000	10 000
Сауд. Аравия	35 782,2	400	33 400	30 200	26 200	22 200

США	3076,3	330	1100	0	0	0
Канада	671,0	90	130	0	0	0
Нигерия	2853,2	100	2250	1450	450	0
Мексика	6818,5	150	5900	4700	3200	1700
Венесуэла	8832,5	140	8020	6980	5630	4280
Китай	3287,7	150	2400	1200	0	0

Табличка, с одной стороны, упрощена. Данные в колонках ежегодной добычи и прогнозов округлены до десятков миллионов тонн. Не учитываются новые, ныне еще неизвестные, месторождения; конечно, вероятность их открытия невысока.., маловато неисследованных регионов, но вдруг? Странно, что в такой замечательной впадине, как Каспийская, оказалось так мало нефти; странно также, почему нет месторождений мирового уровня под Амазонской низменностью.

Также предполагается, что добыча сильно расти не будет. Это неправильно для некоторых стран: Китай, например, добычу наращивает и, очевидно, будет делать это впредь. В ближайшие годы увеличатся поставки из Ирака — кризис вокруг него будет так или иначе разрешен. Да и с Ливией европейцы замирятся, не с Каддафи, так с наследниками этого достойного человека. И взрыв «Боинга» над Шотландией простят (хоть и слабо верится в «ливийский след»). А куда денутся? Изучайте таблицу, и все станет понятно.

При построении таблицы предполагалось, что после исчерпания запасов в одной стране другие не станут компенсировать падение добычи — так, скорее всего, не получится. Несомненно, добыча в оставшихся увеличится, но трудно предсказать, в каких странах и насколько. Поэтому конкретные цифры оставшихся запасов изменятся. Но их порядок, скорее всего, сохранится, тенденция очевидна.

Лучше всего посмотреть на ситуацию графически — где и какие запасы есть сейчас, в 2010, 2020 и 2030 годах.

То есть к 10-му году мелкие нефтепроизводители, не вошедшие в таблицу, и некоторые из крупных закончат добычу либо продолжат ее в неустойчивом режиме — что бывает при малом отношении добычи к запасам. И затронет это сначала США.

Затем, к 20-му году, и Европе придется переориентироваться на более далеких поставщиков и другие виды топлива. А к 30-му более 90 % мировых запасов окажутся у «большой пятерки» стран Персидского залива, да еще, может быть, Венесуэлы и Ливии, если их еще раньше не вынудят восполнять потери из-за исчерпания нефти в США и Западной Европе.

Представьте себя на месте главного мирового потребителя. Сейчас, в 2002 году, в США осталось доказанных запасов нефти на три года — тех, что рассчитывались по состоянию на 01.01.1996 года. С тех пор кое-что еще разведано, но...

Догадайтесь с трех раз, глядя на табличку, где, в каких регионах мира, на каких странах будут сосредоточены внешнеполитические усилия США? На ближайшие 10 лет? На XXI век? А может быть, они были там сосредоточены уже и в XX?

ЗАЧЕМ ЗАПАДУ РОССИЯ

Мы думаем, что в XX веке Запад занимался в основном борьбой с коммунизмом. Некоторые считают, что под этим предлогом боролись с Россией. Оба соображения малоубедительны. Чего Запад боялся? Он же гораздо сильнее! Конечно, русский паровой каток в принципе не один раз мог раскатать Западную Европу — скажем, году в 1945-м. Но когда в истории Россия нападала на Европу? Да и экспортом революции занимался только Троцкий, но с победой Сталина и этот страх отпал.

Можно в эти ужасы поверить, но некий наигрыш в страхах Запада чувствовался. А если еще и сравнить реальный потенциал...

Наверное, кроме отвращения к коммунизму (а что? И у нас этим страдают, так что уж им-то простительно) и русофобии (тоже понятно, русские — не доллар, чтобы их все любили), возможно, был и еще один мотив. Россия в версии СССР или Российской империи всегда стесняла кому-то свободу рук. Я думаю так, а прав ли я — увидим, когда эти самые руки будут совсем

вольны. То есть нас собирались не ограбить в Третьей мировой войне, а убрать с площадки, чтобы не мешали. Договориться же то ли не захотели, то ли не надеялись. А чем мы мешали? Приведу аналогию из истории Второй мировой войны. .

Весь мир знает Сталинград. Слыша это слово, немцы оплакивают свою мечту о мировом господстве; другие восхищаются, некоторые задумываются: оказывается, с русскими можно ругаться, но драться всерьез не стоит. Но Сталинградская битва развернулась не из-за самого города. Причина была другой.

Вы, уважаемый читатель, постоянно наталкиваетесь в тексте на всякие военные и боевые примеры. И наверно, подумали, что автор — какой-то милитарист, чуть ли не патриот, не дай Бог. Да нет, я вовсе не воинственен, хотя, в случае чего, «в руке не дрогнет». Но люди моей профессии меньше всех хотели бы войны. Дело в другом.

Вот прочитайте потрясающее описание сражения у ст. Червленая (Северный Кавказ) в августе 1942 года, сделанное человеком вроде бы вовсе непоэтическим по должности — Н.К. Байбаковым. Заслуженный человек, многолетний председатель Госплана СССР, в войну он был молодым, «сталинским» наркомом: «...Я видел из окопов две яростные массированные атаки немецких частей. Несмотря на плотный огонь нашей артиллерии и авиации, в результате которого изрытое бомбами и снарядами по-

ле было буквально устлано телами убитых и раненых, они, не останавливаясь, шли и шли. Падали и снова вставали, бежали, ползли, с фанатичными от ужаса лицами выныривали возле русских окопов и, расстрелянные в упор нашими бойцами, как бы отброшенные наземь, падали навзничь. На моих глазах были уничтожены несколько тысяч немецких солдат. Этого страшного зрелища мне никогда не забыть».

Но именно «вроде бы непоэтическим» — в действительности председатель Госплана должен иметь яркое воображение. Да, кстати, первый председатель Госплана СССР, Г.М. Кржижановский, был поэтом — он, в частности, автор слов знаменитой песни «Варшавянка». Помните: «Вихри враждебные...».

Но Н.К. Байбаков не только поэт в душе — он еще и человек практического склада. И описание сражения у него предварялось описанием цели. А каждая битва и каждая война всегда цель имеет, и серьезную. Не думаю, что бывают сражения идеологические или из-за престижа.

Целью Гитлера в 1942 году была нефть. Нефть Северного Кавказа и Закавказья. Именно к ней рвались немецкие солдаты — и не прорвались.

Думаете, что Гитлер забыл при этом в Сталинграде? Конечно, взять «город Сталина» было бы хорошо. Гитлер был профессионалом в сфере воздействия на человеческую психику, когда-то он был офицером по пропаганде и, видимо, неплохим. Он понимал, что означают для

людей символы, недаром он был против таких названий для боевых кораблей, как «Германия». Ведь в войне ничего гарантировать нельзя, и если враг утопит «Германию», каким это станет ударом по духу воюющих немцев!

Гитлер, помимо того, что ненавидел славян, еще их и презирал. Он вполне искренне считал их недочеловеками, а потому не верил в возможность поражения от СССР, начиная войну, просто не задумывался над такой возможностью. Поэтому о психологических ударах по России он особенно не заботился. Ценность Сталинграда для Германии была в другом. Район Сталинграда — самая критическая точка контроля над всем треугольником Волга—Дон—Кавказ. Вгляните на карту: даже сейчас, если не дай Бог какое обострение с нашими западными друзьями, сложно ли им изолировать этот район? Разбить всего несколькими «Томагавками» мосты в Ростове, Волгодонске, Волжском и на Волго-Донском канале — и как нам подвозить на Северный Кавказ подкрепления и материалы? Им можно даже не тратиться на мост в Астрахани — железная дорога туда частично проходит сейчас по территории иностранного государства, дружественного нам... но и США тоже, и в случае чего оно может занять позицию нейтралитета. И, согласно международному праву, не будет пропускать через свою территорию военные грузы. Чем блокирует не только ветку к Астрахани, но, кстати, и Транссиб.

И экспедиционный корпус, высадившийся на Таманском полуострове, при соответствующей авиационной поддержке легко может контролировать эту территорию, лишив нас выхода и к Черному, и к Каспийскому морям.

Получится что-то вроде Крымской войны, когда мы не смогли сбросить в море сравнительно небольшой западный десант просто потому, что английский океанский конвейер подвозил гораздо больше пороха и снарядов, чем наши телеги, запряженные волами (именно так снабжалась наша армия в Крыму). Но это так, в порядке бреда. Вернемся к примеру со Сталинградом.

Немцы в 1942-м рвались не в Сибирь. Нефть им была нужна позарез. Нефть Моздока, Грозного и Баку. А обеспечивала фланг этого рывка за нефтью как раз 6-я армия Паулюса. И когда в Сталинграде все стало ясно — немцы, даже не пытаясь зацепиться на достигнутых рубежах, в хорошем темпе покинули Северный Кавказ, догнать их нам удалось только под Харьковом. И все военные историки сейчас соглашаются (редкий случай), что немцы очень умно сделали, что не стали дожидаться «Большого Сатурна» (после завершения Сталинградской операции мы планировали ударить вниз, к берегу Азовского моря, и отрезать всю северокавказскую группировку гитлеровцев).

Завершу на этом аналогию: Россия не была главным призом в большой игре XX века. Де-

лили нечто иное. И мы не были полноценным игроком. Посмотрите сами: в год слаборазвитые страны платили своим кредиторам (развитым странам) на сотни миллиардов долларов больше, чем получали от них помощи (в 1994 — на 112 — The third World Debt Crisis, № 2). Объемы вывоза биомассы из развивающихся стран в развитые далеко превосходит то, что было в колониальную эпоху. Разве мы так умеем? Мы даже не поняли, что разыгрывается; но на всякий случай нас убрали из-за стола переговоров.

Мы постоянно мешаем хотя бы тем, что «нависаем над флангом». В XIX веке при продвижении царей в Среднюю Азию (для нас — совершенно бесприбыльном тогда) англичане беспокоились за «жемчужину в короне Империи» — Индию. Индийским князьям царь мог показаться попривлекательней английским колонизаторов!

Когда существовала советская власть, капиталистам Запада приходилось больше платить своим рабочим, чтобы они не проникались ненужными идеями. Сейчас об этом говорят открытым текстом, когда обосновывают снижение реальной зарплаты.

А в наше время ночным кошмаром для Запада стала маловероятная ситуация: вдруг Россия займется отстаиванием интересов сырьевых стран, даже с остатками своего военного и экономического потенциала! Пока этого нет, но Запад хорошо знает правило: «Важны не наме-

рения, а возможности». Намерения меняются легко, а возможности медленно и трудно.

Поймите, если очень нужно, целые страны не останавливаются ни перед чем, даже перед войной. Конечно, если есть возможность, то войны все стараются избежать, даже Гитлер; но когда избежать нельзя, то военную силу применяет и Алексей Тишайший.

Все эти воинственные прибамбасы в тексте книги появились потому, что я хотел бы донести до читателя одну мысль: не престиж, не глупость чаще всего бывают причиной войны, а интерес.

И еще: каких-то целей военным путем обычно пытаются добиться не нищие и слабые; напротив, сильные и богатые. Они хотят стать еще богаче. Александр Македонский не был так уж беден — он был гегемоном небедной Греции. И его современник Цинь Ши-хуанди был князем богатого Цинь — но и тому, и другому хотелось повелевать миром. Они совсем немного разминулись и не встретились в Средней Азии, о чем историки до сих пор плотоядно жалеют.

Поэтому и сейчас — вряд ли проблемы для мира создадут Афганистан и Буркина-Фасо. Их организуют более богатые, сильные и культурные страны.

Но вернемся в наше время.

Новому президенту США Бушу-младшему ставят в вину его решение начать добычу нефти в национальных парках. Даже наши его за это критикуют. Мол, московские высококуль-

турные и шибко образованные журналисты знают, что значит национальный парк для Америки, а американский президент не знает. Боюсь, что не так. Буш — вполне американец, по-моему, он хорошо представляет себе, что нужно, а что, нет его избирателям, а также, чего они хотят и не хотят. Более чем стопроцентный президент, и не в первом поколении. (Сейчас в мире немногие государства имеют правителей — сыновей предыдущих правителей. Если не считать особ королевской крови, то таких стран всего три: Корейская Народно-Демократическая Республика, Сирия и США.)

Уж кто-кто, а семья Бушей в домашней птице разбирается. И раз уж Буш-юниор допускает возможность нефтедобычи в национальных парках — значит, жареный петух уже хорошо различим на горизонте. Во всяком случае, такие решения на подобном уровне не возникают на пустом месте и не являются результатом плохого пищеварения. Они могут значить лишь одно: доказанные запасы США — не просто запасы меньше чем на 10 лет, это еще и последние доказанные запасы.

В Канаде разведанных к середине 1990-х ресурсов хватит даже меньше — до середины 2003 года. Но есть тонкость: если на территории США маловероятно пополнение доказанных ресурсов, разве что где-нибудь на Аляске, то Канада исследована меньше. То есть года так до 2010 худо-бедно добыча в Канаде продолжится.

Что потом, когда добыча в США и Канаде резко упадет? Произойдет ли пропорциональное сокращение потребления в США или дефицит восполнится поставками из других источников? Вероятнее второе: под воздействием повышенного спроса (и значит, теоретически, высоких цен) произойдет рост добычи в других странах-поставщиках, работающих на американский рынок. Это Мексика, Венесуэла, Нигерия, Персидский залив.

Но все эти поставщики находятся в неравных условиях. Мексика входит в НАФТА — североамериканскую зону свободной торговли. Правительство этой страны не имеет права вмешиваться в работу нефтяных компаний, действующих на мексиканской территории, а Мексика — не член ОПЕК. То есть нефть Мексики... она, конечно, мексиканская... но не вся и не совсем.

TINA

Вы думаете, слоган «перестройке нет альтернативы» — российское изобретение? Господь с вами. Это рабский перевод английского выражения «Transformation is not alternative», настолько известного во всем мире и даже тривиального, что его пишут просто аббревиатурой — TINA. Вы думаете, что это России только так не повезло, вследствие какой-то нашей особой сиволапости и так далее?

Да нет, утешьтесь и не комплексуйте, мы плывем вместе со всеми, в едином всемирно-историческом процессе.

В Мексике в рамках этой ТИНЫ, в 1990-е годы, произошла такая история. Там пришел к власти президент Карлос Салинас де Гортари и начал радикальную экономико-политическую реформу, прозванную на Западе «салинастройкой». Приватизация, отмена квот и тарифов, то есть отмена экономической самозащиты, и так далее. Нужно ли говорить, что все это происходило в строгом соответствии с рецептами МВФ? Салинас некоторое время получал все приличествующие и важные для политиков такого ранга и типа знаки внимания («человек года»; портреты на обложках экономических журналов...), по окончании срока правления он планировался на пост президента ВТО (Всемирной торговой организации). А в конце 1994 года грянул кризис. Бегство капитала, девальвация песо... США и МВФ собрали срочный пакет помощи в 52 млрд долларов — даже с нарушением устава МВФ, только чтобы предотвратить полную катастрофу, но все равно мексиканцы потеряли треть жизненного уровня.

Всего через год после пика славы Салинас уже не президент, а изгнанник, находящийся в международном розыске, среди выдвинутых против него обвинений — служебная некомпетентность (в Мексике это считается преступлением — дикие люди!). Но к нашему повествова-

нию имеет отношение следующее: до кризиса госсектор Мексики не имел крупных долгов, а после кризиса прибыль от продажи нефти стала перечисляться на счет в Федеральном резервном банке в Нью-Йорке, контролируемом Соединенными Штатами. По сути, Мексика потеряла контроль над собственной экономикой и своей нефтью.

И что интересно — в африканской Нигерии несколько ранее произошла очень похожая история. Схема та же: структурная перестройка по рецептам МВФ; закономерный крах; стабилизационный кредит МВФ; экономика переходит под американский контроль. Пример Нигерии я приводил давно, но раньше воспринимал его просто как доказательство пагубности рецептов МВФ. Даже испытывал чувство жалости к экспертам этой уважаемой организации: вот, думал, находятся люди в плену окостеневших доктрин, такие неудачи по всему миру... Но тогда вопрос нефти был для меня где-то на периферии внимания, я даже не знал, что Нигерия — один из основных экспортеров нефти в США. А сейчас уж не знаю, что и подумать. Так ли уж эти ребята интеллектуально убоги?

Тем не менее, до сих пор можно услышать от критически настроенных экономистов такие заключения: «Экономическая политика МВФ по решению долговых проблем стран третьего Мира провалилась. После проведения либеральных реформ долги бедных стран выросли

астрономически. В 1981 году, перед тем как кризис официально начался, долги бедных стран составляли 750 млрд долларов. К 2000 году долг бедных стран богатым составил более 2 трлн долларов». (Л. Чантуридзе, «Призрак глобализации бродит по миру»).

Ничего себе «экономическая политика МВФ... провалилась»! Да вы попробуйте, приведите другой пример столь же успешной коммерческой операции! Только страны Африки южнее Сахары платят по обслуживанию долга 10 млрд долларов ежегодно. И все за просто так, ничего не получив.

И выхода у них, у бедных стран, нет. Откажись от либеральной доктрины, даже просто попробуй предохраниться от какого-нибудь своего африканского Гайдара — и рано или поздно попадешь в «изгои».

И в Персидском заливе есть страны — клиенты США, чьи правители обязаны американцам своими креслами. Хоть они и члены ОПЕК, но американцев в беде не бросят — за справедливую цену, конечно.

СТРАНА «МИСС ВСЕЛЕННАЯ»

Весьма интересна позиция Венесуэлы — ее легко смоделировать, зная отношение Штатов к нынешнему правительству. Это небольшая страна, но великая нефтяная держава. Еще Венесуэла славится большим количеством «Мисс

Вселенная», и нынешний ее президент — Уго Чавес — также известен всему миру.

Кто считается крупным политическим деятелем, кто — нет? Конечно, легко было стать великим Александру Македонскому — не каждому папа оставляет в наследство обученную фалангу и гегемонию над Грецией. В некоторой степени и Мао Цзэдун знаком почти каждому землянину, потому что был лидером Китая, а не Таити или Гаити. Даже Сталин, если б остался в независимой Грузии, мог быть известен не более, чем Гамсахурдия. И если мы попробуем определить «калибр» политического деятеля, учитывая, откуда, из какой страны он родом, то, конечно, величайшим политическим деятелем закончившегося века окажется Фидель Кастро. Его базой был крошечный перенаселенный остров, где на одного жителя приходится меньше гектара общей площади; где из природных ресурсов к началу его правления были только климат, океан, мулатки и близость к США. Тем не менее, Фидель заставил весь мир уважать и себя, и кубинский народ, хотя он и меньше, чем население Нью-Йорка.

Кастро выдержал беспрецедентное давление самой сильной и богатой страны мира и пережил уже девять американских президентов, каждый из которых с удовольствием порвал бы Фиделя в клочки собственными руками. Но оказалось, что его с хвоста не заглотнешь. Куба стала первостепенной мировой державой не

только на полях сражений последней трети XX века, гоняя по ним не только сомалийцев с унитовцами, но и южноафриканцев с американскими «советниками». У себя в Латинской Америке она несомненный лидер в организации здравоохранения, да и не только в регионе: как пишет С.Г. Кара-Мурза, рыболовецкие суда всех стран старались держаться на промысле невдалеке от советских или кубинских судов — на всякий случай, потому что только у нас и кубинцев были врачи. И на Олимпиадах Куба была среди великих держав. Как и вооруженное вторжение американских наемников в заливе Свиней, так и первая встреча по бейсболу американской и кубинской команд (по бейсболу!!!) — закончились с одинаковым результатом.

Думаю, вообще победы соцстран на Олимпиадах были более весомой причиной для США, чтобы бойкотировать Московскую Олимпиаду, чем даже вторжение в Афганистан. И мы сделали большую глупость, не приехав в Атланту — впрочем, это я к слову. Симметричные ходы даже в шахматах быстро приводят к поражению черных.

Поэтому Кастро, несмотря на неудовольствие северного соседа, для всех национально ориентированных латиноамериканских лидеров бесспорный образец. Не любят его лишь «гориллы», поставленные у власти американцами (странно, да?), но «горилл» зато не любят сами латиноамериканцы.

И венесуэльцы традиционно не ссорились с революционной Кубой. Если же учесть весовые категории участников конфликта — то, можно сказать, венесуэльцы просто плевали на США, братски поддерживая Кубу. Поставляли на Кубу нефть — при том, что до сих пор любой корабль любой страны, хоть однажды замеченный в кубинском порту, не допускается в США.

И сейчас там президент Уго Чавес. Довольно типичный руководитель для Латинской Америки, бывший спецназовец, но это политик не регионального, а мирового уровня. Он из тех, кто пытается воспользоваться божьим даром на пользу своей стране. И хорошо понимает, что торговля сырьем в современном мире приносит выгоду потребителю, а не продавцу — есть такой закон практической экономики.

Единственный способ изменить такую ситуацию — торговцам нефтью координировать усилия. С этой целью Уго Чавес пытается объединить нефтепроизводителей вокруг ОПЕК, был с визитом даже у нас. Понятно, что единственно общим у наших стран, кроме побед на конкурсе «Мисс Вселенная», может быть только нефтеторговый интерес. Понятно, что раз мы торгуем сырьем — то и должны сотрудничать с продавцами сырья, может быть, образуя своего рода «сырьевой» или хотя бы «нефтяной» Интернационал. Сам этот термин принадлежит молодому российскому политику, депутату Государст-

венной Думы РФ от Волгоградской области Е. Ищенко. Он от имени небольшой группы депутатов вносил в ГД проект закона о национализации сырьевого экспорта, но понятно, с какой поддержкой ГД и президентской администрации этот проект встретился. Чавес — как раз один из деятелей такого «Интернационала».

Пока «нефтяной Интернационал» не очень успешен. Сама ОПЕК — довольно рыхлая организация, и руководство там... того... Семья то ли нынешнего генерального секретаря, то ли президента ОПЕК постоянно проживает в США, ее члены малодисциплинированы и ради своего эгоистического интереса могут и нарушить согласованные квоты, и шантажировать организацию, требуя увеличения собственных квот. Но главной причиной малой успешности служит наличие нефтяных экспортеров — не членов ОПЕК. Они отказываются придерживаться согласованной политики, выбрасывают на рынок дополнительные количества нефти, чтобы не росла цена. Главными «штрейкбрехерами» в последние годы выступали Россия и Норвегия. Трудно понять, исходя из интересов России, зачем добиваться снижения мировых цен на нефть. Такое поведение было бы объяснимо, если бы мы принадлежали к западному миру...

Но вернемся к Венесуэле. Весной 2002 года там произошли события, которые нельзя объяснить, если не знать о критической ситуации с нефтяным обеспечением США.

В Венесуэле забастовали нефтяники. В столице — Каракасе — произошли демонстрации вроде бы рабочих, закончившиеся столкновениями демонстрантов с охраной президентского дворца. Охрана открыла огонь; появились жертвы. В этой ситуации среди военных нашлись силы, сместившие Уго Чавеса. Он был отстранен от власти, арестован и отправлен под стражей на одну из военных баз. Власть перешла к временному правительству (у нас такие органы принято называть по-латиноамерикански — «хунта»). К присяге был приведен временный (до новых выборов) президент Педро Кармона. США и Испания выступили с призывом отнестись к событиям в Венесуэле с пониманием, как к свершившемуся факту.

При чем тут, в этом грязном деле, Испания? Испания для многих стран Латинской Америки обладает большим моральным авторитетом. Это страна-мать, а то, что испанцы завоевали южноамериканских индейцев, помнят как далекую историю; а что над мировой державой испанского языка не заходит солнце — знают и сейчас. Мы-то живем в довольно большой стране. Трудно поставить себя на чужое место, но мне кажется, что жителю страны малой тоже хочется чувствовать себя в какой-то большой общности. Как-то, отдыхая в Крыму, я постоянно смотрел испанский спутниковый телевизионный канал. Он, конечно, провинциален, но чувствуется, что и его работники, и зрители рады воз-

можности слушать людей различных рас и континентов, говорящих по-испански.

Ведь возможность высказаться, чтобы тебя услышали — это желание каждого. Я говорил с одним лимоновцем, упрятанным властями Латвии в тюрьму за какую-то акцию — ненасильственную, нужно сказать. Но он не держит на латышей зла, и даже наоборот, сочувствует: по его выражению, сейчас «им даже некому пожаловаться, что они плохо живут». Вот именно, речь не идет о помощи — в современном мире никто никому не помогает — а некому даже сказать о себе. Кого сейчас заботят Эстония или Киргизия, кроме Госдепартамента США, которому они, кстати, тоже совсем неинтересны?

Вот потому позиция Испании, хоть и не сыграла какой-то роли в судьбе путча, но могла сыграть.

А роль США в современном мире и без того понятна. Почему Испания поддержала, по сути дела, военный переворот? Нет сомнений — под нажимом США. Любой страной, если у власти социал-демократы, США легко управляют. Это ведь своеобразные люди, социал-демократы. Они, если не по личным качествам, а, так сказать, функционально — предатели. Зачастую они выходцы из рабочих и призваны управлять рабочим классом так, чтобы он жертвовал собственными интересами в пользу капиталистов. Потому и в международных отношениях социал-демократы склонны предавать националь-

ные интересы — консерваторы мыслят и действуют более жестко.

Но почему сами США поддержали государственный переворот? Ведь считается, что США в последние десятилетия провели демократизацию Латинской Америки, убрали от власти наиболее одиозных каудильо, которых зачастую сами в свое время и назначили.

Видимо, есть тому причина. Она будет немного понятнее, если послушать описание тех же событий, сделанное человеком, не чуждым нефтяного бизнеса в его современном российском варианте.

«Чавес решил поменять менеджмент в государственной нефтяной компании, потому что они снюхались с америкашками. Те забашляли профсоюзникам и военным, профсоюзы вывели на площадь рабочих, а военные арестовали Чавеса. Но убить ...ли» (тут стоит ненормативное слово, смысл которого — «забоялись»).

Да, похоже на то. Оказалось, что в конкретных условиях Венесуэлы союз продажных генералов, вороватых госчиновников, коррумпированных профбоссов, алчных капиталистов, рвачей-пролетариев и американских спецслужб оказался неспособен сместить одного-единственного президента.

В голливудских фильмах в таких случаях говорят: «У-упс». Ну и что, что единственная сверхдержава мира признала переворот? А венесуэльские десантники не признали. Не знаю

уж, каковы они на войне, но Венесуэла не зря их кормила. Эти ребята оказались достойны своих «Мисс Вселенная».

И хунтисты не решились драться с наступающей на столицу десантурой. За явку с приспущенными... знаменами Чавес пообещал обойтись без крови, хотя за государственный переворот, по-хорошему, полагается расстрел.

Американские журналисты объявили, что будут жестко контролировать соблюдение гражданских прав Уго Чавесом. Особенно прав бывших хунтистов. Кто б сомневался!

Ослиные уши США торчали за каждой акцией путчистов. И эти демонстрации, на которых у каждого участника явственно просматривается приклеенная ко лбу двадцатидолларовая бумажка — да видали мы их и в Белграде, и в Минске, и много еще где. И эти чиновники из государственной нефтяной компании, со своими отпрысками в американских университетах и недвижимостью в США; эти генералы, просеянные в свое время через сито американских военных колледжей... Больше всего Чавеса возмутило присутствие американских транспортных самолетов, которые он увидел собственными глазами на базе Ла-Орчила, куда его отвезли под конвоем. То ли американцы почему-то не боялись, что Чавес проговорится, и ошиблись; то ли обычный в подобных ситуациях бардак... но прямое участие в перевороте американских военных — это и по меркам Южной Америки нонсенс, дальше ехать некуда.

Не расстрелял Чавес путчистов не потому, что пожалел. Государственный деятель должен делать то, что на пользу государству, а тяга к переворотам, если нет угрозы жизни путчистов, может усилиться. И не из-за боязни тронуть американских лакеев — человек он достаточно бесстрашный. Думаю, он разглядел в незадачливых любителях переворотов остатки совести... Почему они действовали нерешительно и не пошли до логического конца? Единственная причина — понимали, что Чавес действует в интересах Венесуэлы, а они — нет. И большинство людей все-таки не хотят служить чужим хозяевам, как их ни приручай. Даже если иностранная держава помогает своему клиенту стать правителем, он всегда хочет быть хозяином, и только и ждет подходящего случая. Исключения редки, и горе стране, в которой на троне окажется такое исключение.

Ведь и командиры десантников, скорее всего, обучались в США. Как и офицеры армий большинства стран мира. Да и у нас... До сих пор действуют соглашения о сокращении стратегических вооружений. Кто следит за их соблюдением американцами там, в США? Наши офицеры. Не удивлюсь, если окажется, что эти майоры и подполковники — сыновья и зятья генералов. Дело житейское. Длительная командировка в США в наших условиях позволяет сильно поправить благосостояние; а американцы надеются немного промыть им мозги, потому и

осуществляют многолетние и, вроде бы, бесприбыльные программы по обучению чужих офицеров. Но если отрешиться от вполне понятной зависти (поди плохо в США съездить в командировку — это же не на свой страх и риск, не в придорожном мотеле тарелки мыть!), то легко понять — никто из этих генералов и офицеров не будет действовать в интересах врага, если будет четко представлять интерес своей страны.

Вот венесуэльцы, видимо, свой интерес и представляют. Раз мы продаем нефть — значит, нужно, чтобы она стала дороже. Кто из президентов этого добивается — тот наш президент!

Чавес удержался, но теперь ему не позавидуешь. Сила государственной машины — в ее бездушности, она год за годом, десятилетие за десятилетием вращает свои шестеренки в выбранном направлении. Сменяются президенты, уходят чиновники — а машина работает, и даже революции не могут ее разрушить до основания — как сейчас выясняется, на удивление много осталось даже в советской машине от царской. Горючим же этой машины служит государственный интерес. И Соединенным Штатам Америки нужен свободный, без неожиданностей, доступ к восьми венесуэльским миллиардам тонн нефти. Такой же, как к мексиканским — ведь это продлит привычную американскую жизнь на восемь лет!

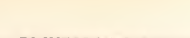
Государственная машина США будет продолжать пережевывать своими зубчатыми коле-

сами тех, кто пытается ей противостоять. Теперь в шестеренки попал Уго Чавес. Сколько он сможет этой машине противостоять?

Фидель Кастро сопротивляется ей сорок лет. Помните, как наши, российские подшакальники радовались, что лишат Кубу российского рынка сахара? Как объявляли, что кубинские эмигранты завалят Россию дешевым сахаром из Майами? Как с тех пор выросло наше благосостояние — мы знаем. А вот Фидель удержался без наших поставок. Ему и американские президенты не страшны, а уж эти-то... Зато как звонок был ответный щелчок! Старик-революционер и здесь извернулся, сыграл на поле наших «реформаторов» и привлек за последние десять лет на Кубу иностранных инвестиций, сколько нашим «привлекателям» и не снилось.

Но сколько же эта борьба стоила! Сколько бы могла сделать Куба без американской блокады! Кто-нибудь, кстати, помнит — а из-за чего она, блокада-то? Да можно и не стараться. И в терроризме обвиняли, и в нарушении прав человека... Но если не вдаваться в подробности, то главная причина — злоба США, что Фидель не дал себя свергнуть.

Что будет с Кубой, когда Фидель уйдет? И сможет ли бороться Чавес так же, как Фидель? Вы, конечно, можете подумать, что Фидель без советских ракет для США не опасен (ошибаетесь, он — «плохой пример»; это хуже, чем ракеты), а Чавес со своими 8 млрд тонн держит американосов за гланды. Так, и не так.

ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ

Вспомним, с чего начались в Венесуэле события. Чавес решил провести кадровые изменения в менеджменте государственной (!) нефтяной компании. То есть, во-первых, ситуация там, видимо, не удовлетворяла его не в личном плане, а из-за нанесения ущерба интересам страны. Известно, что если менеджер продавца действует во вред хозяину — это означает пользу покупателю или себе. Для своего кармана венесуэльские госчиновники действовали несомненно. Но судя по позиции США — и в пользу США также. То есть за венесуэльскую нефть Венесуэла получала меньше, а США плюс венесуэльские чиновники больше, чем должны.

Во-вторых, оказалось, что простые назначаемые государственные чиновники могут показать зубы собственному президенту; и не просто показать, а попытаться его свергнуть, всерьез, не понарошку. Следовательно, ресурсы у этих чиновников огромны, вполне сравнимы с государственными. «Аптеку контролируешь — вату имеешь». Крылатые слова! Если страна не продает ничего, кроме нефти — то причастные к продажам чиновники могут сравниться по мощи со страной. И, если захотят — поменять в ней порядок управления.

Чавес сидит на вулкане. Вулкан этот — частный интерес госчиновников. Искоренить коррупцию было трудно и Николаю I, хотя преде-

7-4

лом мечтаний тогдашнего чиновника были борзые щенки. А если миллиарды долларов?

Мне как-то пришлось рассматривать очень наглядную диаграмму: объемы введенных в эксплуатацию нефтяных месторождений в СССР по десятилетиям. Маленькие прямоугольнички для 1930-х, 1940-х, 1950-х годов; уже побольше — для 1960-х и огромный — для 1970-х. Мы с Ищенко одновременно ткнули в него пальцем: «Вот здесь был подписан приговор СССР!»

А действительно: насколько была реальна опасность капиталистической реставрации в СССР? Наша экономика в первой половине XX века ни для кого не представляла интереса. Она вообще слишком низкорентабельна. Даже Гитлер не собирался колонизировать всю Россию: в его планах было онемечивание Прибалтики и части Украины, особенно Крыма. Помоему, ему и Белоруссия была неинтересна. И совершенно то же самое думали о советской экономике другие. Это мы считали, что наши заводы кому-то нужны. Только в 1990-е и узнали, что они на фиг никому не надобны.

А из сырья что у нас было такого привлекательного? Сало? Пенька? Лес, разве что, — да его могли добывать только сами русские. Но с появлением советской нефти и созданием экспортных возможностей обозначились два интереса: Запада и групповой интерес советского госчиновника-нефтеэкспортера. Осуществлению этих планов мешал только Союз. Противостоять этим клещам, возможно, было реаль-

но — если бы хоть кто-то понимал, что происходит.

Хотите поспорить с таким примитивным подходом, что Союз развалили из-за доступа к нефти? Стоит ли? Принцип «кво вадис» — «кому выгодно» — еще никто не отменял. И он поверяется простым арифметическим расчетом: кто и где после распада СССР получил больше прибыли. В рыночной экономике много хорошего и для производителя, и для простого потребителя; но с выгодами нефтеэкспортера не сравнится ничто. Все остальное — идеологическая чешуя, которую, имея деньги, можно организовать — было бы желание.

Отсюда проистекает печальный вывод, к которому я и подвожу вас, уважаемый читатель: венесуэльский опыт показал, что национализация нефтяной отрасли сама по себе не является панацеей. Тем самым государство закладывает под себя мощную мину. Можно национализировать нефть (или не приватизировать ее вообще), но управляющие государственной компании могут принести не меньше ущерба, чем приватизаторы. Что делать? Государству нужно постоянно контролировать чиновников, но деньги в этом бизнесе крутятся такие, что можно купить и контролеров. Если нельзя их — то тех, кто назначает контролеров; если нельзя купить кадровиков, то можно купить следователей, и они заведут уголовные дела против слишком неподкупных кадровиков. Когда два таких мощных фактора, как нефтяные деньги и инте-

ресы США, действуют совместно, то государственный интерес малой страны уберечь трудно. «Водичка дырочку найдет». Есть еще вариант: маленькой стране лечь под богатую, и тогда ее лидеры и порядок управления будут одобряться американцами, пусть там хоть людоедство практикуется.

Частный торговец нефтью, рассуждая абстрактно, старается действовать в собственных интересах — значит, продает нефть дорого. Государственный чиновник, чье жалование мало зависит от прибыли, не может не искать приработка. Малая доля процента от выгоды, упущенной его собственной страной, для него — целое состояние.

И частный владелец находится в выигрышном положении: он может своего менеджера, действующего ему в ущерб, просто пристрелить. Хотя бывает и наоборот, если владелец поздно спохватится. Президент страны прибегнуть к такому простому способу не может.

Современный мир тем и интересен, что национальные правительства имеют меньше власти, чем корпорации. Может ли даже президент страны купить журналисту, скажем, «Мерседес»? Сожрут с трусами обоих. А президент нефтяной компании? Никто и ухом не поведет. Видите разницу между государством и бизнесом? До сих пор слышны причитания по поводу ужасных привилегий советской партийной номенклатуры, которых было-то — в баньке в субботу попариться. Новым же русским никто

не пеняет, если они в субботу съездят на карнавал в Бразилию, а в воскресенье пострелять слонов в Уганду — это считается нормальным. Им можно — а тем нельзя. Психология!

Вот это и есть главная проблема национальной нефтяной компании. У ее персонала возможны иные мотивы, чем у руководства страны, и способов воздействия на этих людей немного. Чем чиновник управляется? Жалованием, пенсией и страхом их лишиться. Здесь же этот страх минимальный, ничтожный по сравнению с возможностями, здесь совсем незначительное служебное упущение может полностью компенсировать потерю пенсии за многие годы.

Когда крутятся такие деньги, предостеречь может только угроза смерти. Но развитые страны — потребители нефти очень недовольны применением смертной казни к чужеземным чиновникам; руководители стран, где это практикуется, быстро приобретают имидж вурдалаков. Поэтому страны — контрагенты развитых стран не могут серьезно наказывать даже за государственную измену.

Самое смешное, что и высшие государственные руководители — тоже чиновники, даже премьеры и президенты, хоть и побеждают на всеобщих выборах. И не только министры могут, удалившись на покой, переехать в уютный домик в стране бывшего вероятного противника или его союзника; в принципе, это не заказано и президенту.

Конечно, трудно представить, чтобы амери-

канский или французский президент после отставки переехали на ПМЖ в Польшу или Россию; а вот обратное чисто теоретически представить можно. Живет же наш бывший министр иностранных дел Панкин в Швеции? А бывший глава АПН Фалин — в Германии? А ведь это госчиновники вполне приличного уровня.

Упаси Бог, я не обвиняю достойных людей в государственной измене; не задаю я и банальный вопрос «откуда деньги?»; отмечу лишь одно: иммиграционные службы западных стран не допускают на свою территорию лиц, не отвечающих на вопросы. Но закончим с персоналиями — рассуждения на эту тему заведут далеко. Как писал еще Сунь Цзы, людьми управляют страхом и выгодой. И оба эти рычага находятся в руках США.

Плохо не только госчиновнику бедной страны, если ею интересуется страна сильная и богатая. Будут давить, подкупать, а возможностей у богатой страны больше. Но плохо и богатому человеку (изредка эти два множества пересекаются) — ведь где, в каких банках хранятся состояния? В западных. Может ли богатый человек сказать слово поперек Соединенным Штатам, если у него счет в «Нью-Йорк Ситибэнк»?

Есть у нас группа «Запрещенные барабанщики», исполнявшая дурацкий, но забавный шлягер «Убили негра». И одна наша эстрадная дива так с сочувствием сказала, что ребята ввиду политнекорректности песенки могут лишиться американской визы. Сказала таким тоном — что становится ясно: для некоторых это сейчас

то же самое, что двадцать лет назад партбилет потерять.

Кстати, потеря визы в одну из западных стран часто получает следствие в виде отказа в других. Информацией они обмениваются, и не только внутри Шенгеннской группы, а причины приводить не обязаны: хотим — пускаем, хотим — нет, хозяин — барин. Что, впрочем, правильно.

А теперь представьте себя на месте какого-нибудь уважаемого госчиновника. Дом — полная чаша, на охоту — в Африку, на серфинг — на Гавайи, сын в английской частной школе, дочка в Сорбонне. И вдруг твой президент говорит что-то не то, а Запад блокирует счета и отказывает в визах. И все! Отдыхай в Турции — если оклада в 300 долларов хватит.

Как вы будете относиться к своему президенту, будь он хоть трижды выбран сердцем?

Но это ситуация крайняя, когда неудовольствие Запада вызвал глава государства. А ведь главы — тоже человеки, и не всегда с таким плохим характером, чтобы ссориться с США. Напротив, для главы государства бывают очень важны маленькие знаки внимания — чтобы его пустили на какую-нибудь конференцию вместе с президентами настоящих стран; чтобы с ним поменялись «Паркерами» после подписания какого-нибудь документа; правда, когда думаешь об этом, то содержанию самого документа в этой ситуации внимания уделяешь меньше.

Вышесказанное смешно даже представить в

приложении к президентам США. Не потому, что они сверхчеловеки; точно даже не знаю, почему. Там есть «верхний класс», бдительно следящий за соблюдением главой государства государственных же интересов. Может быть, и еще что.

Вышеприведенный пассаж о «маленьких знаках внимания», так важных для советских чиновников, взят мной из книги А.И. Уткина. Он сравнил воспоминания о важнейших встречах советского и американских президентов в конце восьмидесятых; о чем думали высокопоставленные деятели двух стран во время этих переговоров, благо все они выпустили воспоминания. Разница разительная, о чем заботились американцы — и о чем «наши». Прочитайте сами, не пожалеете.

Для руководителя современной восточноевропейской страны нет ничего страшнее неудовольствия Запада. Если Запад недоволен — отсюда недалеко и до положения изгоя. А ведь боязнь чего-то — готовый рычаг управления. И он немедленно будет задействован, если что.

Наш самый успешный министр иностранных дел — В.М. Молотов — относился к таким вещам даже не философски, а практично. Нас опять ругают? Значит, правильную политику ведем. Если бы хвалили, нужно выяснять, в чем неправы, и исправляться, чтобы опять ругали. Но это было так давно...

Это же естественно: когда ведешь игру с противником, то каждый твой успешный ход

приносит ущерб противоположной стороне. Поэтому противник и должен быть недоволен, если выигрываешь ты. Если не так — значит ты не игрок, не партнер, а неизвестно кто. Но это одна сторона вопроса. А другая состоит в том, что с нашей стороны рассматривается не абстрактная государственная машина, а живые люди. И ситуация такова, что они к мнению Запада очень чувствительны. Если не они — то их семьи, или знакомые их семей, или какие-то их знакомые, чье мнение им важно. Давно уже высказано мнение, что причины поведения Горбачева отчасти — в его зависимости от мнения друзей студенческих лет, как его, так и его покойной жены, среди которых были и такие люди, как один из идеологов чехословацких событий 1968 года Млынарж (Горби жил с ним в одной комнате общежития).

Потому личная атака на любого деятеля незападной страны так или иначе принесет плоды — или руководитель сдаст назад, или его позиции в руководстве ослабнут.

А вот мы можем ругать западного деятеля до посинения — никому от этого плохо не станет. Потому что рычагов у нас нет.

Короче говоря: хотя национализация природного сырья и необходима экономически, и оправдана любой этической системой — будь она основана на религиозных представлениях или принципе всеобщего блага — она должна быть проведена с умом. И управление ресурса-

ми должно быть хорошо продумано. Подозреваю даже, что в этом деле придется отступать от некоторых общепринятых норм — в частности, от принципа коммерческой тайны.

Логически рассуждая, приходишь к какой-то странной ситуации: деятельностью национальной нефтеэкспортной компании должен управлять... лично президент страны (и где он только время найдет?), и он не должен будет иметь права выезжать за границу, и члены его семьи также. Не нравится? Пусть добьется ситуации, когда страна будет жить чем-то другим, кроме нефти.

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

Так что же нужно американцам от Венесуэлы? Что венесуэльцы могут сделать с Америкой? Могут ли они перестать продавать нефть?

Нет, конечно. Парадокс в том, что поставщики сырья уже не могут проводить самостоятельную экономическую политику. И Запад, и его сырьевые придатки связаны прочными цепями, восстание ног против головы невозможно. Если они перестанут продавать нефть, то лучше не станет ни им, ни Западу, лучше не будет никому.

Ушли в прошлое времена возможности политики в духе 1930-х годов, когда страны договаривались, что одна поставит другой железный лом, а взамен получит нефть. Нам-то это представляется порядком торговли стран с государственной монополией внешней торговли — но

нет, торговые договора были и между капиталистическими странами. А сейчас не совсем так, и запрет государства своим фирмам покупать или продавать что-то — редкое исключение. Пока, во всяком случае.

Строго говоря, США не покупают нефть. Нефть приобретают американские потребители нефти. И у нас, практически, продает не Россия, а частные фирмы, каким-то образом получившие не полные права собственности, а права на разработку лучших российских месторождений. Правда, государство оставило за собой некоторые рычаги контроля. В некоторых фирмах есть доля собственности государства и оно может потребовать увеличить или сократить добычу, поставлять куда-либо нефть или не поставлять. Также в руках государства «труба» — компания «Транснефть», владеющая экспортными трубопроводами. Еще один важный элемент управления — тарифно-таможенная политика, пока она в руках государства.

С помощью этих рычагов можно творить практически чудеса — например, годами удерживать внутренние цены на энергию ниже мировых. Это кажется удивительным: каков стимул продавать нефтепродукты внутри страны в два-три раза ниже, чем совсем рядом, за границей?

Можно брать за экспортные поставки вывозную пошлину — и нефтепроизводителю становится одинаково прибыльно продавать своим

или за границу. Можно допускать их к трубе только при условии продажи части нефти на внутреннем рынке. Прибыль от экспорта такова, что часть нефти можно не то что продавать на внутреннем рынке — да хоть отдавать просто так.

Но в результате нефтяные компании заинтересованы в следующих вещах:

— чтобы государство не вмешивалось в действия менеджмента;

— чтобы иметь собственные экспортные возможности;

— чтобы не платить экспортные пошлины.

Они и действуют в этом направлении. И у нас есть примеры, когда топ-менеджеры государственных компаний поступают вопреки ясно выраженному мнению Правительства и Президента (пока, слава Богу, их не свергая). И хотят строить собственные, негосударственные трубопроводы — ЛУКОЙЛ уже построил нефтяной терминал в Варандейской бухте. А еще нефтяники всячески лоббируют вступление в ВТО — по одной простой причине. Идеология «свободной торговли» не предусматривает экспортных пошлин и экспортных квот, что нефтедобытчикам выгодно. Государству и бюджетникам это менее выгодно, но они этого не знают.

С точки же зрения чистой науки вступление России в ВТО лично мне будет очень полезно. Наши внутренние цены будут более точно соответствовать мировым, и иллюзий

насчет конкурентоспособности российской экономики будет поменьше. О чем я всегда и говорил.

Но многим, очень многим остальным будет совсем не так приятно.

КАК ЭТО БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ

Екатерина Коляда, вице-президент холдинга «Металлоинвест», на вопрос о ценности бензина ответила следующее: «Без бензина какая жизнь? Курт Воннегут в своей автобиографии пытался придумать судьбу хуже смерти, и перечислил все: рабство, катастрофы и, в том числе, отсутствие бензина. Я бы сказала, что бензиновый голод — это катастрофа и рабство в тандеме».

Да, но именно этот опыт придется пройти — не забывая при этом, что и сейчас на Земле живут миллиарды людей, которые никогда в жизни не сядут на автомобиль, даже не на собственный.

Так как будет выглядеть конец нефти? Иногда это представляют как очередь автомашин, брошенных около бензоколонки, на которой висит плакатик: «Бензина нет и никогда больше не будет». Хотя, действительно, следующая нефть накопится в недрах только через несколько миллионов лет и мы ее дождемся вряд ли. Наверное, будет как-то постепенно...

Понятие «дефицита» в рыночной экономике выглядит совсем не таким, к какому мы привыкли и все еще не можем отвыкнуть. Превышение спроса над предложением регулируется ценой, поэтому, даже когда нефти не будет совсем, за сумасшедшие деньги, вероятно, можно будет все-таки купить немного — горло смазать от ангины, например.

До какого предела может расти цена? Да как обычно: пока потребитель будет в состоянии платить цену выше или равную ее стоимости для производителя.

Еще разок: из чего составляется цена нефти? Во-первых, из прибыли нефтяной компании. Именно во-первых, потому что не было бы прибыли — никто б этим не занимался. Затем из затрат нефтяной компании. Из затрат на материалы, энергию, транспорт, рабочую силу. Из отчислений владельцу месторождений — если они не принадлежат нефтяной компании. Где-то такие отчисления делаются по фиксированной ставке от объема добытого, где-то разовым платежом (то есть месторождение фактически покупается), иногда взимается налог с прибыли.

Но есть статья расходов, не поддающаяся простому расчету, а только волевому регулированию — мало какие издержки можно увеличивать или уменьшать подобным образом.

Речь идет об инвестициях в будущую деятельность компании. Ни одна крупная корпорация не допускает падения в перспективе; уж

не знаю, кто за этим следит — акционеры, совет директоров, владелец — но все корпорации работают на будущее. Ведут разведку сами или нанимают геологоразведчиков — но порядки там, насколько известно, не менее железные, чем в Госплане СССР. К моменту исчерпания одних нефтяных приисков должны быть наготове другие. Возможно, не все нефтедобытчики придерживались этих правил или не всем это удавалось. Но такие разорились и ушли из бизнеса давно, еще в первой половине XX века.

Так вот по данным исследования «Голдмен и Сакс» 1999 года, о котором говорил Стив Дашевский, аналитик корпорации «Атон», именно эта инвестиционная составляющая, то есть геологоразведка и обустройство резервных месторождений взамен выбывающих, и составляет едва ли не бóльшую часть затрат. Из-за них даже компании, имеющие очень дешевые скважины (с себестоимостью около 30 долларов на тонну), реально тратят на добычу тонны нефти 105—115 долларов, или 15—16 долларов на баррель — повторюсь, так было к 1999 году.

Именно поэтому в своих статьях в сборниках «Крах доллара» и «Распад мировой долларовой системы» я скептически отнесся к паническим прогнозам о резком падении цен на нефть. На 2001 год, исходя из здравого смысла, получалось не менее 150 долларов за тонну. Конечно, всегда есть вероятность кризиса сбыта и вре-

менного снижения цен; к тому же слабая экономика типа российской образца весны 1998 года подобных колебаний может и не выдержать. Но падения цен не могут быть долгосрочными, поскольку нефтяные резервы в странах-потребителях, по сравнению с объемами потребления нефти, составляют мизер.

Что собой представляют такие резервы? Это могут быть месторождения разной степени обустроенности — вообще неразбуренные или законсервированные — вторые можно ввести в строй быстрее первых. В частности, в США это месторождения на территориях национальных парков.

Существуют стратегические нефтяные запасы (СНЗ) в искусственных или приспособленных естественных хранилищах, правда, не во всех странах. Ходят легенды, что они невероятно велики, но американские данные это опровергают. В США они могут быть доведены, максимально, до 700 млн баррелей (около 100 млн тонн), а летом 2002 года составляли 578 млн баррелей (в «Ведомостях» от 7 августа было напечатано «тонн», а не баррелей — но это явная опечатка).

Технический предел изъятия из СНЗ США — 4 млн баррелей в день, что составляет около трети дневного импорта. Это позволит поддержать американскую экономику полгода, но при условии, что продолжится добыча на Североамериканском материке, в противном случае катастрофа неизбежна — вряд ли без нее можно

сократить дневное потребление почти в 20 млн баррелей.

Кстати, встречаются утверждения, что Америка импортирует не более 12, а 9 млн баррелей в день. Но верна все-таки первая цифра — довольно часто трубопроводный и вообще транспорт нефти внутри континента Северной Америки — из Канады и Мексики — не считается импортом.

Эти запасы — на «черный день», не на случай окончания добычи нефти, а для парирования неожиданного и временного перебоя типа войны в Персидском Заливе, Нигерии, или полицейской операции в Венесуэле.

Все члены Международного энергетического агентства обязаны обладать 90-дневным стратегическим резервом. И здесь, как видим, американцы плевать хотели на то, что обязательно для других, у них-то запасов всего дней на 40. Правда, для США вся планета — резервуар.

Забавно, что американский министр энергетики Абрахам приезжал в 2002 году в Россию и уговаривал нас создать аналогичную систему. Уговаривал он почему-то коллегу — главу Минэнерго, а не руководителя Росрезерва (есть у нас и такая серьезная организация), у которого что-то подобное должно быть. Это объясняется тем, что функции у аналогичных резервов в США и России будут разными, но взаимодополняющими. В США они, помимо стратегических целей, постоянно используются для сбивания скачков

цен на нефть — даже такие скромные объемы могут влиять на мировые цены — и гарантирования внутреннего потребления. А наши резервы американцы планируют использовать для гарантирования поставок на мировой рынок, чтобы не было перебоев — понятно, тоже, по сути, чтобы цены вверх не прыгали. Нам так это нужно!

Неужели у нас раньше не было таких стратегических резервов? Сомневаюсь. И странно, зачем нам их помощь? Мы и без них умеем мировые цены на нефть сбивать. Но пусть помогают, главное, чтобы не в долг.

Но даже при наличии всяческих резервов нефть в будущем будет только дорожать.

Чтобы представить перспективу, предположим, что по основным статьям расходов увеличения нет — ни по зарплате, ни по материалам, ни по энергии. Совершенно очевидно, что поиск и обустройство новых месторождений чем дальше, тем дороже обходятся. За счет хотя бы этого фактора себестоимость непрерывно растет. И даже если нефтедобытчики пойдут на снижение прибылей и не станут повышать отпускные цены — это будет временным решением, все равно рано или поздно стоимость возрастет. И тогда цена поползет вверх. Тем более, что принятые допущения не очень корректны — и в стоимости энергии, и даже материалов и оборудования доля нефтяной цены присутствует, поэтому все это никак не может оставаться неизменным по цене.

Трудно предсказать, что, в основном, представляет собой ресурсная политика крупнейших нефтедобытчиков мира, на какую перспективу они рассчитывают. От этого зависит момент, когда цена станет запредельной: например, если они рассчитывают лет на двадцать — то за двадцать лет до исчерпания нефти любые затраты на геологоразведку дадут минимальные результаты. А отнесены эти расходы могут быть только на счет потребителя.

Что такое «запредельная цена»? Цена, которую покупатель уже не сможет платить. Речь идет не об одиночках, но о целых отраслях промышленности. Это и станет моментом, когда «современная цивилизация» полетит под откос.

Точнее, она «потеряет лицо», начнет принимать другой облик — ведь от технологий облик цивилизации зависит в высокой степени. Причем это не будет однократным событием — фазы изменений можно спрогнозировать. Попробуем чуть подробнее.

СТУПЕНЬКИ К ПОСТУГЛЕВОДОРОДУ

Кто является действительно великим ученым? Естественно предположить, что тот, кто открыл закон, названный его именем. Ньютон, например, или Ом. Или хотя бы эффект. Российская наука не может похвалиться обилием эффектов и законов, названных именами русских ученых — так, с ходу вспоминается разве

что эффект Черенкова да колонка Цвета — основателя хроматографии.

Тем не менее, есть у нас ученый, на счету которого сразу два закона, точнее полтора: Периодический закон Менделеева и закон Клапейрона-Менделеева. Дмитрий Иванович известен нам как химик, хотя делом своей жизни он сам считал Таможенный тариф 1891 года, который фактически создал российскую индустрию; Менделеев был научным руководителем разработки этого тарифа. Был он и советником по экономике Александра III — достижения этого царствования, оказывается, базировались на прочном фундаменте.

У Менделеева была интересная особенность: он занимался тем, что в данный момент, нужно России, и всегда успешно. Ходит легенда, что его исследованию русская водка обязана своим стандартом крепости — 40°, причем Менделеев занялся этим вопросом не по природной склонности, а в свете планировавшейся тогда водочной госмонополии. Не знаю, так ли это, но вот к перевооружению армии Менделеев действительно разработал бездымный порох — лучший, чем французский. А предварительно, съездив во Францию, раскрыл состав лучшего в то время французского пороха. Без шпионских штучек, не выходя из кафе и просто читая экономические разделы французских газет.

Занимался он и нефтедобычей, кое-что об этом известно, я имею в виду его сакраменталь-

ную фразу, которую везде вворачивают, говоря о нефти, но никак не осмысливают.

В общем великим ученым был наш соотечественник, любил Россию и как мало кто другой способствовал ее процветанию. Потому и неудивительно, что на выборах в Академию его прокатили тогдашние академики — ну не чувствовали они себя ровней такому талантищу.

Но к нашей теме относится еще одно предложение Д.И. Менделеева — о подземной газификации угля. Говоря о конце нефти и о том, что делать потом, без этой технологии никак не обойтись. Она понадобится больше чем через век после того, как идея о ней была высказана — но понадобится, когда закончатся не только нефть, но и природный газ.

ГАЗОВАЯ ПАУЗА

Но сначала поговорим о природном газе. Природный газ (точнее, попутный нефтяной) знали еще в античности, задолго до новой эры. Но если нефтяной рынок уже тогда, можно сказать, существовал — нефть собирали и продавали, в основном, для бытовых и медицинских нужд — то газ использовали только для священного огня в храме огнепоклонников в окрестностях Баку. И причина меньшего интереса к газу, чем к нефти — примерно та же, что и сейчас. Газ существенно сложнее хранить и перевозить, и

даже сейчас в цене газа «транспортная составляющая» вдвое превышает таковую для нефти. А тогда-то с газами работать и вообще не умели. Точнее, герметичную упаковку знали — слово «герметичный» происходит от имени Гермеса Трижды величайшего (Трисмегиста) — легендарного египетского ученого, о котором уже древние греки знали только по смутным легендам; но сжимать или сжижать газы для практического применения научились только-только, необходимая для этого точность изготовления насосов и поршней достигнута лишь недавно.

Правда, видел фотографию (к сожалению, не нашел ее, чтобы воспроизвести здесь), как китайские крестьяне везут по домам газ из местных небольших месторождений. На ослика навьючен огромный бурдюк, метров семь в поперечнике, и он его тащит, как аэростат воздушного заграждения. Нет у китайских крестьян ни баллонов, ни компрессоров, а поди ж ты... Правда, погода нужна безветренная.

Только к нашему времени, когда истребление накопленного за миллионы лет стало основой новой цивилизации, произошло действительное открытие газа. Да, сразу надо сказать, что попутный нефтяной газ — это не совсем то же, что природный. Газ, идущий с нефтью, более «грязный» и, зачастую, химически агрессивный. Если пускать его по трубопроводам для природного газа, он «съест» трубы за несколько

лет. Поэтому его лучше сразу после добычи от нефти отделять. В принципе, он поддается «облагораживанию», и это лучше, чем сжигать его в факелах — но так он получается чуть подороже, чем природный.

Вот природный газ в этом отношении совершенно безопасен. Если его правильно подготовить — высушить и т.д. — то нет домашнего топлива лучше. При сгорании он оставляет после себя только углекислый газ и водяной пар. Он даже не имеет запаха — то, что мы считаем «запахом газа» — специальная его ароматизация особо вонючими веществами — меркаптанами, чтобы утечка газа сразу чувствовалась. Правда, он, если не соблюдать технику безопасности, взрывается — но сдуру можно взорвать практически все — и склад с удобрениями, и цех сахарной пудры.

Измеряют природный газ в кубических метрах при атмосферном давлении. Много это или мало, кубометр газа?

Из школы мы знаем (не все, конечно, а кто усвоил школьную программу), что вода в восемьсот раз плотнее воздуха. То есть кубометр воды весит тонну, а кубометр воздуха — чуть больше килограмма — точнее — 1,2928 кг. Примерно такое же соотношение и между нефтью и газом, ближе, пожалуй, даже к тысяче раз. И нефть бывает разная — полегче (ближневосточная) и потяжелее; и газ тоже разный. Даже граница между ними слегка размыта. Ведь что такое нефть и газ? Смеси

углеводородов. Молекула углеводорода чаще всего представляет собой цепочку из атомов углерода, к каждому из которых, как лапки сороконожки, прикреплены два атома водорода. Также по одному атому водорода прикреплено к цепочке в качестве головы и хвоста. Цепочки покороче — газы, подлиннее — жидкости, совсем длинные — твердые вещества, если парафин или полиэтилен считать твердыми. Цепочка из шести атомов углерода может быть замкнута в кольцо — это циклогексан, у него нет «головного» и «хвостового» атомов водорода, только «лапки» — по два на атом углерода.

В природном газе обычно больше всего метана. Это «цепочка», состоящая лишь из одного звена — 1 атом углерода и 4 водорода. Метан легче воздуха. А вот уже этан (2 атома углерода и 6 водорода) тяжелее. Смесь метана и этана горит у нас на кухне.

Еще тяжелее пропан и бутан. Пропан продается в баллонах, и, так как он отличается по свойствам от метана и этана, то его нежелательно использовать в «городских» газовых плитах — будет коптить. Нужны другие форсунки в горелках.

Природные газы являются газами лишь при комнатной температуре, а если их охладить или сжать, то они становятся жидкостью. Правда, чтобы сконденсировать метан, его надо слишком сильно сжимать или охлаждать.

В нефти всегда имеется растворенный газ, и наоборот: при добыче газа обычно получают газоконденсат — что-то вроде очень легкой нефти.

Так как состав и нефти, и газа в разных месторождениях разный, то нельзя абсолютно точно сказать, в каком соотношении по теплотворной способности (а нас в первую очередь это интересует) находятся между собой нефть и газ.

Но грубо и округленно можно считать, что тысяча кубометров газа приблизительно, соответствует тонне нефти, а килограмм газа — литру жидкого топлива. Кубический километр газа (в них иногда оценивают месторождения), то есть миллиард кубических метров — это примерно миллион тонн жидкого топлива. А тысяча миллиардов кубометров, или триллион кубометров газа — это примерно миллиард тонн нефти.

Запасы нефти считают миллиардами тонн, а газа — триллионами кубометров, и это удобно. И цены тоже близки — если нефть стоит около 150 долл. за тонну, то газ — где-то около 100 долл. за 1000 кубов — цена ниже, потому что газообразное топливо менее удобно, чем жидкое.

Кубометр же сжиженного газа чуть богаче энергией, чем тонна нефти, но совсем ненамного. Поэтому их можно грубо считать эквивалентными.

Наша страна богата газом. Считается, что богаче всех в мире. И мы этим гордимся. Почему-то. Хотя какая в этом наша заслуга? Так или иначе, мы перешли на отопление газом (Евро-

пейская Россия обеспечивает за его счет свои нужды в энергии на 65 %). И отапливаемся газом, и электроэнергию вырабатываем, и пищу мы готовим на газу. И разнообразные промышленные печи — например, для обжига кирпича или цементного клинкера. Промышленность стройматериалов вообще энергоемкая — и чтобы перлитовый песок вспучить, и керамзит обжечь, и пенобетон, стекловату или минераловату сделать — везде нужны высокие температуры. Парадокс: у нас, в самой холодной стране мира, масса топлива уходит на обогрев; но если мы хотим топливо экономить и для этого решим утеплить жилища — то теплоизолирующие строительные материалы, как правило, тоже потребуют больших затрат того же топлива — солидная часть экономии выбирается вперед.

И развитый мир потихоньку переходит на газ, хоть дело это и непростое. Тут мы оказались впереди планеты всей, сами того не заметив, а во всем мире на газификацию смотрят еще с опаской, как на трансгенную картошку. Используют его, примерно, как и у нас, с теми же ограничениями. Больше для отопления и электрогенерации. Как автомобильное топливо он может использоваться в городах; в сельской местности возникает проблема заправок. По той же причине питающая аппаратура сложнее, поскольку двухтопливная, на одном газу ездить рискованно. Всегда ли доедешь до заправки, даже в Москве?

Таблица 6

Доля энергии, произведенной с использованием нефти и природного газа, в % к общему производству энергии (нефть/газ), то есть уровень газификации экономики

	1990	1994
Зап. Европа	44,7/16,3	45,7/18,4
Сев. Америка	41,5/25,4	40,9/26,3
Вост. Европа и СНГ	29,0/28,1	22,9/42,9
Китай	17,0/2,0	19,2/2,0
Япония	57,8/10,8	56,1/11,3
Прочие регионы	...	...
Итого	40,0/22,5	40,0/20,7

Но есть серьезные препятствия. Дело в том, что газ существенно удобнее жидкого топлива в быту и промышленности, когда он магистральный. Но и в таком варианте его транспортировка и прочая обработка обходится чуть не вдвое дороже, чем нефти. Если же его приходится возить судами-газовозами в сжатом или сжиженном виде, как в Японию, то технологическая цепочка получается непростой. Нужны заводы по производству сжиженного газа в странах-производителях и много другой инфраструктуры. Причем все оборудование дороже нефтяного настолько же, насколько танкер-газовоз дороже простого танкера.

Поэтому газ и стоит дешевле нефти в полтора раза при той же теплотворной способности.

Стоил бы одинаково — никто бы не покупал, дополнительные затраты сделали бы газ невыгодным. Буровые же и прочее оборудование не дешевле, чем для нефти — и добыча газа становится выгодной только для крупных систем и после масштабных инвестиций — чего-то подобного Газпрому в мире нет.

Но пока, как говорилось, мирового рынка газа нет — он потребляется в основном там же, где добывается, или в пределах трубопроводной системы. Сейчас строятся много газосжижающих заводов, и, возможно, в ближайшем будущем торговля газом расширится.

В нашей стране газом в баллонной расфасовке постоянно пользуются 18 млн человек, не считая дачников. Но пропан, будучи вдвое дешевле бензина, немногим дешевле в производстве. Он — лишь фракция природного газа (основа там — легкий и трудносжижаемый метан), которую надо как-то выделять.

Пожарные, хотя люди они храбрые и самоотверженные, не любят тушить пожары на дачах. И я их понимаю — взрывоопасная вещь эти баллоны, а при пожаре домика кран не перекроешь, как в городе. Бензиновые и керосиновые примусы, впрочем, не лучше, старые туристы вам много чего про них расскажут.

Как сделать природный газ «дружелюбнее» и удобнее?

Простейший метод — синтезировать из метана метиловый спирт. Один атом водорода заменяется на пару атомов OH (кислород+во-

дород, гидроксил) — и — о чудо! Вместо газа CH_4 — жидкость, CH_3OH, метиловый, или древесный, спирт. Плотнее метана почти в тысячу раз — и без насосов, баллонов высокого давления, холодильников. А процесс, в принципе, можно провести хоть на кухне — в периоды бензинового дефицита этим занимались народные умельцы, и не одна квартира взлетела тогда на воздух. Так бывает, когда хороший принцип претворяется в реальную жизнь.

Но и те, кому удалось обойтись без взрывотехники, не слишком довольны результатом. Метиловый спирт гораздо менее энергетичен, чем бензин; требуется переделка системы питания двигателя. Он вызывает коррозию всего, чего можно, и карбюратора в том числе. Он впитывает влагу. И он ядовит — всего несколько граммов вызывают слепоту, а несколько десятков — смерть. А пахнет он как обычный спирт, и даже на вкус похож — чем крайне опасен.

«Социальные дарвинисты», правда, считают, что если уж человек дошел до технического спирта — то чем скорее он хватанет полстакана метилового, тем лучше для всех.

Так что метиловый спирт, хотя и применим в качестве топлива, бензин не заменит, и, в лучшем случае, может быть добавкой к нему — помогая, например, убрать воду, попавшую в бензобак.

Но метиловый спирт может, в свою очередь,

послужить исходным сырьем для синтеза других продуктов, в частности, какого-то органического эфира, вполне заменяющего дизельное топливо (с химией не знаком, кто интересуется подробностями — читайте специальную литературу, лучше всего отраслевые журналы типа «Нефтегазовая вертикаль» или «Нефть России»). Преимущества и недостатки дизелей по сравнению с карбюраторными и инжекторными двигателями общеизвестны.

Существуют технологии, доведенные до промышленной стадии, позволяющие прямо на буровой получать из природного газа это жидкое топливо. В частности — прямо на океанской платформе. Выглядит такой проект дерзко, а потому впечатляюще. Но подумать: вот пресловутое Штокмановское месторождение, 3 трлн кубометров в 650 км от берега, в Баренцевом море. Оно не Красное и даже не Черное. Как возить газ-то? А тяжелую жидкость — качай себе в танки (так, в данном случае, называются отсеки-цистерны танкера), а то и сама льется.

То есть речь вот о чем: природный газ — ценнейший ресурс. Он незаменим в некоторых сферах (аммиак почти весь получают из природного газа, на котором базируется производство азотных удобрений и много еще чего), но он не замена нефти. Чтобы использовать его на те же цели, на которые используется нефть, придется идти на дополнительные затраты. Без нефти, но с газом возможности общества будут ограничены.

Но откуда взялось название главы: «Газовая пауза»?

Я не нашел первоисточник, но смысл этого выражения вот в чем. Когда только начиналась газификация нашей экономики, уже тогда дальновидные люди знали, что газа хватит не навсегда. И идея была в том, чтобы за время, которое мы выиграем благодаря газу, перейти на новые источники энергии — в первую очередь, разработать новые, эффективные и экологичные способы использования угля, которого много больше, чем газа.

С тех пор многое изменилось. Был открыт газ Западной Сибири — это хорошо. Но была утеряна перспектива: что дальше делать, когда и эти месторождения исчерпаются? Вот это плохо. Поэтому идеологию «газовой паузы» надо вспомнить. Пока он есть.

В принципе газ есть почти везде. Есть газ и в Подмосковье... да только его мало.

Вообще считается общепринятым, что ископаемое горючее — это остатки растений. Сначала образуется торф, потом он слеживается, прессуется, получается уголь. На большой глубине, под действием высокой температуры в присутствии воды получаются газ и нефть. В общем, что-то вроде этого. В детстве на меня произвела впечатление картинка из «Науки и жизни», где нефтяное месторождение в земле было в виде динозавра, налитого нефтью.

Есть, правда, менее очевидная теория, что углеводороды имеют небиологическое проис-

хождение — метан очень распространен во вселенной, атмосферы некоторых планет состоят из него, и он мог сохраниться в недрах от тех времен, когда земная атмосфера еще не состояла из азота и кислорода.

Косвенным подтверждением этому служат открытия на Кольской сверхглубокой скважине. На больших глубинах есть слои, где горные породы пропитаны газом. А уж там, где есть какие-нибудь жидкие углеводороды или уголь — и подавно.

Но если эти породы плотные, то газ сочится сквозь них еле-еле, и выкачанное месторождение вновь наполнится лишь через тысячи, если не миллионы лет. Так или иначе, хотя газ есть почти везде, газ в промышленных количествах есть только под пятачками земной поверхности.

Один мой слушатель был начальником погранзаставы на Камчатке, в Кроноцком заповеднике. Геологи бурили там скважины на газ и нашли его, но месторождение оказалось маломощным, дебета скважины хватило как раз на одну газовую плиту. Это месторождение и досталось после ухода геологов пограничникам и было их предметом гордости перед визитерами, пока эта застава была.

Теперь супруга этого слушателя варит щи на газе из Сибири — не Камчатка, но что-то вроде. Подумать только, газ идет к нам по трубе длиной в 3 тысячи километров! А ближе газа уже и нет, хотя начиналась газификация Москвы с Саратовского месторождения.

Действительно большие запасы газа были на нашей планете всего в нескольких местах. В материковой Европе его мало, бóльшая часть европейского газа была в России, сейчас он исчерпан. Тот газ, который потребляет Западная Европа, поступает, кроме как из Сибири, еще с морских месторождений Северного моря и из Алжира.

Северное море относительно теплое и мелкое, не с точки зрения морских купаний, а с точки зрения нефте— и газодобытчиков. Оно не замерзает, без айсбергов и с глубинами до 200 метров, то есть вышки на дно ставить можно. Тамошние месторождения принадлежат Англии и Норвегии. Интересно, что англичане не перерабатывают свою нефть, а гонят ее на экспорт, хотя имеют свои нефтеперегонные мощности. Но их технология приспособлена к легкой ближневосточной нефти, и англичане посчитали, что выгоднее продолжать импортировать ее, а свою экспортировать, чем перестраивать свои заводы на другой тип нефти. Неожиданное, а, значит, скорее всего, очень мудрое решение.

А норвежцы сами даже не потребляют газа, в Норвегию нет газопровода с их месторождений. Он идет в Германию.

У меня часто спрашивают, как же так, почему в Норвегии высокий уровень жизни, это же северная страна! Умиляют меня демократы. Не знать, что эта страна с ее микроскопическим населением и незамерзающим морем — еще и мировой лидер по экспорту нефти и газа...

Довольно много запасов газа у Нидерландов, даже больше, чем у норвежцев (у тех, правда, шельфа больше — есть где искать).

Таблица 7

Соотношение валовой и товарной добычи природного газа (млрд куб. м) в разных регионах земного шара в 1992 г.

	валовая	товарная	Доля товарной добычи (%)
Зап. Европа	254,5	219,7	86,3
В. Европа и СНГ	823,3	801,9	97,4
Сев. Америка	779,9	627,1	80,4
Лат. Америка	135,9	86,1	63,3
Африка	198,3	78,6	39,6
Бл. и Ср. Восток	204,0	117,6	57,6
Проч. Азия и Океания	205,5	175,0	85,2
Итого	2601,4	2106,0	81,0

Еще интересный момент. На протяжении многих лет я находился под воздействием пропаганды о какой-то особой расточительности советского экономического строя. Доказательством его были факелы на нефтяных месторождениях — и действительно, сколько лет горел факел на московском нефтеперегонном заводе в Капотне! Как освещали снежную равнину факелы у воркутинской железной дороги!

Каково же было мое удивление, когда на фотографии ночной Европы из космоса я

увидел красные пятна в Северном море. Они были больше, чем осьминоги европейских столиц (кстати, не Париж и не Лондон из них самые яркие, а Москва). Хорошо были видны населенные и безлюдные (Альпы, Карпаты) районы. Четко заметны границы между богатыми и бедными странами — небольшая Северная Ирландия светится сильней, чем вся Ирландская Республика. Что это за красные пятна? А это факелы нефтяных платформ. Попутный нефтяной газ очень сложно утилизовать; его сравнительно мало, строить для него газопровод или монтировать емкость смысла нет, химически он хоть и горюч, но очень неприятен. Агрессивен к металлу, а состав его очень сложный и переменный, и его нельзя обрабатывать по какой-то одной технологии. Поэтому нефтяники развитой и экономной западной цивилизации этот газ просто жгут. А про какую-то особую советскую расточительность нам, в данном случае, просто брехали — она общечеловеческая, как горбачевские ценности. Но все равно, попутный газ — значительный резерв, и жечь его — конечно, расточительность. Успеют ли начать его полностью использовать до полного исчерпания нефти?

К сожалению, из-за сложности технологии потери газа значительны. Даже при добыче природного газа разрыв между добываемыми и коммерческими (используемыми) объемами очень велик. Соотношение кое-где менее 40 %

(в Африке). На Ближнем Востоке доля товарной добычи — около 60 %, в Западной Европе — чуть меньше 90 %, и только мы используем почти все — свыше 97 %. Остальные проценты так или иначе теряются.

Но проблема в том, что газа этого в Северном море не так уж и много. На 10—15 лет, если считать вместе с алжирским.

Что является резервом?

По оптимистичным оценкам очень много газа в России. Вообще этой темы мы здесь касаемся краем, но в сведениях о газе разнобоя еще больше, чем о нефти.

Прогнозные оценки — 164,8 трлн кубометров (правда, это те же оценки, согласно которым у нас 60 млрд тонн нефти, те самые «13 % мировых», по другим оценкам прогнозные запасы всего мира — лишь 125 трлн кубометров). Из этих триллионов на океанском шельфе 69,4 трлн. Напомню, что триллион кубометров газа, примерно, эквивалентен миллиарду тонн нефти.

На суше резервы сосредоточены на Ямальском полуострове и в Гыдане. По другим данным, у нас прогнозных запасов аж 218 трлн тонн (Маргулов, 1996).

По данным Международного газового союза в мире всего прогнозных — 327 трлн тонн, доказанных — 118 трлн (все это сравнимо с ресурсами нефти), но вот что отличается, так это то, что в год добавляется доказанных запасов 5 трлн при добыче около 2,2 трлн. То есть, в от-

личие от нефти, доказанные запасы не падают, а растут.

В России доказанные запасы — от 48 до 64 трлн кубометров — то есть, видимо, существенно больше, чем нефти.

Вся эпоха газификации Советского Союза, в которой мы выросли, связана всего лишь с тремя месторождениями — но зато с гигантскими. Считается, что в России имеются еще четыре гигантских месторождения, которые просто трудно (дорого) осваивать.

Всего же в России известны 20 месторождений с запасами более 500 млрд кубометров — всего 36 трлн кубометров, или 75 % от доказанных запасов — в том числе Уренгойское, Ямбургское, Бованенковское, Медвежье, Заполярное, Харасавэйское, Оренбургское и др. Они дают 93 % добычи. Крупные месторождения выгодно обустраивать, поэтому они используются в первую очередь. Не хочу пугать — но с обустройством новых «супергигантов» есть проблемы: они в том, что нет средств, почему о повышении цен на газ говорят и хорошие люди. Без денежек нигде ничего не делается. Впрочем, на Ямале подготовлены к добыче Бованенковское, Харасавэйское, Крузенштерновское и Ново-Портовское месторождения, то есть пока еще не катастрофа.

Еще есть 115 месторождений с запасами от 30 до 500 млрд кубометров — всего 10,7 трлн кубометров или 22,3 %. Остальное в совсем мелких, по нашим понятиям, нерентабельных месторождениях.

Сейчас западноевропейская цена на газ — 2,7 долларов на 1 млн БТЕ (британских тепловых единиц), то есть 95 долларов за 1000 кубометров. Эта цена связана с нефтяными ценами — растет и падает синхронно.

В 2010 году при цене нефти 30 долларов за баррель потребительская цена в Европе будет близка к 4—4,5 долларов за 1 млн БТЕ (140—158 долларов за 1000 кубометров).

С ГАЗОМ И БЕЗ ГАЗА

В этом отношении наша страна — уникум. Если верить данным о запасах, то когда весь мир, кроме Персидского залива, лишится топлива — у нас еще останется газ. Но тоже ненадолго — опять-таки несколько десятков лет, в лучшем случае. То есть не газовая эра, а именно газовая пауза. Перед чем пауза? Вот это зависит от нас.

За время паузы надо сменить тип цивилизации — и технический, и социальный. Сначала о технологии. Надо мобилизовать источники энергии, которые могли бы дать еще некоторую отсрочку — поскольку социальные перемены еще сложнее и могут потребовать времени в несколько поколений. К сожалению, эти источники в основном невозобновляемые.

Есть ли что-то в природе, что могло бы восполнить дефицит газа и нефти?

Конкретно в нашей стране есть уникальные месторождения — это твердые растворы газа в мерзлых породах, газогидраты; плотные газонасыщенные породы; растворенный метан. С ними есть проблема — непонятно, как их добывать, технология пока не отработана. Может быть, это и невозможно.

Удивительно много в мире метана. Такое впечатление, что он есть везде. Много горя он приносит шахтерским семьям. Он находится в угольных пластах под очень большим давлением и иногда находит выход — и тогда пропитанный газом уголь вдруг взрывается, разрушая горные выработки. Выбросы метана — едва ли не самая опасная причина катастроф на шахтах. Да и просто, сравнительно мирным путем (без выброса) попавший в штреки метан в смеси с воздухом может и загореться, и взорваться.

Почему нельзя дегазировать угольные пласты, прошить их перед разработкой хотя бы скважинами и стравить газ — вопрос не ко мне. Думаю, дорого, экономически неэффективно. Когда шахта уже работает, метан без пользы удаляется вентиляцией, отделить его от отработанного воздуха практически невозможно.

Очень много метана выделяется в процессах разложения всякой органики. Как уже говорилось, из почвы рисовых полей; но больше всего — в болотах и тундрах. Богатство неимоверное, хватило бы для отопления всего

человечества... но как его собирать? Один взгляд на глобус приводит к правильному выводу. Зелен виноград!

Крупный рогатый скот выделяет много метана. Трудно собирать и этот вид топлива, хоть и хорошо бы — все же парниковый газ. А метан, выделяющийся в жижесборниках животноводческих ферм — и есть тот самый биогаз, о котором часто говорят; его можно собирать и использовать, но это, конечно, не то, что спасет человеческую цивилизацию. Чтобы было много навоза — надо много кормов. А для этого надо много удобрений. А промышленность удобрений зависит от природного газа. То есть чтобы собирать биогаз, надо иметь природный газ. Нет его — нет и биогаза. И мало его, газа этого: кубометр биогаза получается из кубометра этого... как его... сырья. А кубометр газа эквивалентен литру жидкого горючего. Чтобы привезти на садовый участок цистерну удобрений (4 кубометра), этих 4 литров топлива может автоцистерне и не хватить.

И когда говорят о «метановой эпохе», все вышесказанное надо иметь в виду.

Химия знает множество горючих газов, но видов сырья для них в природе гораздо меньше. Это биомасса — свежая или запасенная в прежние эпохи — уголь, бурый уголь, торф, другие горные породы, представляющие собой пропитанные углеводородами горные породы — битуминозные пески, сланцы.

Если добывать сырье, состоящее только из органики, выгодно, то поднимать на поверхность излишнее количество пустой породы получается дороговато. Даже просто низкокачественные угли имеют в своем составе до 50 % золы, и сжигать их получается сложно — надо постоянно убирать из топки золу, в количествах немногим меньших, чем топлива. Та же проблема с битуминозными песками. Там много запасов, но как их добывать — никто не знает.

Так что реальная перспектива на посленефтяной период — это угольная эра. Ненадолго (исторически), но дольше, чем жизнь за счет нефти.

Это самый массовый ресурс, которого хватит на более долгое время — по недавним оценкам, количество «эффективных» угольных ресурсов, то есть тех, себестоимость добычи которых не превышает 40 долларов по курсу 1975 года за тонну, составляет более 2,6 трлн т.у.т. То есть 1,8 трлн тнэ, более чем в 10 раз превышая запасы нефти.

Во-первых, уголь может заменить некоторые виды нефтепродуктов, способствуя их экономии. Он может на некоторое время снять остроту проблемы с бензином, если сделать отопление и производство электроэнергии угольным. В этом случае можно сэкономить отопительный мазут, сравнительно просто перерабатываемый в бензин. Ведь мазут по сути своей — такие же цепочки углеводородов, толь-

ко длиннее, чем в бензине, и их можно «настричь» в более короткие. Это умеют делать даже с такими высокомолекулярными углеводородами, которые содержатся в асфальте. У нас в стране подобные технологии уже кое-где используются, что создает проблему: неконтролируемый прием у населения лома асфальта приводит к тому, что так называемые «стамесочники» срубают покрытие не только с неиспользуемых асфальтированных площадок, но и с краев эксплуатируемых дорог (ж-л «За рулем», № 5, 2001). Пока такая технология дороже получения бензина из нефти и может применяться лишь при практически даровом сырье.

А заменить мазут можно многими способами.

Например, размолоть уголь до состояния мельчайшей пудры и размешать ее с водой до получения водоугольной эмульсии. В таком состоянии полученную смесь можно и прокачивать по трубопроводам, и сжигать в тех же котлах, которые используются для мазута, при минимальных их переделках. Кроме того, в размолотом состоянии уголь проще обогащать, отделяя пустую породу, поскольку она по удельному весу отличается от угля. Пока, очевидно, этот процесс обходится дороже, чем закупка мазута, но с исчерпанием запасов нефти рано или поздно станет экономически выгодным.

Можно сжигать уголь в своеобразном расплаве из некоторых горных пород, например, с известняком — так получаются экологически чистые (относительно) тепло и электроэнергия.

Но когда не будет уже и мазута, то как получать жидкое топливо?

Разработано довольно много технологий, позволяющих получать заменители бензина и дизельного топлива на базе угля или его продуктов. Особенно заманчиво делать это, не поднимая уголь на поверхность. Не знаю, кому как, а мне неприятно слушать регулярные сообщения о катастрофах на угольных шахтах. И ведь от этого можно избавиться.

Впервые предложения о подземной газификации угля выдвинул, насколько я знаю, Д.И. Менделеев. Уголь — твердое вещество, а добывать без шахт можно лишь жидкости и газы; растворять уголь пытались, но пока еще не научились, а вот превращать в газ умеют.

Есть несколько методов получения горючего газа. Это газогенерация, особенно в варианте подземной газификации. Полное сгорание угля в конечном итоге должно приводить к образованию CO_2 — углекислого газа. Но если сжигать его при недостатке кислорода, то уголь сгорит наполовину, образуя угарный газ (CO). Он горюч и может служить исходным сырьем для органического синтеза. Понятно, что использовать в качестве домашнего топлива угарный газ не стоит — если нынешний природный газ только взрывоопасен и дышать

им нельзя, то угарный газ еще и ядовит. К тому же половина энергии остается внизу — но можно прокачивать через зону горения воду, а полученный водяной пар использовать как теплоноситель. Такая технология может быть применима в Германии и Англии, где уголь добывается в густонаселенных районах — а у нас залежи угля в основном расположены на Севере и в Сибири, и кому там нужен горячий пар — непонятно.

Но есть еще один процесс — при определенных условиях из воды и угля образуется «синтез-газ» — смесь угарного газа и водорода, которая и подается наверх из пласта. Из «синтез-газа» можно синтезировать метан — по сути, обычный природный газ, древесный спирт — метанол и другие виды топлива и химических продуктов. Тем самым Вы приходим к уже знакомой нам по «газовой паузе» задаче.

У всех этих способов есть слабые места. Тут не надо корчить из себя специалиста. Достаточно прочитать сборник по проблемам энергетики. Он состоит из статей, написанных специалистами в области какого-то одного метода, о своих разработках они, естественно, пишут только правду. Но и о других вариантах такие авторы правды не скрывают: «Наш метод, в отличие от такого-то, не имеет таких-то и таких-то недостатков...». Соответственно, разработчики «такого-то и такого-то» метода объясняют его преимущества по сравнению с первым, честно указывая на его изъяны.

Но действительный недостаток у всех неис-

пользуемых сейчас методов только один. Они дороже, чем нынешние методы получения энергии из газа, нефти и угля. Кто хочет платить лишние деньги за тепловую энергию, полученную более экологичным методом, чем нынешний, неэкологичный? В современном-то, капиталистическом обществе? Только тот, кто не дорожит деньгами собственными или акционеров. Поэтому отдельные потребители не могут на него перейти — разорятся.

Как сделать выгодным использование газогенерации, подземной газификации, синтетического бензина и т.д.?

Способов ввести в реальную эксплуатацию эти давно известные методы всего два: нужно или ждать, пока не подорожают нефть и газ — и при естественном дефиците нефти и газа тепло, электричество и автомобильное топливо из них станут дороже, чем из угля и дров.

Или начать осваивать эти технологии всем вместе. Это возможно только в рамках общечеловеческого правительства — сами понимаете, насколько это реально. Нужен налог на нефть и газ, причем такой, чтобы использование методов получения энергии из угля и других «неудобных» источников стало экономически выгодно, то есть, чтобы эта энергия получалась для покупателя дешевле. Но налог этот должен быть общемировым — там, где его не будет, возникнут местные преимущества для инвесторов, и капиталы потянутся туда.

Так что ждем конца нефти.

ВСПОМНИМ БУДЕННОГО

Требуемые изменения технологий ограничатся не только производством топлива. Все изменится. Возьмем сельское хозяйство — не буду обосновывать — но лошадка вернется туда в значительных масштабах. Одной России потребуются десятки миллионов голов. Можно ли их вырастить быстро? Нужна будет возрожденная ветеринарная служба — слава Богу, она хоть как-то продержалась на кошечках—собачках. А знаете, сколько всякого ремесла крутится вокруг сивки-бурки?

И между прочим — если посетите Центральную Европу — обратите внимание, сколько там сейчас на селе лошадей. Там этот процесс идет полным ходом. Это мы привыкли на КАМАЗе за бутылкой в сельпо...

Был у нас такой заслуженный герой Гражданской войны — С.М. Буденный. Он, кстати, автор концепции оперативного использования подвижных войск, немецкие генералы у него учились. Но кроме того он решил одну важную народно-хозяйственную задачу.

На случай войны кони мобилизуются для армии из сельского хозяйства. Проблема в том, что такой конь, который нужен в армии, не нужен колхознику. И Семен Михайлович вывел на собственном конезаводе такую породу, которая и под седло, и в плужную упряжку. Не знаю, сохранилась ли эта порода, не пошла ли на колбасу.

И вы напрасно ухмыляетесь. Кавалерия вовсе себя не исчерпала. Конные корпуса дошли до Берлина, никто от них не отказывался. А в условиях Центральной России — это и сейчас единственный мобильный род войск, не зависящий ни от дорог, ни от погоды, и очень автономный. Сколько унесет на себе солдат? На три дня боев. А конник и миномет увезет, и ПТУРС, и зенитный комплекс, и главное — средства связи. Недаром Гальдер в своих дневниках упоминал кавалерийского генерала Белова чаще, чем Тимошенко и Ворошилова.

И даже сейчас на границе — не везде пройдет УАЗик, даже если есть бензин. А лошадка и собачка — везде. Кто спорит — и танк, и БМП хороши — в определенных условиях. И если есть горючее.

Думаете, войн в будущем не будет? Ну-ну.

Видите, сколько проблем надо решить буквально в ближайшие 30 лет? Причем таких, отвернуться от которых нельзя, иначе они решат нас. А что нам предлагают политики вкупе с высоколобыми научными консультантами? Такой скот разводить, чтобы меньше пукал. А то океан из берегов выйдет.

Часть 4

ГЕОПОЛИТИКА В БЛИЖАЙШИЕ 50 ЛЕТ

Но до момента исчерпания нефти вообще предстоит довольно протяженный период времени, когда она еще будет. Но добываться она станет в основном в одном только регионе Земли — районе Персидского залива.

Итак, более половины мировой нефти принадлежит лишь пяти странам, так называемой «большой пятерке». Точнее, не принадлежит, а находится на их территориях — некоторые из этих стран сейчас не могут, если вдруг захотят, прекратить добычу нефти, поскольку их существование зависит от Запада (Кувейт), другие — не имеют права самостоятельно и бесконтрольно ее продавать (Ирак).

Наиболее прозападными в регионе Персидского залива и Аравийского полуострова считаются страны, входящие в Gulf Cooperation Council (GCC) — Совет сотрудничества стран Залива. Трое из «большой пятерки» — Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЕ в этот совет входят. Но «дружба дружбой, а табачок врозь»: в свое время, в период арабо-из-

раильского конфликта в начале 1970-х, производители нефти добились повышения цен на нее, и высокую цену стараются держать и сейчас.

Шейхи и сами довольно-таки богаты. Уйма европеек — не только из стран СНГ — мечтают хоть ненадолго оказаться в гареме какого-нибудь эмира. Одно время на страницах иллюстрированных журналов мелькали фотографии личных «Боингов» с салонами, отделанными по образцу сказок «Тысячи и одной ночи», с фонтанами и кроватью под соболиным покрывалом. Но поскольку государства этого региона, зачастую, являются, по сути дела, владением одной семьи (или нескольких), то собственное имущество они умеют использовать с толком. Зачастую прибыли от нефти аккумулируются в том или ином «Фонде Будущего», с тем, чтобы и после ее исчерпания можно было жить.

Шейхи многое понимают. Они готовятся к ситуации, когда с «Кадиллака» снова пересядут на верблюда. Уже сейчас некоторые из них зависят от экспорта сырой нефти незначительно — саудовцы лишь на 35 % (против 70 % в 1970-х), Бахрейн и Дубай — на 15 %. Остальное они восполняют туризмом и банковским делом. Правда, эти эмираты не входят в «большую пятерку». Но во всех этих странах есть аналоги «Фонда Будущего», и каждая страна готовится к эпохе существования без нефти.

О ПЕРСПЕКТИВАХ

Куда идет мир? Можно исходить из того, что он меняется без цели, просто под воздействием объективных законов развития. В таком случае, например, развитие западных, так называемых демократических стран происходит вполне стихийно: сменяющие друг друга раз в 4—5 лет правительства не имеют возможности планировать свою деятельность даже на 15—20 лет. Они вынуждены вести все время популярную политику, чтобы нравиться избирателям. Долгосрочные программы сначала требуют затрат, а отдача наступает гораздо позднее — кто же захочет брать на себя труды и затраты, чтобы плодами воспользовался будущий соперник? Тем более, что проведение каких-либо масштабных работ потребует жертв, хотя бы материальных, а оппозиционная пресса постарается опорочить любое начинание. Кстати, интеллектуальный уровень специалистов не всегда соответствует сложности возникших задач, а большинство населения часто настроено против материальных затрат на общественные цели. Поэтому тирану, как ни странно, проще начать и провести, скажем, программу восстановления лесов, требующую на протяжении десятков лет только затрат, с наступлением отдачи только после смены поколений. Созданные после войны лесополосы спасают и сельское хозяйство Украины, и Юга России; к сожалению, из-за дефицита топлива, их буду-

щее под вопросом. Аналогичные по масштабам работы сейчас представить невозможно.

А как обстоят дела в других демократических странах? Ситуация опять-таки парадоксальная. В западных странах демократия долгосрочным программам не мешает; в некоторых других, лишь недавно вставших на этот путь общественного устройства, ничего не получается. То ли к демократии нужно привыкнуть, то ли она не всем подходит — сложно сказать.

Но такому поверхностному взгляду противостоят многочисленные факты. Нет, многое в политике стран Запада свидетельствует о наличии целеполагающей деятельности и направленном поведении, обеспечивающем преемственность политики, невзирая на настроения избирателей. Существуют, например, многолетние программы вооружений, есть и признаки, указывающие на наличие долгосрочных внешнеполитических планов. В период оживления контактов в конце 1980-х наших переговорщиков поражало, что американские генералы смеялись, когда их спрашивали, не изменит ли новая Администрация чего-либо в военных программах, принятых при старой. В английской политике подобная преемственность обеспечивается явно, через институт несменяемых при перевыборах беспартийных заместителей министров, в других странах, несомненно, тоже что-либо подобное существует.

Таким образом, будет правильным считать, что в развитых западных странах работает немало специалистов, умеющих прогнозировать и планировать. При этом сам общественный строй обладает существенной инерцией, и любое правительство — явное, «теневое» или закулисное — не может по своему усмотрению менять темпы и направление общественного развития. По крайней мере, быстро не может.

Второе, что следует принимать во внимание — то, что ни один достаточно успешный субъект, действующий в современном мире, никогда явно не декларирует свои методы и уж тем более цели и приоритеты. Потому что современный мир — конкурентный, как и все прочие. Как отмечал еще Петр I в книге «Юности честное зерцало» — благородному юноше не следует объявлять, к чему он стремится, иначе другой юноша, прослышав о том, захочет добиться того же. Иначе говоря, никто, будучи в здравом уме, не станет рассказывать о своих грибных местах, а успешный бизнесмен не объясняет, как именно добился успеха. Так обстоят дела у нас (поэтому столь комичными выглядят интервью наших богачей, когда их спрашивают об источниках благосостояния), во всем остальном мире — тем более.

Но совершенно аналогичные процессы происходят и в межгосударственных отношениях.

Говоря попросту, богатые нации не заинтересованы раскрывать секреты своего пути к процветанию, скорее наоборот. И нациям бедным не стоит принимать на веру советы и теории, исходящие из процветающего Запада. Им (бедным нациям) придется делать выводы самостоятельно, если они не хотят всегда плестись в хвосте мирового успеха.

Диву даюсь — когда в своей книге «Почему Россия не Америка» я позволил себе посчитать аргентинский эксперимент неудавшимся — сколько же у нас нашлось защитников политики МВФ! На полном серьезе мне говорили, что Аргентина начинает выкарабкиваться. Несмотря на то, что можно ведь было ознакомиться с реальной ситуацией — и по зарубежным источникам, и по исчерпывающим публикациям, например К.А. Хачатурова (не того, кто пишет об уровнях энергопотребления, он — В.Р. Хачатуров) или С.Ю. Глазьева — в «Независимой». Сейчас, после событий 2002 года, слава Богу, защитники западных советов примолкли.

Проблема, впрочем, осталась. Аргентинская элита ничуть не лучше нашей. И ей так неохота думать своей головой! Так хочется, чтобы кто-нибудь объяснил, как стать миллионером! Да, он научит... как в больницу попасть...

Короче говоря — будем считать, что Запад имеет план — но о нем не говорит. Так давайте попробуем представить, что за проблема его беспокоит и как он будет ее решать.

ПРОГНОЗ С БЛИЖНИМ ПРИЦЕЛОМ

Итак, если в развитых странах имеется нечто подобное «мировому правительству», озабоченного не очередными перевыборами, а проблемами западной цивилизации, то оно уже сейчас должно действовать, обеспечивая возможность гарантированного контроля над регионом Персидского залива.

Чего, в сущности, хотели бы нефтеимпортеры добиться от стран Ближнего Востока?

Не военного контроля, как такового, а всего лишь «разумных» цен на нефть вплоть до исчерпания запасов. Так что же под этими «разумными ценами» нужно понимать?

Нефтяной рынок крайне нестабилен. Признаком неблагополучия становятся скачки цен, что, согласно теории управления, служит признаком кризиса. Нефтяной рынок не описывается и не может описываться какой-либо теоретической моделью стихийного процесса, что связано не только с заинтересованностью в нем всех без исключения геополитических игроков, но и с закрытостью информации о нем. Неизвестно даже, является ли он монополистическим или олигополистическим, то есть неизвестно, насколько продавцы на этом рынке в действительности независимы друг от друга.

Более того, известно, что основные продавцы на этом рынке в значительной степени зави-

симы... от покупателей — не совсем рыночная ситуация.

Чего хотел бы Запад — основной потребитель нефти? Такой цены на нефть, чтобы выручка от нее обеспечивала процесс добычи нефти, а также разведку и обустройство новых месторождений — и не более того! Чтобы производители нефти не имели сверхприбылей, а еще лучше — прибылей.

Естественно, странам ОПЕК и другим нефтеэкспортерам нужна несколько иная ситуация. Они, конечно, не хотят гибели Запада — кому они тогда станут сбывать свою нефть? Но на свой кусок хлеба каждому хочется иметь и кусок масла. И — люди дальновидные — они понимают, что когда склад опустеет, им, закрыв ворота на замок, некуда будет пойти. Кому будут нужны арабские шейхи, когда у них не станет нефти?

ЦЕЛИ ЗАПАДА

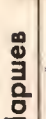
Тем не менее, очевидно, что минимальная цена не может длительное время быть ниже уровня себестоимости. Как оценивать себестоимость нефти для производителя? Интересно, что при затратах на добычу, не превышающих в особо благоприятных условиях (Кувейт, Абу-Даби) 3—4 доллара за баррель, их нельзя считать себестоимостью. И дело не только в том, что необходимо оценивать транспорти-

ровку до потребителя (при одинаковой себестоимости добычи конкретный покупатель предпочтет, естественно, более доступную). Не это главное. Ей-богу, корпорация «Атон» мне ни рубля не платила, но к выступлениям ее аналитиков я с некоторых пор отношусь с интересом. Не знаю наверняка, насколько успешны их прогнозы и операции, но они умеют находить редкие данные. Так, в выступлении С. Дашевского попалась такая информация: «С учетом затрат на восстановление ресурсной базы себестоимость, для большинства компаний-нефтедобытчиков, оценивается в 15—16 долларов за баррель» (Goldman & Sachs, 1999).

Именно эта величина на мировом рынке нефти на сегодняшний день считается критической, поскольку падение цен до этого уровня ведет к недостатку средств на восполнение доказанных запасов, хотя текущая добыча и не страдает.

Процесс возобновления ресурсной базы обходится (и обязательно будет обходиться) с каждым годом все дороже, что повышает себестоимость нефти. Таким образом, с течением времени минимальная цена нефти будет только увеличиваться. Этот фактор необходимо учитывать независимо от инфляционного процесса, которому подвержена нынешняя мировая валюта — доллар США.

А от чего зависит максимальная цена нефти? В отсутствие политической составляю-

щей — диктата шейхов — только от соответствия спроса и предложения. Достаточно небольшого превышения первого над вторым, чтобы начавшийся рост цен стал значительным. В 1990-е годы рост спроса к 2000 году прогнозировался значительным; ожидали дефицита нефти и, соответственно, увеличения цен. Так и произошло.

Страны-потребители нефтяного рынка не имеют возможности увеличить предложение, они могут только уменьшить спрос. При этом после событий 11 сентября 2001 года наблюдалось интересное явление: сокращение производства и потребления если и имело место, то исчислялось считанными процентами, а нефтяные цены упали на десятки процентов, приблизившись к нижнему ценовому уровню. Фактически при том же жизненном уровне, определяемом уровнем потребления ресурсов, страны «золотого миллиарда» стали значительно меньше платить за ресурсы.

Ситуация поучительна. Фактически примерно такую ситуацию Западу желательно воспроизводить и в будущем. Жертвуя «деловой активностью» — величиной виртуальной — можно сохранять высокий уровень потребления нефти. Это именно то, что нужно. Такая ситуация достижима благодаря некоторым свойствам нефти как товара с неэластичным спросом. Совсем небольшие колебания спроса приводят к значительному изменению цены, и наоборот: можно снижать цену — а спрос почти не увеличивается.

Поэтому если удастся постоянно держать спрос под контролем, не давать ему превышать предложение нефти — цены будут низкими.

И Запад (в первую очередь — США) постоянно мучает вопрос: как этого добиться? Как ограничить спрос на нефть со стороны незападных потребителей? Как увеличить предложение нефти?

Таким образом, на пути к ограничению нефтяных цен (именно это служит главной целью основных потребителей) есть два препятствия — политическая воля нефтедобытчиков и рост спроса со стороны экономик, находящихся за пределами «золотого миллиарда».

До последнего момента первое препятствие базировалось на неуязвимости даже явных врагов Америки и относительной независимости в серьезных вопросах ее друзей. Вопреки ясно выраженному мнению США Пакистан обзавелся «исламской» атомной бомбой, Ирак вообще находился в конфронтации с Америкой, а Саудовская Аравия занимала антиизраильскую позицию, и все это долго сходило им с рук относительно безнаказанно.

Очевидно, Запад постарается в ближайшие 10 лет ситуацию изменить. Конечно, главной целью будут низкие нефтяные цены, хотя видимым проявлением может быть и политическое подчинение. Пока из пяти стран «большой нефтяной пятерки» не контролируются Западом только Иран и Ирак, по крайней мере, так ситуация выглядит внешне.

ВОЙНА ЗА ДВЕРЬЮ

Теперь о том, что послужило толчком к написанию данной книги. Это — неприятное предчувствие надвигающейся войны, которая, может, и не затронет нас напрямую, но коснется так или иначе. И вряд ли без нее обойдется...

Причины войн кажутся слишком разнообразными, чтобы их можно было предсказать. «Футбольная» война между Сальвадором и Гондурасом произошла действительно из-за футбола. После матча сальвадорские болельщики устроили погромы лавок выходцев из Гондураса (или наоборот?), что и вызвало военные действия на границе, к счастью, не очень кровопролитные. В 1954 году слишком успешная охота даяков Западного Калимантана на бородатых свиней вызвала возмущение местных мусульман, живших ниже по течению рек. Они объявили даякам войну, поскольку трупы кабанов осквернили воду.

Но скорее всего эти экзотические поводы наложились на какие-то более серьезные конфликты, которые тлели подспудно, дожидаясь только подходящего момента — повода.

Давно известны высказывания типа: «Никогда так много не лгут, как после охоты и перед войной»; «Нет более непроницаемой тайны, чем та, что окутывает рождение войны». Поэтому упомянутая в предисловии книга — на мой взгляд, редчайший источник, проливающий свет на эти тайны. Это книга «Его глазами» («As

he saw it»), вышедшая в свет на английском языке в 1946 году, спустя всего год после смерти Ф.Д. Рузвельта, и изданная на русском языке уже в 1947 году.

Автор, сын американского президента Эллиот Рузвельт, служил в авиации, занимался фоторазведкой на европейском и средиземноморском театрах военных действий. Он несколько раз выполнял обязанности адъютанта президента во время международных встреч и конференций.

Эллиот Рузвельт — не политик и лицо, не слишком заинтересованное в сокрытии реальных слов и событий. Ему, в отличие от высокопоставленных чиновников, не нужно выпячивать свои заслуги на переговорах и оправдывать промахи. Он не пытается произвести впечатление сверхъестественными способностями к анализу и часто передает то, что слышал, вообще без комментариев. Поэтому ему хочется верить. Неким аналогом этой книги служат воспоминания Серго Берия о его работе во время Тегеранской конференции — они тоже содержат уникальную информацию. Но Серго Лаврентьевич, к сожалению, склонен к осмыслению того, что видел и слышал, и, что еще хуже, иногда не разделяет собственных впечатлений и мнений других людей, а то и не относящихся к делу размышлений, почерпнутых из прессы 1990-х годов. Потому его воспоминания, опубликованные к тому же спустя 40 лет после событий, несколько проигрывают в убедительности.

Эллиот Рузвельт сопровождал отца на «саммитах» в Тегеране, Каире и первом из них, произошедшем на кораблях английского и американского флотов «Принц Уэльский» и «Августа» (сейчас он чаще называется в литературе «Огаста») в бухте Арджентия, на острове Ньюфаундленд.

ВСТРЕЧА НА НОВООТКРЫТОЙ ЗЕМЛЕ

Эта историческая встреча эта произошла в августе 1941 года.

Представьте себе это время. Гитлер захватил почти всю Европу и часть Северной Африки. Никто еще на старом континенте не смог ему противостоять, он не потерпел ни одного поражения, и, что самое ужасное: много людей в покоренных странах начали склоняться на сторону «нового порядка». Довоенные экономические успехи гитлеровской Германии, на фоне мировых кризисов, поражали. Нацистские идеи нашли отклик и в Норвегии, Дании, Голландии, и некоторых других. На стороне Гитлера начали выступать формирования из Литвы, Латвии, Эстонии, Хорватии, Словакии. Против СССР воевали армии и дивизии румын, итальянцев, венгров, испанцев, французов, датчан и т.д. Почему-то (никто не сказал еще, почему) против Гитлера европейцы боролись не так охотно, как на стороне Гитлера. При со-

противлении германской оккупации погибло меньше голландцев, чем затем в рядах СС в боях против нас. Да что там идеи, даже эстетика Третьего рейха была привлекательной: на фюзеляжах финских самолетов красовалась голубая свастика...

По различным причинам к Германии сочувственно относились многие народы и страны. Особенно это касалось колониальных и подмандатных владений Британии, от Бирмы до Палестины, или бывших английских колоний, таких как Ирландия; но и независимые Швеция и Португалия не были врагами Германии.

Противостоял этому почти всеевропейскому сообществу только СССР, да еще Англия и малочисленные югославские партизаны. Советская армия терпела тяжелейшие поражения, потеряв бóльшую часть личного состава, военной техники и материалов, а экономическая помощь нам шла тогда только от Монголии. После начала войны мы, отступив из приграничных республик, с большим трудом создали почти сплошной фронт примерно на границе России и месяц держали его в ходе оборонительного Смоленского сражения. Но в августе немцы прорвали и уничтожили Западный фронт, окружив несколько наших армий. Тогда все жили еще представлениями Первой мировой войны, и прорыв фронта казался окончательной катастрофой — ведь действительно, между Москвой и немцами советских

войск больше не было. Эти события не были секретом, Черчилль потому и не верил, что Советский Союз сможет продолжать сопротивление.

Англии стало в 1941 году немного легче, поскольку Гитлер отвлекся на СССР, но еще в 1940-м ситуация была для англичан близкой к полному поражению и могла снова стать опасной, как только Гитлер разделался бы с Советами. Ресурсов Англии было недостаточно для наступательной войны, и, несмотря на защиту Ла-Манша и мощного флота, империя была под страшной угрозой — подойди немцы к границам Индии, английской власти там пришел бы конец.

Итак, в августе 1941-го встретились английский премьер-министр — военный вождь англичан, малопригодный в мирной жизни и призванный ими именно на период войны, человек, который ни при каких условиях не отступал и не сдавался, верный сын своей империи и надежный слуга правящего класса. С другой стороны на встречу прибыл хитрый и умный политик, глава первой промышленной державы мира, лидер, одним своим авторитетом уже однажды спасший Америку, а, следовательно, и западный мир от тяжелейшего экономического кризиса. Интересующихся этим необыкновенным человеком — а в Советском Союзе только его именем, именем единственного из американских президентов, была названа городская улица (в Ялте) — отсылаю к монографии А.И. Уткина о Рузвельте.

Что могут обсуждать два исторических деятеля? Англия ведет войну, Америка только готовится. Она уже нарушает нейтралитет, поставляя военные материалы в Англию, собирается помогать и России, хотя и не находится в состоянии войны с Германией. Америка готовится воевать и с Японией, выдвигая хотя и справедливые требования — о прекращении агрессии в Китае — но, несомненно, ведущие к войне. Поэтому вполне логично предположить, что главный вопрос встречи — координация военных усилий Англии и США.

Действительно, Черчилль уговаривает Рузвельта немедленно объявить Германии войну (это произошло лишь спустя четыре месяца и по инициативе Германии) и обсуждает вопросы военных поставок. Вполне естественно, что он просит давать побольше Англии и поменьше Советскому Союзу, мотивируя это скорым поражением русских — мол, все равно все достанется немцам. Американцы сомневаются, но не из политических, а из прагматических соображений: русские убивают много нацистов, а англичане только готовятся; что им ни дай — будет несколько лет без пользы находиться в резерве. Что же касается поражения русских — то Гарри Гопкинс, представитель Рузвельта, побывал в СССР и у него сложилось другое мнение, чем у Черчилля.

То, что такие темы обсуждались — очевидно. А вот что не очевидно и чего трудно было ожидать: не военные вопросы стали главной проб-

лемой переговоров. Не удивительно ли, что камнем преткновения послужили вопросы международной торговли?

Вот фраза Рузвельта, которая поразила меня больше всего и, собственно, привлекла внимание к перелистываемой у лотка букиниста книге: «Станет ли кто-нибудь отрицать, что одной из главных причин возникновения войны было стремление Германии захватить господствующее положение в торговле Центральной Европы?». Вопрос этот был задан на пленарном заседании в аудитории из высших чиновников двух держав. Эллиот не пишет об их реакции, но, похоже, никто не возразил, да и вопрос был задан не для того, чтобы вызвать несогласие.

Может ли эта фраза не удивить читателя из России?

Ребенком я часто посещал с отцом общественные бани — был тогда такой обычай. Многие мужчины носили на своих телах увечья и рубцы — ужасные следы войны, и это не выглядело чем-либо необычным. И моя семья, как и любая в нашей стране, понесла тогда тяжелые потери, почти всех мужчин старшего поколения я знал только по фотокарточкам из семейного альбома. До сих пор, бродя с ружьем по лесам, натыкаешься на заплывшие окопы и блиндажи, находишь пробитые каски и прочее железо. Кажется, что вся земля перекопана и полита кровью, да так оно и есть!

Мы знали, зачем приходил Гитлер — он хо-

тел поработить наш народ, забрать себе наши природные богатства, лишить нас языка и культуры. Мы дрались с ним и победили, потому что научились лучше воевать, чем немцы, и делать более эффективное оружие, а к тому же оказались упорнее, терпеливее и выносливее.

И вот оказывается, что наша война — Великая война — была лишь эпизодом мировой экономической борьбы. Борьбы за какую-то там зону торговли!

Тем не менее, это верно. Мы постоянно забываем, что не были главными участниками войны, хотя и обеспечили победу одной из сторон. И даже не участвовали в ней с самого начала. До того как нас в войну втянули, она шла уже почти два года, и не между коммунистами и нацистами, а — первоначально — между капиталистами. Германия с одной стороны, Англия и Франция с другой — были капиталистическими державами, и война в 1939 году началась между ними, формально — из-за нападения Германии на еще одну капиталистическую страну — Польшу. А раз так — то капиталистам, несомненно, лучше знать, из-за чего они воевали.

Очевидно же, что Гитлер был и оставался представителем западного мира — по культуре и мировоззрению. А кем еще? Это чистейший продукт западной цивилизации, как бы она от него ни открещивалась. Гитлер гордился своей победой над коммунизмом в Германии, и разве

Черчилль за это его порицал? Кому, как не Черчиллю, принадлежит крылатая фраза о Советской России, сказанная в 1917 году: «Младенца нужно задушить в колыбели»?

Нет, и Германия, и Англия входили в Западный мир; Вторая мировая была войной внутри Запада. Это трудно доказать, но не сомневаюсь и в следующем тезисе: схлестнулись не столько жизненные интересы народов, сколько правящих классов, банкиров и промышленников Англии и Германии, а выиграли в конце концов капиталисты США — поделившись, правда, потом со своим народом, признаем это в интересах истины.

Так что причины Второй мировой войны лежат во взаимоотношениях внутри западного мира, это не был первоначально «крестовый поход на Восток».

Кстати, если поднять довоенные исторические материалы, то многие действующие лица того времени открыто говорили о конфликте капиталистических интересов, как главной причине Второй мировой войны (коммунистические деятели), либо упоминали об этом в числе своих движущих мотивов (Гитлер). Оказывается, в своем кругу признавали это и остальные участники.

Почему, кстати, президент Рузвельт прибег к довольно редкому в западной практике приему — высказыванию в прямой форме, по сути дела, без обычной словесной маскировки? Потому что он оказался в ситуации редчайшей, о кото-

рой мечтает каждый политик — в этот момент его страна могла стать не только первой промышленной державой мира, но и величайшей по всем параметрам, и по торговле тоже. Последующие события показали, что Рузвельт своим шансом воспользовался. Вынудив Черчилля «сдать» имперские торговые соглашения с английскими колониями, Рузвельт тем самым заранее заставил поделиться не только врагов, которых еще предстояло разбить, но и самого близкого и богатого союзника.

Известны высокие оценки личности Сталина со стороны действующих лиц той всемирной трагедии. Помните черчиллевское: «Приняв страну с сохой, оставил с водородной бомбой...» Менее известны, так сказать, встречные отзывы. Характеризуя Черчилля как человека, который не побрезгует залезть к вам в карман и украсть копейку, о Рузвельте Сталин отозвался иначе: «А этот — другое дело, работает по-крупному...»

Дело в том, что экономика того времени отличалась от нынешней. Свободной торговли всех со всеми не существовало; не было единого мирового рынка промышленных и сельскохозяйственных товаров. Были двусторонние договора между странами о порядке торговли между ними, и третьему участнику доступа к этой торговле могло и не быть, разве только по более высоким ценам. В особенно выигрышной ситуации находилась Англия. Она торговала со своими доминионами по преференциальным

соглашениям, неравноправным по отношению к ним. Другие страны Англии завидовали. Германия дважды пыталась вклиниться в эту систему — создать собственную колониальную империю или хотя бы зону торговли, где благодаря своему технологическому превосходству могла бы не бояться конкурентов. Свободной мировой торговли немцы то ли не хотели, то ли не надеялись на нее.

Америка же чувствовала в себе силы пойти по иному пути — она готова была конкурировать на любых рынках и рассчитывала на победу в этой борьбе. Когда-то в аналогичном положении была Англия, но с индустриализацией Германии и выходом на мировую арену Америки ей пришлось от агрессии фритредерства уйти в глухую оборону протекционизма. Вот что говорил на эту тему Рузвельт (уже не при англичанах), его слова Эллиот приводит в начале повествования о встрече в бухте Арджентия: «Есть еще одно обстоятельство, — сказал отец. — На карту поставлена судьба Британской империи. Английские и германские банкиры уже давно прибрали к рукам почти всю мировую торговлю — правда, не все отдают себе в этом отчет. Даже поражение Германии в прошлой войне не изменило дела. Так вот, это не слишком выгодно для американской торговли, не правда ли? — Он приподнял брови и взглянул на меня. — Если в прошлом немцы и англичане стремились не допускать нас к участию в мировой торговле,

не давали развиваться нашему торговому судоходству, вытесняли нас с тех или других рынков, то теперь, когда Англия и Германия воюют друг с другом, что мы должны делать?».

Рузвельт знал, что и как нужно делать. На переговорах он поднял вопрос «свободы торговли»:

«Никаких искусственных барьеров, — продолжал отец, — как можно меньше экономических соглашений, предоставляющих одним государствам преимущества перед другими. Возможности для расширения торговли. Открытие рынков для здоровой конкуренции. — Он с невинным видом обвел глазами комнату.

Черчилль заворочался в кресле.

— Торговые соглашения Британской империи...— начал он внушительно.

Отец прервал его:

— Да. Эти имперские торговые соглашения, — о них-то и идет речь. Именно из-за них народы Индии и Африки, всего колониального Ближнего и Дальнего Востока так отстали в своем развитии.

Шея Черчилля побагровела, и он подался вперед:

— Господин президент, Англия ни на минуту не намерена отказываться от своего преимущественного положения в Британских доминионах. Торговля, которая принесла Англии величие, будет продолжаться на условиях, устанавливаемых английскими министрами.

— Понимаете, Уинстон, — медленно сказал отец. — Вот где-то по этой линии у нас с вами могут возникнуть некоторые разногласия. Я твердо убежден в том, что мы не можем добиться прочного мира, если он не повлечет за собой развития отсталых стран, отсталых народов. Но как достигнуть этого? Ясно, что этого нельзя достичь методами восемнадцатого века. Так вот... Кто говорит о методах восемнадцатого века? Всякий ваш министр, рекомендующий политику, при которой из колониальной страны изымается огромное количество сырья без всякой компенсации для народа данной страны. Методы двадцатого века означают развитие промышленности в колониях и рост благосостояния народа путем повышения его жизненного уровня, путем его просвещения, путем его оздоровления, путем обеспечения ему компенсации за его сырьевые ресурсы.

...У премьер-министра был такой вид, как будто его сейчас хватит удар.

— Вы упомянули Индию, — прорычал он.

— Да. Я считаю, что мы не можем вести войну против фашистского рабства, не стремясь в то же время освободить народы всего мира от отсталой колониальной политики».

Извините за столь обширную цитату, но источник не из доступных, и информация просто уникальна. Оцените мастерство Рузвельта: новое экономическое устройство мира сулит самые спелые плоды американцам; но

оно, естественно, будет вводиться исключительно в интересах угнетенных наций. При этом все понимали, что цена вопроса — более равноправное участие Америки в мировой торговле, то есть — участие в том, чем занималась до того одна Англия. А экономически Америка сильней, и в «честной конкуренции» у Англии нет никаких шансов удержать свои позиции. И риторика по поводу «всех» была понятна всем: ни Германия, ни Япония не планировались на роль полноценных конкурентов.

Рузвельт, по сути, потребовал у Черчилля миром то же, что пытался получить войной Гитлер. По уровню конфликтности, право же, Англии впору было воевать не с Германией, а с Америкой.

А ведь исторически совсем недавно было все наоборот. В XIX веке в Англии была самая развитая в мире, а значит, и наиболее экономически эффективная промышленность, в том числе текстильная. И Англия выступала сторонницей свободной мировой торговли — фритредерства. И фермеры Юга США без проблем продавали свой хлопок в Англию.

Но промышленники Севера сами хотели заняться столь выгодным бизнесом. Они, естественно, не могли так же хорошо платить, как англичане. Ведь когда начинаешь новое дело, затраты велики, а выручки еще нет. Но зато Юг входил в Соединенные Штаты, и его торговлю с Англией можно было осложнить и сделать до-

роже. Такая политика называется «протекционизмом».

Результатом конфликта интересов Севера и Юга стала четырехлетняя война со всеми ее прелестями и красотами: траншеями, наполненными убитыми, тактикой «выжженной земли», голодом гражданского населения, разминированием дорог колоннами пленных. Но более важным элементом этой войны была морская блокада, не позволявшая южанам продать в Англию ни тюка хлопка. Сейчас многие почему-то считают, что война велась за права негров. Но негры Юга были освобождены только в середине войны (1863 год), а Севера — кое-где, в некоторых штатах, даже позднее, чем на Юге, вплоть до 1865 года. Еще в 1864 году беглых негров возвращали их владельцам!

Из-за чего же воевали два года до президентского указа об освобождении негров Юга?

По-моему, не менее важным свидетельством победы, чем капитуляция генерала Ли, стало изготовление первого фабричного тканого изделия на первой ткацкой фабрике Севера в Массачусетсе. Это был американский флаг из хлопка и шерсти — его недавно продали на аукционе Сотбис за солидные деньги — около 70 тысяч долларов. Непростое, оказывается, дело — собственная ткацкая промышленность, несколько лет на нее ушло у северян. А Юг, затовариваясь хлопком, так до конца войны и не создал ткацкой промыш-

ленности, и солдаты-южане ходили в обносках и рыжих штанах из домотканой материи — будете еще раз смотреть «Унесенные ветром» — обратите на это внимание, там детали соблюдены точно.

Но уже к середине XX века все поменялось: развитая Америка ведет фритредерскую политику, а отстающая Англия, после двухсот лет фритредерства, прибегла к протекционизму. Это естественно, ведь в экономике протекционизм — оружие оборонительное, единственный залог развития слабых. Именно поэтому и Германия в конце XIX века защищалась от Англии протекционистскими приемами, а с Россией старалась строить отношения на фритредерских основах.

К концу XIX века американцы не уступали англичанам не только в экономике, но и в разработке идеологических прикрытий своим действиям. Привлечение в качестве такового «вопроса о рабстве» — блестящий пример. Как могла Англия в подобных условиях вмешаться, выступить на стороне Юга, чего она желала всеми фибрами своей экономической души? Ведь это же означало — на стороне рабства! Мировое общественное мнение — Франция, Германия, Россия — не позволило.

Вот и посмотрите с этой точки зрения на аргументацию в пользу «свободной торговли». Такая фраза Рузвельта (также произнесенная во время переговоров) может рассматриваться как квинтэссенция позиции фритредерст-

ва, достойная стать лозунгом Всемирной Торговой Организации: «Равенство народов предусматривает самую широкую свободу торговой конкуренции». Как капиталисту с этим спорить...

На самом-то деле равенство народов предусматривает свободу выбора ими торговой политики — кому-то выгодно низкое таможенное налогообложение, кто-то не может обойтись без высоких пошлин. Не все ведь способны конкурировать на равных. Но осознать это трудно, не все понимают, что неспроста боксеры и борцы выступают в разных весовых категориях, у «мухача» нет шансов во встрече с тяжеловесом.

Для Черчилля «свобода торговой конкуренции» означала конец империи, при котором он не хотел председательствовать. Но он знал также, что выбора у него нет, без Америки не будет военной победы, и человек, готовый сражаться «и на полях, и в холмах», живое воплощение «английского бульдога» — сдался.

Так на свет появилась «Атлантическая хартия» — документ, предопределивший послевоенное устройство мира, то, которое мы видим сейчас. Еще раз удивимся — Рузвельт думал об этом в августе 1941 года, еще до нападения японцев на Перл-Харбор, до атомной бомбы и Интернета. А удивившись, осознаем: это норма. Вступая по своей воле в войну, нужно сначала решить, что ты хочешь получить в результате.

«Атлантическая хартия» — это совместная декларация США и Великобритании, подписанная на борту крейсера «Августа» в 1941 году (см. Приложение 1). Она формально определяла цели войны для Англии и США, а также желательные основы послевоенного миропорядка, политические и экономические. Определяла во многом точно. Для нашего повествования особый интерес представляет статья 4 «Хартии», выглядящая так:

«4. ...они [США и Великобритания], соблюдая должным образом свои существующие обязательства, будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны — великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран».

Описывая позднее, в 1946 году, ход выполнения «Хартии», Эллиот Рузвельт неожиданно замечает: «Минуем четвертый пункт — тайны его слишком глубоки». Не знаю, что он тогда хотел сказать, возможно, подтекстом статьи стал всего лишь демонтаж системы имперского протекционизма Великобритании. Но, возможно, это торжественная клятва о постоянном контроле Запада над источниками сырья. Не действует ли эта «Хартия» до сих пор в качестве основы поведения развитых стран? Очень на то похоже. Но что в таком случае может означать «...свободный доступ всех стран к мировым сырьевым

источникам»? Что это за «мировые источники»? Каждый источник принадлежит конкретной стране вроде бы — или я не прав?

ВСЕ ИМЕЕТ ПРИЧИНУ

Вам, уважаемый читатель, может показаться, что я сгущаю краски и подхожу к проблеме односторонне, или — в крайнем случае — акцентирую внимание на частном случае, эпизоде, относящемся к определенному историческому периоду. Думаете, не перегибаю ли палку, утверждая, что мировые войны велись за контроль над мировой торговлей?

Отчасти это так. Перегибаю. Но точнее — стараюсь выделить главное звено, за которое вытягивается цепь. Хотя сделать это непросто, слишком много отвлекающих факторов. После Второй мировой войны американцы вели немало войн, но и корейская, и вьетнамская, произошедшие позднее, не несли явной экономической подоплеки, и война в Югославии также внешне имела вид межплеменных распрей, укрощенных вмешательством цивилизации. Там экономика присутствовала, но не в глобальных масштабах. Т. Замятина писала в «Известиях», что несомненным результатом войны против Югославии будет смена эмблемы «Югопетро» на бензозаправках на эмблемы западных нефтяных компаний; а один из участников событий утверждал, что острота событий вокруг Вукова-

ра объяснялась тем, что в перспективе там пройдет участок стратегического канала Дунай-Адриатика.

Правда ли это, не знаю, но словенскую брошюру о проекте такого канала впоследствии я нашел. Совпадение или нет, но сейчас потихоньку, без шума происходит реконструкция системы каналов, в перспективе объединяющих Западную и Центральную Европу (это необходимо, ведь без нефти роль водного транспорта возрастет). Наконец-то немцами открыт канал, соединяющий речные системы Дуная и Рейна, через Майн — кто только его не пытался построить — и Домициан, и Карл Великий. Тысячи лет прошло, а собрались с духом и с силами только сейчас. Естественно, ответвление строящейся системы в Адриатику, по пути, где когда-то волочил свой «Арго» Ясон со товарищи, станет очень полезным и логичным и принесет пользу всем, кто этим каналом будет владеть.

Но все это выгоды частные и в мировом масштабе мелкие, в целом в войнах Запада 1940—1990-х годов явного экономического мотива не просматривалось. Кроме одного, общего — уничтожение коммунистической системы в перспективе возвращало в лоно мирового рынка солидную долю экономики Земли — как с вожделением сказал какой-то американец: «Представьте себе, что каждый китаец покупает зубную щетку моей фирмы!».

Думаю, что период первой половины XX века был уникален по обнаженности мотивов. В конце 1930-х никто ничего не стеснялся — поверженную Чехословакию рвал на части не только тигр, но и шакалы. А вот после войны все действующие лица старались всячески облагородить свои действия, даже когда борьба шла конкретно и определенно за землю, жизненное пространство, «лебенсраум» для своего народа, как в Израиле, Карабахе или Косово. Войн по причинам торговой политики мы, к счастью, своими глазами не видели.

Хотя почему нет? Видели же! Только что вышли «Эпизод 1» и «Эпизод 2» «Звездных войн». Если подзабыли, то пересмотрите еще раз — для интеллекта необременительно — и обратите внимание на причину разворачивающегося конфликта. Это торговый договор между некоей планетой и «Торговой федерацией»!

Лишний пример того, что вылезти из собственной кожи могут только гады, а человек ограничен в своей фантазии сюжетами из реального мира, в его воле лишь разглядеть уже существующие тенденции и продолжить их в ином мире. И, кстати, данный сценарий показывает, как и о чем мыслят нормальные американские сценаристы, что, с их точки зрения, может быть очевидной причиной военного конфликта, и на какой уровень восприятия американского зрителя они рассчитывают.

Но не думайте, что XX век был уникальным.

Торговые и экономические интересы всегда числились среди первых причин войн.

Если Первая и Вторая мировые войны стали катастрофами XX века, то для века XIX аналогами были Наполеоновские. Какова была их причина?

Думаю, вы уже не удивитесь:

«В 1811 году французский император Наполеон I, не будучи в состоянии справиться со своим главным врагом, Англией, и после того, как континентальная блокада, имевшая целью сорвать торговлю Англии, оказалась недостаточно эффективной, решил начать войну против России... император надеялся, заключив мир с царем, создать благоприятные условия для продолжения континентальной блокады».

Гейнц Гудериан «Опыт войны с Россией»

Это пишет почти наш современник. Он — профессиональный военный, и его можно понять в том смысле, что торговая блокада была не целью, а средством для победы в войне. Но почти то же и более определенно говорит современница и личный враг Наполеона — Анна Луиза Жермена де Сталь, популярная в то время писательница. В путевых записках о России в 1812 году она отмечает, что причиной войны было стремление Наполеона... монополизировать торговлю английскими товарами на европейском континенте. Умная была женщина, хотя ее романтические героини и проповедовали свободу личности. Она даже отме-

тила, что биологическая продуктивность лесов России низка по сравнению с Западной Европой — звери и птицы редко встречались ей по дороге, хотя вокруг были дикие места. Прочитать ее записки можно в замечательном ленинградском издании «Иностранцы о России 1812 года».

Вот что было общего у Гитлера с Наполеоном, а не календарные совпадения дат в их деятельности.

Спросите, каким краем там оказалась Россия? Ну, это несложно. Возьмите первую главу «Евгения Онегина» и прочтите место, где говорится о кабинете Евгения. Помните, что-то там «и по Балтическим волнам за лес и сало возит к нам».

Продукция российских помещиков реализовывалась главным образом в Англии. Англия — морская держава, и пенька для канатов была первым товаром российского экспорта. Сбывать ее во Францию в аналогичных масштабах возможно было только при условии, что она стала океанской державой. Но главное — только у Англии было чем платить русским помещикам, только она была развитой промышленной страной. Союз с Англией, а не Францией, был нужен дворянам, а те, кто не понимал этого, жестоко поплатились. Я имею в виду убийство 11 марта 1801 года императора Павла I. Впрочем, дадим слово почти современнику тех событий Фон-Визину (не автору «Недоросля» и «Бригадира», а декабристу):

«Павел, сперва враг французской революции... становится восторженным почитателем Наполеона Бонапарта и угрожает войной Англии. Разрыв с нею наносил неизъясненный вред нашей заграничной торговле. Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными, и колониальными за сырыя произведения нашей почвы... Дворянство было обеспечено в верном получении доходов со своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и пр. Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу... Мысль извести Павла каким бы то ни было способом сделалась почти всеобщей».

О том же говорит и один из главарей заговора, В.В. Зубов. В своей речи на знаменитом «ужине» перед убийством он прямо указывает па «безрассудность разрыва с Англией, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ея экономическое благосостояние».

Английский посол, естественно, был первым, кого заговорщики известили об успехе.

Не нужно, конечно, преувеличивать заботу помещиков-дворян о России. О себе они беспокоились в первую очередь, и не факт, что стране их действия принесли бы пользу, хотя и это не исключено. Во всяком случае, в других классах населения отношение к Павлу было хорошим. Еще дореволюционные историки отмечали, что заговорщики-офицеры просто вы-

нуждены были убить свергнутого императора, не оставлять его в живых, потому что иначе они были бы вскоре перебиты гвардейскими солдатами.

Наследник Павла, Александр Павлович, честно исполнил дворянский наказ, ясно выраженный в убийстве дворянами его отца (кстати, и его номинального деда Петра III также убили заговорщики-дворяне, и также безнаказанно — вот положение было в русском самодержавии!). Он вел, в принципе, проанглийскую политику, воевал с Наполеоном в Центральной Европе, но не устоял. Силой принужденный к участию в континентальной блокаде, тяготился ею; будучи хорошим политиком, не порвал Тильзитский мир, но, видимо, нарушал его в самом главном пункте, что и вызвало в 1812 году «нашествие двунадесять языков», то есть двадцати народов, среди которых были такие экзоты, как голландцы, хорваты и испанцы. Последствия известны.

Хотя политически Александр был достаточно самостоятелен (он сохранил Францию как крупную страну после войны вопреки другим державам-победительницам), в области экономической политики он безоговорочно подчинился идеологии Англии. После вынужденного (и часто полезного) протекционизма его повело в другую сторону. Безрассудное снижение таможенного тарифа в 1816 году вызвало внутрироссийский экономический кризис, и спустя три года пришлось снова возвращаться

к политике протекционизма. Но это уже совсем другая история.

Человек мыслит аналогиями, и я не считаю себя исключением. Что может послужить причиной действительно большой войны? Получается — только конфликт интересов внутри тесного круга развитых стран — там есть соперники сравнимого калибра. Но существуют ли там торговые противоречия? Тех, что были раньше — нет. Условия мировой торговли промышленными изделиями для всех равны (официально); фритредерская доктрина на данном этапе исторического развития победила. Никаких препятствий, никаких квот и запретительных тарифов на промышленную продукцию нет. Война бывает, когда кто-либо монополизирует за собой какой-либо сектор рынка — одни рынок закрывают, другие хотели бы его открыть, экономического разрешения ситуации не находится, потому и начинается война. Сейчас в торговле промышленной продукцией такого не просматривается, все — члены ВТО, правила одни для всех (я не беру в расчет некоторые «шалости» США; в небольших масштабах им можно; а кто этим недоволен, на тех американцы внимания не обращают). Правда, мировая торговля, в значительной степени, находится под контролем американцев — но и немцы торгуют, и японцы. И англичане, хотя и уступили свою империю американцам, кое-что сохранили — старый конь борозды не

портит, хоть глубоко и не пашет. Англичане до сих пор — вторая после американцев торговая нация.

НЕРЫНОЧНЫЙ РЫНОК

Но есть один рынок, до сих пор не выглядящий свободным, «истинно рыночным». Он не подчиняется некоторым законам рыночной экономики, писаным и неписаным. Например, все сырьевые товары в последние десятилетия в реальном исчислении подешевели... кроме нефти. Этот товар является, несомненно, глобальным — более 70 % его пересекает национальные границы, а газ и уголь такими товарами не считаются — лишь 20 % первого и 10 % второго.

Нет также другого товара, цены на который подвергались бы столь резким и значительным изменениям. И при этом потребление не падает, то есть даже рост цен в несколько раз не запретителен!

Напомню историю резкого роста цен на нефть в новейшее время. Считается, что это было результатом неэкономического регулирования. В 1973 году произошел международный конфликт — арабские страны попытались вернуть территории, захваченные Израилем в ходе «шестидневной войны» несколькими годами ранее. Попытка не удалась, в целом в результате войны стороны остались «при своих». Одно-

временно, чтобы лишить Израиль западной поддержки, арабские страны применили «нефтяное оружие», ограничив поставки нефти. Это стало первым фактором подорожания. Именно к тому времени относится начало резкого роста цен на нефть.

На волне нефтяного кризиса по миру прошла и волна национализации. В период 1973—1976 годов нефть национализировали и в нефтяных княжествах Персидского залива, и в Венесуэле. Без этой национализации, несомненно, какая-то целенаправленная ценовая деятельность стран-производителей нефти стала бы невозможной. Единая позиция многих нефтепроизводителей — это второй фактор.

Возможно, на этот рост наложился и более объективный фактор — нефтедобыча в США как раз в 1970-х прошла свой пик, с тех пор она снизилась почти вдвое (и у нас также пиковым был 1968 год — более 600 млн тонн). А ведь США — основной потребитель нефти и именно американский спрос формирует мировую цену. Дефицит нефти в США не мог не привести к подорожанию даже и без войны.

Но хотя цена, в целом, значительно выросла по сравнению с 1950—1960 годами, она сильно колеблется вокруг среднего значения, а пиковые составляют от 60 до 350 долларов за тонну. Что это значит?

Резкие колебания цены при почти постоянном потреблении говорят о следующем: даже

при низком уровне добыча себя оправдывает, следовательно, при высоких ценах — разница между продажной ценой и себестоимостью становится чистой прибылью нефтепроизводителя. Соответственно, при низких ценах на нефть эту прибыль получает потребитель. То есть при колебании цен всего на доллар за баррель (7 долларов за тонну) в мире происходит перераспределение 15 млрд долларов прибыли от потребителей нефти к шейхам или наоборот.

Интересно, что по некоторым оценкам это самое колебание в 1 доллар за баррель может обеспечить своей экспортной политикой Россия, хотя ее экспорт в мировом масштабе и невелик. То есть, если Россия действует по рекомендациям ОПЕК и обеспечивает подорожание нефти на 1 доллар, то ее выигрыш — всего 1 млрд, а остальные 14 получают страны ОПЕК. Если же Россия играет в пользу Запада, то на удешевлении она теряет миллиард, зато страны Запада получают 15.

Среди сторонников сближения России и Запада циркулирует идея соглашения, штрейкбрехерского по своей сути: Россия разрушает политику ОПЕК, а Запад за это компенсирует ей потери от удешевления нефти. Звучит заманчиво, но пока, правда, это только проект. Следует также иметь в виду, что, говоря о России, мы говорим о компаниях, экспортирующих нефть из России (у нас-то, в отличие от большинства нефтедобывающих стран, внешняя торговля

нефтью — торговля частная). И эти компании придерживаются разной политики; одни поддерживают Запад, другие — ОПЕК.

Во всяком случае, Россия и Норвегия частенько мешают планам ОПЕК по удержанию цен на высоком уровне — пока что себе в ущерб.

Но вернемся к основной теме: мы видим в нефтяном бизнесе явный источник конфликта — не совсем рыночное распределение прибыли. А это повод для стрельбы. Тут вполне допустима аналогия из обычного бизнеса: если в нем крутятся неучтенные деньги или если он базируется на неформальных связях — есть почва для криминального передела. Как-то пришлось быть невольным свидетелем разбирательства по поводу размещения контейнера с арбузами на бойком месте, с мордобоем и прочими развлечениями. К счастью, без смертоубийства — но стрельба из автомата по арбузам тоже не доставила удовольствия окружающим.

С природными ресурсами ситуация аналогична. Что такое «справедливая компенсация» туземцам за сырье, о котором говорилось в «Атлантической хартии»? Должны ли туземцы получать бо́льшую часть прибыли, образующейся от использования нефти в развитых экономиках? А на каком основании? Кстати, экономическая эффективность использования нефти различна, у Хачатурова есть обобщенные подсчеты, например: сколько ВВП и рабочих

мест образуется одним миллионом тонн нефти в экономиках США, Японии, России и Китая. Цифры везде разные. И если нефтеэкспортерам платить фиксированную долю от прибыли, то и цена для разных потребителей будет разная — нонсенс очевиден.

«Справедливость» — слово хорошее, привлекательное, но использование его в экономике слишком часто приводит к кровопролитию. Что будет «справедливой» компенсацией для нефтедобывающих стран? Связка бус? «Мерседес» и «Боинг» для шейха? Есть ли разница между этими компенсациями, если на нефти базируется вся экономика Запада? С подобной точки зрения любая плата — мизер. Но платить сколь угодно высокую цену западное общество не готово. И кому? Потомкам тех, кто оказался на нефтеносных территориях, можно сказать, случайно, тех, кто о нефти даже не имел никакого представления?

К сожалению, я не вижу иного способа для западных стран отобрать прибыль (экономисты называют ее «природной рентой»), кроме как пойти на ОПЕК войной. Это не будет обязательно военный разгром всех стран — членов ОПЕК и даже не обязательно кого-то из членов ОПЕК — но некоторых, самых неудобных из нефтепроизводителей. И война будет выглядеть, по понятиям Запада, справедливой. Вообще в современной экономической парадигме нет места госсектору — справедливым считается устройство, когда всем занимаются частные

предприниматели. Следовательно, добыча нефти должна быть, по мнению Запада, приватизирована (пусть даже эта мысль не высказывается — другой просто быть не может, не социалисты же они).

Почему национализация нефти в разных странах увенчалась успехом в 1973—1976 годах, и не удалась, скажем, в Иране в 1951-м? Может быть, страны-нефтепроизводители стали очень сильны? Ответ прост и очевиден — сила СССР позволила это сделать. В 1951-м СССР был слаб, в 1973-м — силен. Без СССР национализация вряд ли была возможной. При недоброжелательном отношении к СССР, скажем, Саудовской Аравии, сам факт его существования явно был использован как «крыша», выражаясь современной терминологией.

Сейчас СССР нет. Какую экономическую выгоду мог бы Запад получить от этого многозначительного факта? Какую-то уже получил, поскольку 1990-е годы были временем явных экономических успехов Запада, скорее всего, благодаря дележу наследия СССР — ухода с международных рынков, вброса в экономику Запада сырья по демпинговым ценам. Но выигрыш получился, так сказать, черчиллевский, пока еще не рузвельтовский. А вот разрушение блока нефтеэкспортеров — это не только десятки миллиардов долларов прибыли ежегодно, но еще и гарантия от неожиданностей в виде потерь сотен миллиардов долларов. Ведь нельзя же ориентироваться только на сегодняшние реалии — в пер-

спективе-то мировое потребление будет базироваться на странах ОПЕК уже на 90 — 100%, а не как сейчас.

И удивительное дело: в период после разрядки США не использовали для решения своих экономических проблем экономию на военных расходах. Несмотря на драматическое падение военной мощи основного врага США — России, соответствующего сокращения военных приготовлений не произошло. Ружье на стене не только не сдано в утиль — оно чистится и смазывается в ожидании последнего акта. «Белый охотник — плохой охотник», но хороший экономист. Вложения в военную технику должны принести прибыль до того, как она устареет и выйдет из строя. Не слышал я о военных приготовлениях, не заканчивавшихся войной.

Итак, война потребителей нефти против производителей возможна: есть мотив, силы и средства.

Теперь идеологическое обоснование — без него раньше англичане, а затем американцы войн не ведут. То культура и цивилизация, то попранная справедливость и свобода народов, то права человека — что-то быть должно. Не всегда убедительно — но «пипл схавает»: доводы, исходящие от богатых и сильных, почему-то звучат убедительно.

И все же существует она, «ось зла». Кто у нас основные пособники терроризма? Иран, Ирак, Ливия — суммарно более 20 % мировых запасов

нефти и примерно только же — газа. Как-то вдруг хлопотливо начинают «шить дело» Венесуэле (более 5 % запасов). Немного промахнулись, думали, решат дело по-другому — срочно появились известия о невероятно вопиющих фактах нарушения прав человека и притеснениях независимых журналистов — прямо как на Кубе. Кто там еще в мире остался с нефтью и без нарушений прав человека?

Есть в этой «оси» еще и Северная Корея — но не из-за нефти, там вопрос принципа. Нельзя оставлять в покое народ, который дрался с американцами и победил — вьетнамцам, кстати, тоже нужно иметь это в виду и не почивать на лаврах.

Эмираты, Кувейт и Саудовская Аравия? Первые два можно оставить в стороне, они уже свои, им хватит и того, что у них есть. При их-то мизерном населении. А вот саудовцы... Конечно, они — многолетние союзники США. Оказали множество незаменимых услуг, помогли с прикрытием участия США в войне в Афганистане. Но слишком много там образованных и богатых людей, не слишком довольных своей ролью в мире, и даже в королевской семье они есть.

Саудовская Аравия — страна миллионеров, их там 80 тысяч. И свои миллионы и миллиарды они не расходуют попусту. По стечению обстоятельств, это еще и хранительница святынь ислама, мировой религии, по мнению многих — единственной истинно верной. Довольны ли

саудовцы ролью, предлагаемой им Голливудом — ролью комических шейхов в массовке комедий? Вряд ли. Это народ со своими представлениями о справедливом устройстве мира. Часто пишут, что Аравийский полуостров — рассадник идей ваххабизма. Верно, и само это религиозное учение появилось в Саудовской Аравии — но разница между ваххабизмом саудовцев и ваххабизмом неграмотных бандитов Средней Азии — как между коммунизмом Маркса и коммунизмом Пол Пота.

Так как же поссориться с Саудовской Аравией, если она во всех международных делах США только помогает?

Не было бы счастья, да несчастье помогло. За штурвалами «Боингов», снесших башни Всемирного Торгового Центра, были саудовцы. И почти все участники этого таинственного заговора (террористы так и не предъявили требований) — также граждане Саудовской Аравии и Египта, а не нищего Афганистана. Почему до сих пор не разбомблен Эр-Рияд со всеми своими ваххабитами? Вот вопрос, на который трудно получить ответ. Знать, время не пришло.

КОГДА ЖДАТЬ ВОЙНЫ

А когда оно придет? Когда все-таки ждать войны? Ну, понятно, что война на Ближнем Востоке, скорее всего, будет осенью. Весной начинать не стоит — слишком жарко.

А которой осенью? Да какой угодно. Может быть, уже в 2002-м.

Срок войны нельзя оттягивать до бесконечности. И дело не в том, что нефть скоро кончится, не из-за чего будет воевать. Пока потрачены человечеством 100 млрд тонн — а впереди точно еще 140, а то и еще 70—200. Дело в другом. Войну нужно вести так, чтобы не пострадать самому. А какое оружие есть у этих не самых мощных стран? Кое-какая авиация, никаких авианосцев, небольшие прибрежные флоты... ну что они могут сделать?

Они могут перекрыть поставки нефти. Вот единственное серьезное оружие сырьевых стран, а вовсе не подпольная атомная бомба, которой можно разве что утопить какой-нибудь авианосец. И вот здесь часы тикают все быстрее. Пока еще есть альтернативные поставщики, можно рисковать и терпеть. А через десять лет, когда уже не только Япония, но и Западная Европа начнут почти полностью зависеть от ближневосточной нефти, будет сложнее.

Каким может стать исход прямого столкновения? Отрешимся пока от нынешней ситуации, когда Саудовская Аравия, Эмираты и Кувейт считаются союзниками Запада.

Война против нефтеэкспортеров не потянет на действительно большую — слишком силы неравные: Ирак, Венесуэла и Саудовская Аравия насчитывают миллионов по 20 населения, Кувейт и Объединенные Эмираты — миллиона

10–А. Паршев

по два, если не меньше, да еще некоторое количество «неграждан» — иностранных рабочих, собственно и занимающихся добычей нефти в арабских странах. Относительно «иностранных» — это чаще всего такие же арабы, но из бедных арабских стран, не имеющих нефти — среди них много палестинцев. Во время оккупации Кувейта Ираком они были на стороне Ирака.

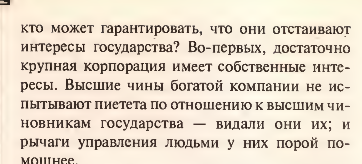
Да, эти страны, кроме Венесуэлы, до зубов вооружены, в основном американским оружием. Но оно будет малоэффективным, если применять его против Запада. Несколько лет охлаждения в отношениях — и требующее технического обслуживания высокотехнологичное вооружение выходит из строя.

Немного устойчивей много воюющий Ирак, но вряд ли он сможет противостоять Америке, если та захочет выделить из состава Ирака его южные нефтегазоносные провинции. Такая идея проговаривалась и даже попала в прессу. И она может быть реализована. Действительно, всегда можно найти честолюбцев, готовых пожертвовать целостностью страны, чтобы занять статусную должность в ее осколке. Названия «президент», «министр», «генерал» звучат сладостно для тех, кому в нормальных условиях эти чины недоступны, даже если это президентство и генеральство — пародии на реальные. В самих США «сецессия» — отделение штата от США — карается смертью, но в других странах и при поддержке крупной державы

такое иногда проходит. Панама появилась на карте мира, когда США поддержали мятеж какого-то местного колумбийского генерала. Понятно, зачем: решая проблемы, связанные с Панамским каналом, поняли, что лучше иметь дело с правительством крошечной Панамы, чем с более крупной Колумбией, частью которой Панама когда-то была.

Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. В больших по территории странах источники сырья бывают сконцентрированы в совсем небольших районах. Как в Эмиратах — из семи, входящих в эту федерацию, запасы мирового уровня лишь у двух. Так вот у потребителя, если он достаточно силен, может возникнуть соблазн: выделить крошечный анклав из территории сырьевой страны. Кого дешевле проплачивать — центральное правительство или какого-нибудь председателя местного сельсовета? Я ведь не об Эмиратах вам толкую. Если кому-либо приходит в голову идея расчленить Ирак, посадить где-нибудь в Басре марионеточное правительство и прикрыть его бронированным кулаком — значит, кое-кому не только в Ираке нужно крепко задуматься о собственных проблемах.

Точнее, думать нужно было раньше. Ведь права владения на свою собственную нефть могут оказаться у нации или государства только номинально. Когда ее разработкой, а главное, экспортом занимаются частные компании —

кто может гарантировать, что они отстаивают интересы государства? Во-первых, достаточно крупная корпорация имеет собственные интересы. Высшие чины богатой компании не испытывают пиетета по отношению к высшим чиновникам государства — видали они их; и рычаги управления людьми у них порой помощнее.

В истинно рыночной экономике каждый заботится о себе сам, эксплуатируя других или предлагая для эксплуатации себя; если ни то, ни другое не получилось — твои проблемы. Это при феодализме феодал эксплуатирует, но должен заботиться об эксплуатируемом. Современные социальные государства несут в себе то ли пережитки феодализма, то ли семена социализма — во всяком случае, проводят социальную политику. Корпорации же к социальной политике не склонны, поскольку заняты бизнесом; и их связь с «субстратом» — народом, среди которого этот бизнес ведется в данный момент — не слишком прочна. Завтра условия могут измениться. Даже если высший менеджер корпорации этнически «свой» — бизнес не то место, где продвигаются сентиментальные личности. Государственному или квазигосударственному аппарату (ОПГ) сменить «субстрат» сложнее.

Неспроста на Западе государства борются с излишне сильными монополиями; их разрушают не только с целью создать поле честной конкуренции. Так, американское правительст-

во в свое время разделило всесильную нефтяную «Стандарт ойл» на семь компаний помельче — слишком много она стала о себе понимать.

И вообще национальное государство — не единственная форма человеческой организации, и если мы сейчас видим человечество поделенным на государства — то это, в определенном смысле, историческая случайность, а то и этап развития. А.И. Фурсов, директор Института русской истории при РГГУ описывал историческую ситуацию, когда Ост-Индская компания, будучи формально английской торговой компанией, в военном и финансовом отношении не уступала английскому государству и вела собственную политику.

Кроме того, современный мир глобализирован, и иностранное участие в капиталах и менеджменте компаний — обычное дело. Но тут возникает опасность: не всегда здорово, но неизбежно, что отечественная компания преследует не государственные, а собственные интересы. Но возможна ситуация, что она даже свои интересы не соблюдает. Масса примеров есть, когда номинальный владелец один, а реальный — другой. Вот и представим себе на минутку, что реальный владелец нефтяной компании — странапотребитель нефти. Как такая компания будет себя вести?

Кстати, подобную компанию легко «вычислить». Она старается, вопреки очевидной логи-

ке, снижать отпускную цену на нефть, а если еще и достаточно влиятельна политически — то и сбивать мировую цену, отказываясь сокращать добычу, когда это предлагают организованные нефтепроизводители.

Поскольку подобная «мимикрия» все же ненадежна и исторически недолговечна (рано или поздно может появиться серьезное правительство, которое спросит «доколе?»), то такая фальшивая компания склонна «снимать сливки» с месторождений, оставляя замазученные трудноизвлекаемые остатки благодарному потомству.

Вот по этим самым причинам целью Запада будет, скорее всего, не прямой захват части Ирака, а, скорее, выделение там особой экономической зоны, где добычу будут вести независимые от правительства страны компании — несомненно, отчисляющие часть прибыли в пользу голодающих иракских детей.

Есть, правда, предположение, что Ирак останется единым, с проамериканским правительством в Багдаде, как в Сербии. Так как обезопасить такое правительство может только согласие народа, добиться этого можно повышением жизненного уровня. Это тоже можно сделать без больших затрат: для этого надо его предварительно как следует опустить. После этого любое незначительное улучшение иракцы будут почитать за счастье.

Именно так поступили с югославами. Поэтому блокада — очень полезное, обоюдоострое

оружие: оно ослабляет непокорных и усиливает коллаборационистов, пришедших им на смену.

Для нас и всех нефтеэкспортеров жизненно важно не допустить этой ситуации — для нас это будет очередной шаг в экономическую пропасть. Нефть после этого подешевеет!

Исходя из этой гипотезы о намерениях Запада, в первую очередь США, после завершения операций в Афганистане следует ожидать каких-либо шагов по установлению контроля над территорией Ирака. Сама афганская акция не совсем понятна, хотя, возможно, если бы мы имели больше информации о результатах нефтеразведки в туркменском и казахском секторах Каспия, то лучше бы понимали мотивы поведения Запада в Центральной Азии. Во всяком случае, взаимосвязь между проектом трансафганского нефтегазопровода, разработанного американской корпорацией «Унокал» и назначением в Афганистане на должность временного президента Хамида Карзая, в свое время консультанта «Унокал», весьма вероятна. Впрочем, сошлюсь на независимый источник:

**http://top.rbc.ru/index.shtml?/news/daythemes/2002/02/18/18050553_bod.
shtml**

«В Центральной Азии находятся 40 % всех мировых месторождений природного газа и богатые залежи нефти. Но чтобы воспользоваться этими богатствами, необходимы нефтепроводы и газопроводы, которые пролегли бы

по территории Афганистана. Поэтому не удивителен повышенный интерес к этой стране нефтяных компаний и, в частности, американской Unocal, — пишет испанская «El Mundo».

Как полагает издание, Хамид Карзай отнюдь не случайно возглавил страну после падения режима «Талибан». По данным «El Mundo», новый премьер-министр Афганистана в свое время работал для американской Unocal, с давних пор лелеявшей планы по возведению в Афганистане нефтепроводов и газопроводов. Кроме того, он тесно сотрудничал с ЦРУ и Пентагоном в 1980-х годах. Там он познакомился с Салмаем Халилзадом — новым спецпредставителем США в Афганистане, назначенным на этот пост всего через 9 дней после прихода к власти нового афганского правительства.

По «случайному совпадению» Халилзад, американский гражданин афганского происхождения, также в свое время работал на Unocal. Его послужной список весьма велик: он входил в состав всех республиканских правительств со времен президентского правления Рональда Рейгана. При Джордже Буше-старшем Салмай Халилзад работал под руководством нынешнего замминистра обороны США Пола Вулфовица и даже входил в Совет национальной безопасности, где подчинялся непосредственно Кондолизе Райс. Та, в свою очередь, прежде входила в совет

директоров нефтяного гиганта Chevron. Так или иначе, и Карзай, и Халилзад работали в 1990-е годы на Unocal. Теперь же Карзай возглавляет правительство Афганистана, а Халилзад представляет интересы США в этой стране.

Суть этих интересов сформулировал в свое время один из представителей ООН, резонно заметивший, что война в Афганистане слишком напоминает войну за нефть и газ. И, словно в подтверждение этой точки зрения, вскоре после начала американских бомбардировок Афганистана посол США в соседнем Пакистане провел экстренное совещание с пакистанским министром нефти. План строительства нефтепровода Unocal по территории Афганистана запущен в действие, — заключает издание».

Затем, после свержения Саддама Хусейна, возможны какие-то шаги в отношении Ирана и, особенно, Саудовской Аравии. До того — вряд ли, но они неизбежны. Невозможно скрыть, да особенно никем и не скрывается, что корни терактов 11 сентября тянутся исключительно к верхам саудовского общества, и нищие талибы тут вовсе ни при чем. Но пока саудовские правители проявляют хотя бы внешнюю лояльность, Запад будет решать на Ближнем Востоке другие задачи, не пытаясь вести следственные действия в Эр-Рияде, Мекке и Медине — это пока не в его интересах.

После того как (и если) противодействие в регионе будет сломлено, силовое присутствие может и не быть вызывающе заметным, военные базы не должны выглядеть осажденными блокпостами. Более того, вполне возможно, что США вообще выведут свои войска с баз в Средней Азии. Достаточно того, что местные правители будут знать: американцы готовы вернуться в любой момент и не только с лавровой ветвью в зубах. Они это уже продемонстрировали.

А какую ситуацию хотели бы оставить за собой, уходя, США?

Потребителям нефти наиболее желательно, если в регионе будут действовать частные нефтяные операторы, напрямую не связанные с государственными и международными организациями, но защищенные угрозой немедленной силовой акции. Силовые меры будут комбинироваться с политико-экономическими в рамках всей глобальной экономики — суть регулирования должна состоять в снятии «излишнего» спроса на энергоносители, в основном за счет экономик новоиндустриальных стран. В результате цена на нефть приблизится к себестоимости.

Непросто заниматься предсказаниями, но пока все свидетельствует о том, что трудные времена для российской экономики, завязанной на экспорт газа и нефти, прекратятся не скоро. Похоже, что «сильные мира сего» всерьез настроены не выпускать нефтяные цены

за пределы весьма жесткого ценового коридора, близкого к диапазону 15—18 долларов за баррель.

В современном мире складывается парадоксальная ситуация. От усилий относительно малокультурных сырьевых государств (и мы попали в их число) зависит ускорение темпа развития человеческой цивилизации. Чем дешевле будет обходиться Западу сырье, тем меньше у него останется стимулов для подготовки к периоду истощения сырьевых ресурсов. Дешевая нефть — наркоз для цивилизации западного типа. Дорогая же потребует создания новых технологий, сначала — более экономичных, а затем — кто знает? — может быть, не требующих использования невозобновляемых видов сырья вообще.

ЧЕСНОЧНЫЙ ПРИНЦИП

Все вышеизложенное основано на предположении, что Запад просто хочет максимально продолжить нынешний тип своей жизнедеятельности. То есть много потреблять, не думая о будущем, стараясь обеспечить себя дешевым сырьем. В таком случае переход на другие виды энергоносителей и освоение энергосберегающих технологий происходит просто под влиянием экономических законов: нефть стала слишком дорогой — перешли на бензин из газа и угля; отопление подорожало — поднялся

спрос на теплоизолирующие строительные материалы. Думают производители, а потребители выбирают — пока схема работает и обеспечивает значительный прогресс.

Беда в том, что капиталистические предприятия ограничены в своем ви́дении перспективы и не всегда способны к долгосрочным инвестициям с нескорой отдачей. Им же нужно прибыль получать, да и трудно нефтяной компании перейти к ядерной энергетике.

Непросто это и для демократически избираемых правительств — как известно, они сильно зависят от экономических структур, а те не для того помогают избираться кандидатам, чтобы они повышали налоги и прочие изъятия из прибыли корпораций. Это, скорее, прерогатива тоталитарных правительств, или, во всяком случае, опирающихся на широкие партии и независимых от корпораций — на современном языке, впрочем, они и называются тоталитарными.

А объемы вложений в построение экономики будущего просто несоизмеримы с обычными тратами правительств, они должны быть, по крайней мере, на уровне оборонных затрат. И это при том, что оборонные расходы никто не отменял — ситуация дефицита топлива скорее приведет к росту напряженности в мире, чем к разрядке. И в глобальном мире с открытыми границами ни одна страна в отдельности не сможет позволить себе таких массивных вложений — ведь средства для это-

го можно взять из налогов. А если повысишь налоги по сравнению с другими странами — отпугнешь инвесторов, да и собственных предпринимателей.

В отношении крупных проектов в современном мире действует «чесночный принцип». Как в туристской компании, которой приходится спать в одной палатке, есть чеснок должны или все, или никто, так и значительные траты осуществляют или все, или никто, иначе произойдет утечка капитала к тем, кто в этих тратах не участвует.

А затраты будут действительно масштабны. Дело даже не только в освоении новых источников для обеспечения роста энергопотребления. Весьма высока вероятность, что это вообще задача недостижимая. Новые источники жизненно необходимы, но роста не будет. Энергия потребуется для плавного перехода человечества к новой цивилизации, базирующейся только на возобновляемых источниках энергии и сырья. Нам трудно такое представить, и разум, можно сказать, противится, когда пытаешься направить его в эту сторону. А тем не менее — мы стихийно ворвались в техническую цивилизацию, проявив при этом сметку и изобретательность; но настоящей проверкой на разумность будет наша способность с достоинством эту цивилизацию покинуть. Нам придется сконструировать выход.

Прикинуть смету расходов по созданию подобного проекта непросто, но это немалые

деньги, я не говорю сейчас о психологических преградах. Так, в будущем население Земли должно быть меньшим, чем оно есть сейчас. В некоторых странах удается политика сокращения рождаемости, как, например, в Китае. Но во многих обществах ограничение рождаемости считается грехом — нужно придумать и тут, как выйти из этой непростой ситуации. Как переубедить целые народы — при том, что каналы воздействия ограничены.

Нужны работы по созданию плана будущего общества: на каких материальных основах оно будет базироваться, какая демографическая ситуация в нем будет и с какими демографическими показателями мы должны к нему подойти. Необходимо понимание, как этого достичь, какие политические мероприятия нужны, чтобы, например, ограничить рождаемость в странах третьего мира и тягу к потреблению в странах «золотого миллиарда».

На эти цели нужны масштабные инвестиции. Но взять их негде, поскольку рентабельность промышленности в западном мире невысока. По сути, Запад давно поддерживает то, что уже существует. Такая ситуация много лет существует в Японии, а теперь в нее вползли и США. Экономика настолько малорентабельна, что рекомендуемый процент по кредитам там упал до менее чем 2 % годовых — и предприниматели, практически, не получают прибыли, им нечем отдавать проценты по кредитам! А в Японии эта ставка и вообще упала до нуля (у нас ситуация

другая — ставка выше и по займам, и по вкладам. Но выше и инфляция. И хоть по вкладам гарантий никаких нет, для вкладов на Западе они еще эфемерней. Для русских тем более — не дадут визу — и пропали деньги). Поэтому нужно от чего-то отказываться, либо изыскивать какие-то источники.

Откуда могут появиться инвестиции в Фонд Будущего?

Сырьевая рента — один из таких источников. Сделав сырье дешевле, можно сделать прибыльнее перерабатывающую промышленность, а собранные налоги направить в Фонд Будущего. Правительства могут также сохранить или даже увеличить прямой налог на топливо — примерно так делается в Западной Европе. Хорошо видно на примере бензина, что от правительственной политики многое зависит. Так, в Западной Европе бензин ниже доллара за литр не стоит; но три четверти этой цены — налоги. В Англии, хотя это и нефтедобывающая страна, бензин один из самых дорогих в Европе. А в США он существенно дешевле — но не потому, что нефть там дешевле обходится — просто налоги меньше.

Нефть, как уже говорилось — товар уникальный. В отличие от остальных сырьевых товаров цена на него не падает — то ли из-за близости истощения, то ли из-за согласованной позиции нефтеэкспортеров. Поэтому природная рента от нефти в значительной степени остается у продавцов, потому они богаты и вполне спо-

собны формировать свои «Фонды Будущего» или, если они поглупее, использовать деньги на текущие расходы и закупку американского оружия.

Взять у нефтеэкспортеров «Фонды Будущего» и создать собственные — вот задача стран «золотого миллиарда»!

Если такой вариант развития событий увенчается успехом, нам это не принесет счастья. На мировом рынке нефти она будет продаваться по себестоимости, и российские производители вообще не будут получать прибыли. По мере роста среднемировой себестоимости будет расти и цена; тогда могут сложиться условия для освоения трудных российских месторождений, но опять-таки для наших тяжелых условий цена будет слишком близка к себестоимости, чтобы от реализации на мировом рынке получать прибыль.

СТОИТ ЛИ АМЕРИКЕ ТОРОПИТЬСЯ, И ЧЕМ США ЖИВЫ

Может возникнуть вопрос: а с чего вдруг такие ужасы? Зачем Америке ввязываться в военные авантюры? Сколько времени американцы спокойно покупали все, что им нужно, что будет мешать им впредь? Разве доллар уже никому не нужен?

Здесь надо вернуться к некоторым базовым вещам. За счет чего живет Запад?

Прибылен ли Голливуд? Да, но только в

прямой ли прибыли от кинопроизводства дело? Так, например, Голливуд, кроме всего прочего, формирует вкусы, а, значит, и структуру спроса покупателей во всем мире — и, по странному совпадению, именно индустрия США оказывается наиболее приспособленной к производству наиболее выгодных товаров и услуг, этот спрос удовлетворяющих. Трудно сказать, есть ли на эту тему заказ: но отрицательные герои (действительно отрицательные, т.е. по-человечески неприятные), как правило, ездят в голливудских фильмах на Мерседесах и БМВ, а положительные — на американских машинах. Положительный герой крайне редко стреляет из АКМ, а отрицательные — как правило.

То есть даже там, где нет прямого дохода, косвенный выход на «живые деньги» все-таки есть, и контроль США в культурной сфере — казалось бы, вещь невесомая и неосязаемая — в конечном итоге выражается в прибылях.

За счет чего живет Америка? Нелегко представить себе продукцию, которую выгодно было бы производить в Америке. Слишком дорога здесь рабочая сила. Пошив джинсов обходится раз в десять дороже, чем в развивающихся странах — и это при том, что и в США шьют, скорее всего, те же недавние жители третьего мира.

Как ни странно, эта страна, крупнейший мировой производитель, гораздо больше потребляет, чем производит. Иногда в адрес раз-

витых стран можно слышать упреки, что они свою продукцию переоценивают, а иностранную недооценивают. Это не совсем так — просто развитые страны производят продукцию высокотехнологичную, которую, кроме них, никто не производит. В этом случае ценообразование является монопольным, или олигопольным — когда есть всего несколько производителей, им легко договориться между собой. А что такое монопольная цена? Если цена формируется при соревновании производителей, то она лишь чуть-чуть выше стоимости; равна стоимости плюс норма прибыли, а она невысока — несколько процентов. А если производитель какого-нибудь очень нужного товара только один — он может назначить и более высокую цену. Трудно сказать, насколько более высокую, чем ограничена монопольная цена — но на ней можно получать не только прибыль, но и сверхприбыль — то есть прибыль выше нормы.

А вот производителям сырья договориться трудно. Почему? Это можно обсуждать, но факты говорят именно об этом: продавцам сырья их специализация вредна. От сырьевого экспорта, как правило, экспортер беднеет, а потребитель богатеет. За исключением, как мы уже говорили, очень немногих видов сырья, в частности нефти.

«Менее развитые страны экспортируют, как правило, товары, сталкивающиеся с неэластичным спросом», — как пишет Сорос. Наш

редактор его книги «Алхимия финансов» поясняет: «Чтобы увеличить объем экспорта товара с неэластичным спросом, надо резко понизить цены». Задыхающиеся в долговой петле сырьевики вынуждены предлагать на рынок больше — но в результате получают немного. И нефть выгодна только потому, что она контролируется группой продавцов, хотя она — такое же сырье.

Трудно также договориться между собой и производителям обычной продукции, производимой по известным технологиям. Отчасти поэтому страны третьего мира, хотя и вошли в индустриальную стадию благодаря своим экспортно-ориентированным экономикам, накопили не так уж много капиталов, и при сокращении сбыта в страны Запада они не могут заменить их спрос собственным платежеспособным спросом. Таким образом, одна из идей современной экономической теории — идея о расцвете национальных экономик путем привлечения иностранных инвестиций — оказалась не так уж плодотворна. Тем самым далеко не богатые страны втягиваются в изнурительную гонку: рабочие соглашаются на недостойную человека заработную плату, государства до мизера снижают налоги, лишая национальные бюджеты совершенно необходимых средств — и все для того, чтобы снизить издержки иностранных предпринимателей. Призом же является встраивание в экономическую систему развитых стран, причем на са-

мой бесправной роли: при ухудшении мировой конъюнктуры именно экономики стран «третьего мира» страдают первыми, «глобальная экономика» отбрасывает их, как ящерица свой хвост. Пресловутые «азиатские драконы» добились... а чего они, собственно, добились? Права удовлетворять спрос заокеанского потребителя более дешевым способом, чем если бы он, заокеанский потребитель, это делал сам.

Правда, и США уже не могут обойтись без дешевых товаров третьего мира.

В принципе экономическая доктрина Запада не любит монополий. В учебниках часто приводится в пример различная практика в Англии и во Франции XVIII века. Во Франции выгодные производства раздавались или продавались в исключительное пользование лицам и компаниям — результатом было отсутствие экономической конкуренции и отставание, в конечном итоге, от Англии.

Но вот монополию благодаря технологической новизне современная доктрина признает. И клуб технологически развитых стран обладает монополией на многие виды технологий — не знаю, является ли это причиной или следствием теории.

Так, развитые страны поделили между собой мировые рынки компьютеров, программного обеспечения, видео-, кино— и аудиопродукции, специализированного машиностроения, биотехнологий. Гражданская авиация мира —

сейчас только Боинги и Аэробусы, которые нельзя сказать что совсем не падают (в среднем — чаще, чем наши самолеты), но нашим Илам и Ту путь в мир заказан. И благодаря такому монопольному положению Запад и сохраняет возможность платить своим гражданам высокие зарплаты.

Глобализация потихоньку размывает эту ситуацию. Каждому конкретному производителю очень выгодно перевести производство в страну с дешевой рабочей силой, а ведь вряд ли Америка будет состоять из одних дизайнеров. И не только Америка. У нас в Москве недавно открылся уже второй супермагазин шведской фирмы ИКЕА, торгующей всякими бытовыми, хозяйственными товарами, мебелью... Фирма ИКЕА имеет 52 предприятия по всему миру. Что в ней шведского? В самой Швеции только одно конструкторское бюро, в городке Эльмхульм. А всемирно известный шведский концерн «Эриксон» даже штаб-квартиру держит не в Швеции. Если развинтить монитор финской фирмы «Нокия» (но не советую — напряжение 15 киловольт), то там можно найти японскую, а скорее — южнокорейскую трубку. Вот и «Леви Страус» закрыла последние шесть фабрик по пошиву джинсов в США...

То есть отчасти глобализация прогрессивна, она ставит рабочего развитых стран и рабочего из стран развивающихся в более равные условия. Рабочий третьего мира стал больше зараба-

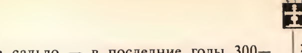
тывать (хотя это не решило проблему бедности и не решит — таких рабочих очень немного, больше Западу не нужно), а рабочий Запада, чтобы выдержать конкуренцию на рынке труда, соглашается сократить свое потребление. Как сказали бы марксисты, глобализация из разрозненных отрядов пролетариата формирует единую всемирную армию труда.

Но пока американцы, и американские рабочие в том числе, наслаждаются высоким уровнем жизни и, соответственно, бóльшим потреблением ресурсов. Причем потреблением, которое даже США не по карману.

Кроме слишком высоких зарплат и других видов выплат, расходуемых на личное потребление, США еще очень много тратят и на общественное потребление, и на военные цели. Да, пока экономика США — первая в мире, но и армия у США самая дорогая, и флоты по всему миру чего-то стоят.

Мы говорили, что отчасти такая ситуация существует из-за своеобразного разделения труда. За товары Запада платится монопольная цена, за товары третьего мира — конкурентная. Но даже в этих условиях нет равновесия в обмене США с остальным миром, даже американской высокотехнологичной продукции не хватает, чтобы оплатить американские аппетиты.

В последние годы в мире продолжается абсурдная ситуация. США ежегодно продают своих товаров на сотни миллиардов меньше, чем покупают, имея так называемое отрицательное

торговое сальдо — в последние годы 300—400 млрд долларов. То есть в год американцы покупают на душу более чем на тысячу долларов товаров во всем мире, ничего не давая взамен. Вместо товаров во внешний мир из Америки идут доллары — наличные и безналичные. Это не только нефть — на нефть США тратят менее 100 миллиардов — хотя и роль нефти здесь немаленькая.

Отчасти это нормальный процесс. Доллар — мировая валюта, а единственный эмиссионный центр — Америка. Чем сильнее развивается рынок, тем больше ему надо средств обмена, т.е. долларов. Потому-то страны мира и продолжают продавать американцам всякие товары, получая взамен бумажки. Вопрос лишь в том, не многовато ли этих долларов? Ведь прирост денежной массы, если он превышает рост товарооборота, вызывает инфляцию!

А долларовая инфляция идет. С 1970-х годов доллар «похудел» по крайней мере вдвое — но сложно сказать, следствие ли это внутренней американской политики или перенасыщения долларами внешнего мира. Судя по тому, что за границей доллар, как правило, имеет бóльшую покупательную способность, чем дома — то скорее первое.

Но в этой ситуации скрыто зерно опасности. Доллар имеет цену, потому что используется в мировой торговле. Говоря другими словами, мировая торговля контролируется американскими банкирами. И вот если мир по

какой-то причине перейдет на другую валюту, он может начать сбрасывать доллары. В этом случае доллар потеряет в цене уже не жалкие 15 %, как пророчил весной 2002 года Джордж Сорос.

Интересно, что это для Америки не только плохо. США — страна-должник, крупнейший должник мира, и обесценение доллара, если все начнут истребовать свои долги, для Америки будет выгодно. Ведь она, одна из немногих стран мира, должна в своей собственной валюте.

Вот мы, например, должны в основном в европейских валютах, иенах и долларах. И что мы со своим рублем ни делай — девальвируй, ревальвируй, хоть вообще отменяй — должны будем заплатить в евро, иенах и долларах, для чего нам придется продать какие-то реальные товары и активы.

А США, грубо говоря, может хоть в ноль вывести цену доллара — и тогда отдача долгов будет совсем необременительна.

В порядке анекдота. Еще когда евро только планировалось ввести, активно обсуждался вопрос: сможет ли евро выступить в качестве мировой валюты и, в некотором отношении, даже заменить доллар? В частной беседе, состоявшейся году так в 1999-м, один ехидный человек выдвинул такую гипотезу: наши чиновники действуют всегда так, чтобы России было хуже. Поэтому если они переводят государственные долги из долларов в европейские

валюты, а валютные резервы накапливают, наоборот, в долларах — значит, евро будет расти. Тогда в реальном исчислении России придется по долгам выплатить больше, а ее накопления — обесценятся. Каюсь, я так и не удосужился проверить эту гипотезу. Но что надо иметь в виду: хотя исчисляются наши суммарные долги в долларах, значительная их часть на самом деле в европейских и азиатских валютах. А так как нам их не простят и отдавать их все равно придется (насколько я знаю, в период наших экономических трудностей только Куба и Вьетнам простили — а мы были и им должны!), то при наличии возможности разумнее в первую очередь выплачивать именно эти — а долларовые долги подождут, выплаты по ним не стоит форсировать.

Ну, совсем-то обесценивать свою валюту американскому правительству не стоит, поскольку это не очень хорошо будет воспринято американской общественностью. Но общественность — одно, а правительство — другое. Оно должно заботиться не о конкретном рабочем, а об экономике в целом. Каждый рабочий хочет большую зарплату — но при больших зарплатах американских рабочих их продукт получается дорогим, слишком неконкурентным, и его не продашь.

Поэтому для повышения конкурентоспособности полезно зарплату понижать, если работаешь на экспорт — в том числе и допуская падение курса собственной валюты. Азиат-

ские страны так нередко делали в 1980-е и 1990-е годы.

Когда работаешь на внутренний рынок, эта зависимость не всегда действует. Конечно, в конкуренции полезно поменьше тратить на рабочую силу, но малая зарплата — это низкий платежеспособный спрос, рынок «съеживается». Первым, кто сознательно платил рабочим высокие зарплаты, был Генри Форд, великий экономист-практик, которому удалось сломать «железный закон заработной платы».

Итак, на мировой рынок ежегодно выбрасываются сотни миллиардов американских долларов. Не насильно, нет — берут (точнее, брали) сами, с писком и визгом. Зная, что они не обеспечены товарами и услугами. Но это не приводит к одномоментному краху, как предполагали у нас начиная с 2000 года. Доллар было куда применить, не только складывая в кубышки. На что иностранные получатели долларов их тратили? На два вида покупок: покупали недвижимость в США и акции американских высокотехнологичных компаний. Это было очень выгодное вложение капитала! Ведь будущее — за информационными технологиями!

Но вот беда: существует гипотеза Маркса (иногда оспариваемая) о снижении нормы прибыли. То есть при данном уровне технологии любая деятельность приносит прибыли все меньше и меньше. Проверить ее эксперимен-

тально нелегко, поскольку и XIX, и XX века были временем постоянных революций в технологиях.

А вот к рубежу тысячелетий, похоже, новая революция не подоспела, а она не помешала бы. Рентабельность американской промышленности снизилась до опасного предела. Алан Гринспэн, главный американский банкир, предупреждал о низкой рентабельности традиционных секторов промышленности еще, по-моему, весной 2000 года. А теперь к ним присоединились и «новые». Специалисты в области ИТ начали в массовом порядке дышать свежим воздухом.

Так или иначе, но высокотехнологичные компании оказались переоценены. После ряда кризисов их стоимость упала. То есть те, кто вложил в них доллары, их частично потерял. Кстати, одновременно готовится упасть и рынок американской недвижимости.

Получилось, что Америка приобрела много разных товаров, заплатив за них акциями своих компаний и недвижимостью. А это обесценилось и обесценится еще больше. То есть не стоит рассматривать эти события как катастрофу для Америки — это лишь завершение некоторой коммерческой операции, в дураках-то остались не американцы, а те, кто на черный день запас долларов, акций и недвижимости в США.

Но перспективная ситуация ухудшилась. Область применения доллара сузилась, и

спрос на него стал меньше. Это самое грустное, что становится некуда вкладывать доллары — и для долларов, и вообще. Просто не остается высокоприбыльных отраслей экономики!

Это не результат событий осени 2001 года. Этот кризис поразил американскую экономику несколькими годами ранее, а события только подтолкнули процесс, поскольку поколебали доверие инвесторов, до того бестрепетно несших свои средства в американскую экономику.

Ситуация необычна. В экономике понятия «прибыль», «прибавочная стоимость» — базовые. А вот как будет выглядеть экономика общества, которое уже не способно создавать новые ценности, а может только поддерживать ранее созданные? А если ресурсы для такого общества будут обходиться все дороже, то и ремонт уже построенного будет не по карману!

Но ситуация с отрицательным торговым сальдо ясно показывает: США уже не по плечу привычный уровень потребления. Рыночным, экономическим способом удержать свои позиции в мире будет все сложнее. Придется либо сокращать потребление (этот вариант развития событий я практически не беру в расчет, хотя в этом направлении некоторое движение идет) — либо искать какой-то путь гарантированного обеспечения ресурсами. А тут вариантов немного.

И надо еще учитывать, что потребности объективно будут расти, по мере удорожания ресурсов. Придется напрягать силы уже не только, чтобы сохранять уровень потребления, но и для перехода к новым технологиям — технологиям жизни в мире без нефти. Но ведь в этом случае масштабные инвестиции не скоро принесут отдачу — значит, в реальной экономике тот, кто работает на будущее — в настоящий момент отстает. Это еще один соблазн закрепить источники сырья за собой — на тот период, пока они не закончились.

Но это другая история — как выглядит экономика США и чем она живет. Для нас интересно — как скажется на ней ситуация ресурсного дефицита?

Если брать в общем и в целом, то США находятся не в самом худшем положении. Эта страна — самодостаточна, и может долго поддерживать индустриальное общество без импорта нефти и даже без ее добычи — угля в США довольно много. Но вот нынешнее положение сохранить вряд ли удастся.

Тем не менее, если в США существует «реальное правительство», не сильно озабоченное очередными перевыборами, но думающее о будущем американского образа жизни? Как оно представляет себе будущее и какую главную проблему намерено решать?

Последние события явно показали, что у Америки нет равноценных противников. Самое большее, чем могут угрожать Америке — террористи-

ческая атака, которая никак не может поколебать устойчивость экономики и истеблишмента.

Что там несколько небоскребов — даже ядерный удар террористов по нескольким городам ничего не сделает с экономикой, контролирующей мировую торговлю и монопольно владеющую не одной сотней ключевых технологий.

Угрожать Америке могут только объективные процессы.

Но ресурсный кризис — именно из таких.

ЗАЧЕМ США ВОЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НАД БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ И СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ

Потребители нефти не сплочены, они за нее конкурируют. Указывает на это тот факт, что цена на нефть, в среднем, выше ее себестоимости. А раз так, то конкуренция рыночная всегда может сопровождаться нерыночными действиями. Ведь грань эта очень размыта, и чистого рынка, «совершенной конкуренции» нет. Если подворачивается возможность прижать конкурента, как от нее отказаться? Это же не любительский бокс, речь идет о деньгах, о средствах к существованию!

Пример: многие слышали об иске швейцарской фирмы «Нога» к российскому правительству. Что-то там она поставила, и ей не заплатили, или вообще была какая-то махинация, но,

короче говоря, российское государство было официально, шведским судом, «поставлено на счетчик». Сумма не мала и не велика — речь идет о десятках миллионов долларов. Теперь любое государственное имущество может быть за границей арестовано (не всякое российское, а именно государственное — к частным российским компаниям это не относится). Подвергаются арестам, в частности, образцы военной техники на международных выставках, из-за чего мы не выставляемся, только макеты и стенды (вообще-то, и их могут арестовать). Поэтому наша деятельность по продаже военной техники осложняется. А ведь крутятся в этой сфере миллиарды!

Так вот вопрос: предположим, этой «Ноге» для продолжения борьбы потребуется помощь или деньги. И предположим, ее владельцы обратятся за этой помощью к совершенно посторонним организациям — производителям военной техники, нашим конкурентам. Помогут они «Ноге» или нет? Ответ очевиден. Конечно помогут! В отсутствие русских на салоне продашь партию самолетов — и вернешь затраченное с лихвой.

И в геополитике, в конкуренции уже не между фирмами, а между странами, действует подобный принцип. Надо создавать неприятности для своих соперников. Если у них уже есть неприятности — не надо помогать с ними справляться. Или помогать — за какие-то уступки по другим вопросам.

Вот поэтому страны-потребители нефти должны стараться, чтобы у стран-продавцов были неприятности. Поощрять конфликты внутри стран-нефтепроизводителей, сталкивать их между собой.

И каждая страна-потребитель, конечно, должна стараться уменьшить совокупный спрос на нефть — чтобы сбить цену. Это норма, никто такому поведению не должен удивляться.

Поэтому трудно верить, что основные потребители надеются на то, что рыночные механизмы доступа к нефти будут существовать всегда. И даже если Саудовская Аравия и Эмираты лояльны — они ведь могут стать нелояльны в будущем. И глобальные конкуренты могут их подкупить, например, Япония чуть не полностью снабжается саудовцами и в значительной мере вовлечена в тамошние дела. И нефть добывают совместные саудовско-японские компании, и даже в войне с Ираком японцы посылали свои войска в этот район. Формально проявляя солидарность с Западом, на самом деле — обозначить присутствие. Будет охлаждение между Японией и США, и японцы постараются уговорить шейхов поприжать Америку — и что тогда?

Я думаю, что даже если американцы на 101 % будут уверены, что саудовцы всегда будут к ним лояльны — для них нетерпима мысль, что дыхательная трубка будет в чьей-то руке. Выдернуть что-то жизненно важное из чужих рук — просто рефлекторная реакция.

Нам сильно повезло, что в США порой встречаются политики ковбойского типа, такие, как посол в СССР Р. Страус или президент Рейган. Первый громогласно объявил о выдаче Бакатиным схем закладной аппаратуры в новом здании американского посольства, чего Бакатин никак не ожидал. Прямо как книжку по древней истории читаешь. Как известно, когда царь Эпира Пирр II воевал с римлянами в Южной Италии, его личный врач тайно предложил римлянам отравить царя. Римляне его выдали, пояснив, что делают это не из уважения к царю, а ради достоинства римского народа, привыкшего и проигрывать, и побеждать честно. Конечно, и римляне на самом деле были не сахар, да и американцы информацией-то воспользовались, не побрезговали — все-таки любопытно. Но согласитесь — есть в поступке Страуса что-то имперское.

А второй изложил ряд принципов, которыми руководствуются американцы в деловых отношениях, произвел, можно сказать, ликбез. Один из них — «доверяй, но проверяй» — то есть, нет смысла заключать соглашения, выполнение которых нельзя проверить. Другой — и главный — «Имеют значение не намерения, а возможности». Блистательно!

Так вот какие возможности обеспечивают американский и западноевропейский контингенты в Средней Азии и на Ближнем Востоке?

Первая возможность: американцы могут, используя даже нынешние возможности базиро-

вания, оккупировать любую страну, свергнуть любое правительство и посадить свое. Местные условия там таковы, что серьезная партизанская война невозможна; да и практика показывает, что такие войны возможны только при поддержке великих держав.

Вторая возможность: американцы могут защитить регион от любой внешней силы. Кстати — и от западноевропейцев, устранив их от участия в тамошних операциях в любой момент — соотношение сил именно таково.

Что там может понадобиться американцам, что защищать?

Это существующие районы добычи и транспортные потоки. Потоки эти таковы: самый главный — танкерами через Ормузский пролив в Мировой океан. В этом районе у американцев сильные позиции — и в прибрежных Эмиратах, и на островах. Например, есть островное Бахрейнское княжество, с хорошими базами, полностью зависимое от американцев. Есть и проблема: северо-восточный берег Ормуза принадлежит Ирану, в случае конфликта это может стать препятствием, а захватывать плацдарм на иранской территории и удерживать его — тяжелая и большая операция, которая — если не применять атомного оружия — чревата большими собственными потерями. Но флота у иранцев мало, и повредить танкерам они могут только авиацией и ракетами берегового базирования, а с этим американцы могут справиться.

У ближневосточной нефти есть еще несколько путей во внешний мир, но единственный существенный — нефтепроводы к Средиземному морю. Самый короткий путь был бы через Израиль, но сейчас, в условиях арабо-израильского конфликта, это невозможно. Поэтому нефтепроводы идут через Сирию, затем нефть грузится на танкеры и затем уже поставляется в Западную Европу.

Отсюда видно (см. карту энергетических потоков), что именно в мировом масштабе Запад должен контролировать военным путем, если он захочет обезопасить снабжение нефтью. Во-первых, нефтедобывающие регионы: это восток Саудовской Аравии и вообще юго-восточное побережье Залива, а также район, где в Залив впадает Шатт-эль-Араб — то есть юг Ирака и Ирана. А также Кувейт и другие нефтяные Эмираты.

Затем выход из Залива — Ормузский пролив.

Затем Нигерию и Капский полуостров — это территория ЮАР. Это все в собственных интересах США.

Затем еще Сингапур — в интересах Японии.

Затем юг Сирии и часть сирийского побережья Средиземного моря — где нефтепроводы из Залива заканчиваются нефтяными терминалами, откуда нефть поступает в Западную Европу. И побережье Ливии. Это уже в интересах Западной Европы.

Это все на основе нынешней ситуации — когда Запад (включая Японию) представляет

собой политический монолит — и современной территориальной схемы размещения нефтедобычи. Интересно, что в этом случае США не только получат безопасность собственного обеспечения, но и будут держать руку на «кислородных шлангах» западноевропейской и японской экономик. Ведь в военном отношении контроль будет обеспечиваться почти исключительно американской армией.

Если же заглянуть немного вперед — то надо иметь в виду и те самые несколько миллиардов тонн (не то 2,5, не то 5), что находятся под дном Каспия. Пока считается, что они будут доступны Западу либо через российскую трубопроводную систему, либо через планируемый турками нефтепровод Баку—Джейхан. В обоих случаях конечным потребителем выступит Западная Европа. Но может оказаться выгоднее (политически выгоднее) качать через Южную Азию, по новому трубопроводу, заканчивающемуся где-то на берегу Индийского океана. Тогда потребителем среднеазиатских нефти и газа могут выступить и США!

В любом случае контроль над Средней Азией американцам не помешает. А из Средней Азии недалеко и до Западной Сибири! То есть в перспективе может появиться возможность получать нефть и оттуда, что интересно — минуя Европейскую Россию.

Правда, здесь ситуация на много порядков сложнее ситуации в Заливе. Не только наша

страна может воспротивиться доступу США к нефти Сибири. Сама природа выступает там достойным противником. Так или иначе, но для разработки тамошних месторождений участие российских специалистов будет необходимо. Правда, найти специалистов будет возможно — переехали же 80 % российских математиков на Запад?

А вот справиться с расстояниями и климатом будет все-таки непросто. То есть использовать эту нефть американцам будет сложновато и дороговато. А вот прекратить использование другими — возможно.

Есть одна деталь. Она тоже в порядке бреда. Выше говорилось, что американцы, наложив руку на Залив, могут при необходимости дозировать поступление нефти в Западную Европу. Какой необходимости? Тут мы должны отметить, что наш бред не такой уж бредовый: а если в Европе к власти придет Хайдер? Или Ле Пен? Или кто-то типа того лысого, которого так вовремя, перед победой на выборах, застрелил какой-то экологический деятель? И сама Европа не сможет с ним справиться, или даже его поддержит?

Так вот тут окажется, что для контроля над Европой средиземноморского краника американцам может не хватить. Есть еще и российские газо- и нефтепроводы, которые могут эту взбесившуюся Европу поддержать.

Так вот на такой крайний-крайний, бредовый-бредовый случай вполне реальные, совсем

небредовые американские базы в Средней Азии очень даже могут пригодиться. Потому что оттуда до нефтепроводов из Сибири в Западную Европу и самих сибирских промыслов не так уж и далеко.

Скажете — хватил через край? Видите ли, американцы в XX веке против Германии воевали два раза, укрощая ее амбиции. А в Западной Европе Германия сейчас несомненный гегемон, соотношение ее веса и весов Англии и Франции несравнимо с первой половиной XX века. Хотя Англия и Франция все еще ядерные державы. И сказать, что немцы американцев готовы в любой момент в рот целовать — это значит покривить против истины.

Как-то после передачи «Свобода слова с Савиком Шустером» я оказался в кулуарах с Сергеем Марковым, известным политологом. И там, за чашечкой кофе с печеньем, он высказался примерно так: «Я видел, как эти немцы в концертном зале слушали Вагнера. Чтобы они примирились с американской культурой, с Бивисом и Батхедом? Никогда!»

Что удивительного в том, что на случай будущих осложнений американцы готовят всякие варианты? Да, сейчас — друзья, и все такое. Но имеют значение не намерения, а возможности!

А вот то, что они — базы эти — нужны там, в Средней Азии, против Усамы бен Ладена или Джумы Намангани — ну что ж, желающие могут считать, что это именно так.

ПЛАН «КОВЧЕГ»

Встает естественный вопрос: зачем? Неужели американцы не понимают, что даже если возьмут под контроль оставшуюся нефть, она все равно кончится?

Очень интересно было бы знать, как представляют себе конец технической цивилизации современного типа «там». Как они собираются переносить резкое снижение всех возможностей — по производству еды, по топливу, транспорту. По потере качества медицинского обслуживания.

Размышления на эту тему не были запрещены в западной литературе, особенно фантастике, а у нас я что-то не припомню подобных произведений. Поэтому западное общество лучше подготовлено к восприятию и самой проблемы, и предложений по ее решению.

Так, мелькали сообщения о проекте «Ковчег». Доклад на эту тему делал в 1994 году в Белом Доме современный гений, английский астрофизик Стивен Хокинг. Полностью парализованный, общающийся с внешним миром с помощью компьютера, он «разумом обнимает Вселенную». Но снисходит и к частным задачам. По его мнению, Америка должна будет в последний момент перейти к политике нового изоляционизма, предоставив остальной мир его собственной судьбе, а до того постараться накопить ресурсы, потребные для перестройки в новую цивилизацию. Собравшийся в президент-

ской резиденции истеблишмент с благоговением внимал откровению. Возможно, потому, что откровение отвечало каким-то его подспудным мыслям и желаниям.

Присутствовал, кстати, кроме действовавшего тогда Картера и будущий президент Клинтон.

Есть ли там план? Задуман ли? Разработан? Утвержден? Реализуется ли?

Мы сможем считать, что он задуман и создан, если увидим приготовления к новому миру, миру, в котором не реализована мечта; миру жестокому, погружающемуся во тьму.

В начале XX века мир потрясла трагедия «Титаника». Оказалось, что величайшее достижение человеческого разума, вершина технического прогресса, победитель океана — бессилен перед тупой природой, перед какой-то дурацкой глыбой льда. Это было воспринято многими как знак грядущих в новом веке трагедий. И они не замедлили случиться. Но по иронии судьбы все трагедии XX века были не природного происхождения — причиной их был Homo tehnicus — «человек технический», которому, как оказалось, рано было узнавать о взрывчатке, ядовитых газах и ядерной энергии.

А в начале XXI века, 11 сентября 2001 года, случилась другая, ненамного более разрушительная, чем с «Титаником», катастрофа, но вызванная уже волей человека. Не значит ли это, что в XXI веке врагом цивилизации выступит уже бездушная природа?

Возможно и это.

Главный санитарный врач России Г. Онищенко — хорошо информированный оптимист. И он говорит так: «Современная популяция человека на 90 % вакцинозависима».

Расшифруем.

Всю свою историю человечество страдало от «моровых поветрий». «Моровых» — значит смертельно опасных, «поветрий» — инфекций, передающихся воздушно-капельным путем. К ним относится и Великая чума Средневековья, подарившая нам «Декамерон» — произведение, состоящее из рассказов молодых людей и девушек, удалившихся в загородную резиденцию, пока в городах бушевала смерть. Надо им было чем-то заняться, вот они и рассказывали друг другу веселые озорные истории.

Почти вся московская великокняжеская семья тогда, вскоре после Куликовской битвы, вымерла, за несколько лет сменились несколько великих князей.

Почему не вымерло все человечество?

Видимо, потому, что 100 % смертельных болезней нет, кроме бешенства. Абсолютно здоровый человек выдерживает любую болячку. Но если он здоров не стопроцентно — он может не выдержать. Только что перенес другое заболевание, недоедал, старый или малый, или еще что.

Или если он по какой-то причине не унаследовал от родителей часть генетического аппарата, отвечающего за устойчивость к болезням.

В среде молекулярных биологов принято считать, что генетический аппарат подвержен изменчивости, главным образом в форме потери части «наследственного вещества». Иногда это упрощение сходит с рук; но если потеряно что-то важное, организм может быть нежизнеспособен. Бóльшая часть летальных мутаций отсеивается еще в стадии зародыша, несостоявшаяся мать может даже ничего не заметить. Другие — на протяжении жизни. Но вот если у человека нет устойчивости к бубонной чуме, и он на протяжении жизни с ней не встретился — то передаст свой дефект дальше.

Прививки — это хорошо? Чарльз Дарвин сразу зачитал приговор: «Прививки портят человеческую природу». А ведь старик жил еще до молекулярной теории наследственности!

Понимаете, уважаемый читатель: возможно, вы и я непригодны для жизни в естественных условиях. Может быть, для нас корь смертельна, мы не умерли от нее только благодаря прививке и передали наш дефект своим детям. А они передадут его по цепочке до тех времен, когда уже не будет прививок — и при первой же глобальной эпидемии кори цепочка наших потомков оборвется, свеча погаснет.

Вот о том и говорит Онищенко: отмени сейчас прививки и противоэпидемиологические службы — и 90 % человечества останутся беззащитными, готовыми жертвами первой же эпидемии. А при общем обеднении человечества,

вызванном недостатком ресурсов, трудновато будет снаряжать из Европы экспедиции врачей в африканскую глубинку. Африка, поскольку она родина человечества, хранит в своих дебрях и многие болячки приматов. Поэтому смертельно опасные эпидемии появятся, скорее всего, сначала там. И действительно, многие геморрагические лихорадки имеют африканское происхождение. Хотя холера базируется где-то в Индии, чума — в степной зоне от Прикаспия до Северного Китая.

Но население европейской национальности более уязвимо, поскольку оно генетически единообразнее, раньше начало прививаться и больше занималось выживаемостью детей. Ведь в деле создания здорового потомства бóльшее значение имеет не случайная меткость, а густота огня, как шутят военные. Чем родить двоих полуздоровых детей и выходить их до фертильного возраста, с точки зрения эволюции лучше десять, с тем чтобы выжили двое. Они будут более приспособлены к жизни!

Вот и посудите сами, кто больше заботится об улучшении человеческой породы, цыгане или швейцарцы.

Вернемся к Африке. Онищенко — профессионал, и потому даже в популярных выступлениях выходит за рамки тривиального резонерства — и говорит не только о проблемах, но и о мерах борьбы.

Есть такая болезнь — оспа. Многие в детстве болели ветрянкой — оспа в легкой форме вы-

глядит похоже — на коже появляются прыщики, потом на их месте корочка, если ее сковырнешь — будет оспинка, рябинка.

В обычной форме оспа немного хуже. Если у вас была привита в детстве оспа, или был оспопривит кто-то из старшего поколения — посмотрите на оставшееся пятно на левом плече. Так вот, у переболевшего настоящей оспой кожа на всем теле и на лице выглядит, как поверхность этого следа от прививки — как после тяжелого фурункулеза. Это, конечно, не очень хорошо для психического и телесного здоровья.

А еще она бывает в форме черной оспы — то ли более тяжелый вариант вируса, то ли не совсем стойкий к оспе организм. Тогда вся поверхность тела, все слизистые оболочки, внутри и снаружи, слитно покрываются нарывами. Человек быстро умирает. Если выживает — то зачастую с вытекшими глазами.

Раньше оспа была очень распространена, хотя существовали и меры борьбы — карантины, за заболевшими ухаживали переболевшие оспой. Лечить вирусные заболевания и сейчас не очень-то умеют, эффективны только вакцинация и карантинные мероприятия.

Несколько лет назад считалось, что вирус оспы исчез. Население, и африканское в том числе, было почти поголовно привито. Но... каждый год оспа возникала опять. Это не самозарождение — резервуаром оспы служат обезьяны (родственники мы с ними, что бы

церковники старого закала ни говорили). Уничтожить всех обезьян? Такую задачу никто не ставит. И, видимо, не поставит. Значит — с оспой придется жить.

Вот Онищенко, Главный санитарный врач России, и вел бескомпромиссную борьбу... догадались, за что? Правильно. Чтобы сохранить в России вирус оспы, не дать его уничтожить. А американцы требовали от нас именно этого!

Кто не понял — поясню. Мы — великая медицинская и биологическая держава. Наши ученые первыми в мире клонировали млекопитающих; наши ученые создали вакцину от растворяющей внутренности лихорадки Эбола в самый решающий момент, когда у эпидемиологов мира уже «отдалась гайка». Для того чтобы такими вещами заниматься, нужно иметь коллекции генетического материала — культурных и диких растений, полезных и болезнетворных микроорганизмов. Есть у нас и самые опасные виды микробов и вирусов — без них не создать соответствующих вакцин.

Так вот американцы требовали от нас эти коллекции уничтожить. А то вдруг мы их поносом заразим; или допустим утечку чумной палочки прямо в руки международных террористов? И продавили-таки соглашение, терминальный срок которого был в мае 2002 года. Как будто мы, а не они вели бактериологическую войну против Кубы, как будто у нас, а не у них можно было анонимно

заказать по почте образцы сибирской язвы, вплоть до осени 2001 года.

Но соглашение осталось невыполненным. Это было, на моей памяти, одним из немногих светлых моментов в информационном потоке последних пятнадцати лет. У нас осталась коллекция вирусов оспы, а соглашение с американцами мы выполнять не стали.

Вот что мне придает оптимизма в жизни — это наличие мелкого чиновника. На этом типе держится государство. Яркий пример помню из конца 1980-х; в нашу организацию, хоть и неприметную, но, к счастью, через которую проходили согласование важные вопросы, пришел странный документ. В одной советской прибалтийской республике планируется строительство завода по производству больших интегральных схем. Одного оборудования — на миллиард, как сейчас говорят, «унылых енотов» (у.е., «условных единиц», то есть долларов. — *Прим. ред.*). И это в момент, когда наши меньшие братья вот-вот сделают нам ручкой! Самое ужасное — половина согласующих подписей на документе уже была! То есть мелкий чиновник, какой-то референт понимает, что эти деньги уйдут псу под хвост, а замминистры — в упор не видят!

Как же так? — с тоской сказал, зайдя в мой кабинет, сослуживец — тот самый чиновник, показывая мне пачку листов с обоснованием проекта.

И, что интересно, остановил-таки триум-

фальное шествие документа по московским инстанциям. Как? Есть способы. Может быть, этот проект еще успели пробить, может, и централизованные средства успели получить — но уже без Владимира А. Это большому чиновнику до лампады — а маленькому за державу обидно. Даже если он собирается уходить в бизнес.

Так вот, большого чиновника я люблю, только если в нем остается что-то от маленького. Короче говоря, не уничтожили у нас коллекцию вирусов оспы. Все чин по чину, договорились с американцами по-хорошему, не посылая их, куда Макар телят не гонял.

А летом 2002 года американцы объявили о начале поголовной вакцинации американцев от оспы. А то террористы заразят (откуда, кстати, они ее возьмут?). Заметьте, не ранней весной 2002 года объявили, не зимой — а летом, когда мы уже должны были бы от коллекции избавиться. Они бы провакцинировались, а мы?

А зачем это, ведь вакцинацию уже лет двадцать не проводят? А вот нужно. Мы воевали с оспой всем миром (буквально); но проиграли. Оспа уже победила.

Дело в том, что кое-где поголовной вакцинации от оспы проводить уже невозможно. Если больному СПИДом ввести вакцину, она убьет его, как настоящий вирус. А в Африке уже десятки миллионов больных СПИДом. И когда в Африке разразится эпидемия оспы, остановить ее будет нельзя.

Кстати, эта ситуация дает некоторые основания предполагать, что СПИД имеет все-таки естественное происхождение. То есть, верно такое предположение: американские врачи создали в 1950-х вакцину от полиомиелита из клеток печени шимпанзе и массово испытали ее в Центральной Африке, тогда и произошла передача обезьяньего вируса людям. Но за всю историю человечества, несомненно, были и другие контакты — укусы, люди многих обезьян едят... Почему человечество не вымерло? Вот и имеется гипотеза, что естественным регулятором была оспа. При ее эпидемиях ВИЧ-инфицированные вымирали.

Что сейчас делать?

Продолжать прививки в Африке, а больные СПИДом пусть умрут — те из них, у кого признаки болезни уже проявляются? Нельзя, медицинская этика не позволяет.

Проводить сначала диагностику СПИДа и прививать только здоровых? Это дорогое удовольствие, мир не располагает сейчас такими ресурсами, чтобы проверить на СПИД жителей Африки. И чем дальше, тем ресурсов будет меньше.

Кроме того, число заболевших там все растет, и при достижении критической плотности больных СПИДом эпидемия оспы прорвется по их цепочкам. Для развития эпидемии достаточно, чтобы лишь определенная доля населения была подвержена болезни.

Третий путь: защитить, провакцинировав,

свое население, а остальные пусть занимаются траволечением. Вот это этика позволяет. По этому пути американцы и пойдут.

Да, хороши бы мы были, уничтожив по требованию американцев свои бактериологические материалы.

В этом примере с оспой можно разглядеть контуры теории и практики «Ковчега». Модель такова: «островом», «ковчегом» остается североамериканский континент. Канада и США давно стали, по сути, единой страной, хотя при пересечении границы и соблюдаются некоторые формальные процедуры. Склонные к эмиграции у нас в стране хорошо знают, что Канада — один из каналов для оседания в США. После долгого периода колебаний, похоже, Мексика тоже будет «принята на борт». Был период, когда американцы пытались сократить легальную иммиграцию и прекратить нелегальную. На границе построили защитные сооружения, тысячи мексиканцев были застрелены при попытке перехода на американскую территорию. Тем не менее штаты, когда-то захваченные у Мексики, сейчас снова плотно заселены мексиканцами. Кто бывал в Мексике, жалуются, что там трудно найти знающих английский язык — все, кто хоть немного говорит по-английски, уехали в США.

Большую сухопутную границу защищать сложно — это долго удавалось только СССР, и это дорогое удовольствие. А вот океан, да еще

при сокращении международного товарооборота и обмена людьми — неплохая защита. И зачем США заниматься проблемами Африки и Азии? Им вполне хватит Латинской Америки, но контролировать океаны и узкий перешеек между Америками гораздо проще, чем западноевропейцам пути доступа к их «локальному раю».

Загадочная ситуация: почему недостроено Панамериканское шоссе? Оно играет важную роль в поставках в США сельхозпродукции из Южной Америки; по нему мясо аргентинских бычков через Анды доставляется в порты Тихого океана; но в Боливии остается совсем небольшой разрыв, не позволяющий напрямую проехать от Магелланова пролива в Канаду. Почему американцы не заинтересованы его достроить? Есть, видно, причина.

В общем-то, проект «Ковчега» — это модификация «доктрины Монро» — внешнеполитической политики США на рубеже XIX и XX веков. Эта доктрина предусматривала замкнутость на американских проблемах при весьма жестком контроле над южноамериканцами. На период «нефтяной эры» американцы от нее отказались, но сейчас она возвращается.

Мексика — конечно, проблема. Смуглые коренастые брюнеты с круглыми головами, они еще и католики. Но ведь переварили же США итальянцев и ирландцев.

Хотя есть и рецидивы прежнего отношения к мексиканцам. В «Звездных войнах», как извест-

но, начиная с первых же кадров главные положительные герои имеют подчеркнуто арийскую внешность — это блондины с голубыми глазами. Есть и несколько манекенные негроиды — явная уступка североамериканской политкорректности. А вот один из главных отрицательных героев «Атаки клонов» — наемник, с которого и наклонировали целую армию — явный латиноамериканец.

Или взять недавний фильм с тем же Кевином Костнером — где он отбивает жену у какого-то крупного мексиканского мафиози, а потом, после ряда малоаппетитных перипетий, побеждает его своим гуманизмом.

Хоть Мексика и североамериканская страна, но по культуре ближе к южному миру, и основная проблема США — как-то оторвать ее от других «латинос». Это уже происходит, и Мексика явно в привилегированном положении по сравнению с другими.

Это чувствуется по смягчению отношения к испанскому языку — расширяется двуязычие и в газетах, и на телевидении, и президенты особенно подчеркивают свою лояльность к мексиканцам. Видно по эпизодам из американских фильмов — там образы мексиканцев несколько человечнее, чем раньше. Раньше они были похоже на нынешних колумбийцев.

А мексиканцы скорее согласятся в мире будущего оказаться в ковчеге, чем вне его.

А кто еще войдет в эти «семь пар чистых» и «семь пар нечистых»? Посмотрите на таблицу:

Таблица 8

Добыча минеральных ресурсов
(кроме нефти и газа)

Продукция	Россия	США	Канада
Уран	73	98	476
Бокситы	62	0	0
Медь	1198	4392	1578
Молибден	20	286	44
Свинец	13	337	199
Цинк	129	644	1266
Никель	1728	10	1451
Кобальт	154	0	231
Золото	1494	4221	2044
Серебро	67	239	218
Платина	281	24	66
Алмазы	1400	2	0
Железные руды	1547	1343	789
Марганцевые руды	0	0	0
Хромовые руды	6	0	0
Титан	0	33	60
Олово	36	0	0
Фосфатные руды	379	1607	0
Калийные соли	216	207	689
Угли каменные	3876	44 413	2310

ов в некоторых странах мира
в 1996 году, млн долларов

ЮАР	Австралия	Китай	Весь мир
58	214	18	1443
0	714	91	2900
431	1202	1006	22 905
0	0	126	653
69	368	498	2090
79	1033	1149	7073
255	849	356	6914
0	110	0	877
6166	3601	1504	27 559
28	170	153	22 712
1356	1	6	1737
1050	360	1	5000
661	3157	5352	21 729
342	234	441	2397
512	0	9	1536
137	230	7	800
0	47	198	840
129	0	928	6300
0	0	6	1699
5727	6297	21 000	82 125

Горнорудное производство, млн долларов	12 679	57 856	11 421
Доля в мировом производстве, %	5,8	26.4	5,2
Население страны, млн человек	145,3	242,1	25,5
Территория страны, млн км²	17,1	9,4	10,0
Объем производства иа душу населения, долларов/человек	87,3	239,0	447,9
Объем производства в расчете на единицу территории, долларов/км²	741,5	6154,9	1142,1

Очень хорошо эта информация прочищает мозги тем, кто считает, что Россия — страна неисчерпаемых ресурсов. Эти ресурсы где-то там, за лесами за горами, их, может, и нет вовсе. А из таблицы понятно, что и где есть. США с Канадой почти полностью обеспечены всеми видами минерального сырья и гораздо лучше, чем мы — даже если считать с Европой, не вошедшей в таблицу.

Кое-чего на Североамериканском континенте не хватает (о нефти сейчас не говорим). Но это есть в двух других англоязычных странах, которые хорошо изолированы от мира «на сухом пути», зато отлично достижимы морским путем: это ЮАР и Австралия.

Вот и видны контуры будущего «Мирового

17 000	18 587	32 849	219 289
7,8	8,5	15,0	-
36,0	16,2	1060,0	5556
1,2	7,7	9,6	150,1
472,2	1147,3	31,0	39,5
14166,7	2413,9	3421,8	1461,0

Острова». Это своеобразная «Океания» (воспользуюсь терминологией Оруэлла), куда войдет еще, несомненно, Англия — как уж Канаде, Австралии и ЮАР без королевы? Так что в ЕС это «засланный казачок».

В этом ракурсе Европа, даже с Россией (в той же терминологии — «Евразия»), выглядит бедновато.

ЖАЛКО СЛОНИКА

Современные издательские технологии сильно упрощают производство книги. Автор предоставляет текст на дискете; верстальщик

его красиво оформляет и разбивает по книжному листу, вставляет иллюстрации. Потом книга распечатывается на прозрачных пленках на почти обычном лазерном принтере, и пачка готовых слайдов отправляется в типографию. С цветной обложкой немного сложнее, но именно немного. Издательство может состоять из 2—3 человек и размещаться в комнате малогабаритной квартиры, это и верстальщику удобнее — чем тратиться на проездной билет, он сидит себе дома за компьютерным столом.

Поэтому книга — если текст готов — делается очень быстро. И можно отреагировать на последние события, если нужда, даже когда книга практически печатается. Они, правда, слишком скоро устареют и забудутся, ведь книга — не газета, живет не один день.

Только что прошло наводнение в Центральной Европе. Разумеется, «из-за глобального потепления». Но видимо, у меня плохой характер. Слыша «из-за глобального потепления самое сильное наводнение за последние 120 лет», я, вместо того, чтобы удовлетвориться, задаю в пространство вопрос: «А то, случившееся 120 лет назад, да еще сильнее нынешнего, из-за чего случилось?». Ответа, естественно, не жду.

На рубеже прошлого и позапрошлого веков и в Москве было сильное наводнение, все Замоскворечье, все эти Ордынки, Полянки и Пятницкие на крыши повылезли, со своими кабыздоха-

ми и самоварами, еще хорошо, что погода была хорошая, без осадков. Тоже из-за потепления?

Человеческая особенность — удовлетворяться довольно странными объяснениями — небезобидна. Но это, видимо, присуще многим — каждый, что-либо сотворивший, испытывает потребность свои действия объяснять.

По каналу «Евроньюс» прошло страшное сообщение: в Пражском зоопарке жертвами наводнения 2002 года стали старый слон, любимец пражан, и огромный гиппопотам. Их не смогли вывести в безопасное место, и, когда их загоны залило, их «застрелили, чтобы они не утонули». В их же, так сказать, интересах.

В последующих сообщениях о бегемоте упоминать перестали, понятно почему: гиппопотам по-гречески, вообще-то, значит «речная лошадь»... чтобы не утонуло водное животное... глупо как-то звучит. Даже до сотрудников СМИ дошло. К счастью, оказалось, что бегемот остался жив. Когда сошла вода, его обнаружили на втором этаже слоновника, голодного и злого, я думаю, в основном на журналистов.

Да все понятно: не из милосердия слона убили. Выберется огромный зверь на свободу, да в стрессовом состоянии: как он себя поведет? А Европа — она такая маленькая, хрупкая... Вот и обезопасились, по-другому не сумели. А чтобы дети не плакали — вот и объяснение: «Чтобы слоник не утонул — его тюк — и пристрелили».

Посмотрим, ради интереса, экологи, гринписовцы эти пресловутые, что-нибудь продемонстрируют по этому поводу? Капитан Никитин, Пасько опять же — их сфера интересов, водное пространство.

Слоны, кстати, отлично плавают — и реки переплывают, и морские проливы, а бегемоты купаются даже в океане, довольно далеко от берега — были фотографии в «Нэшнл джиогрэфик» одного алабамского фотографа.

Я искренне рад за бегемота. Он боролся и победил. А слона жалко до слез. Он пал жертвой человеческой неспособности к предвидению, причем был совершенно беспомощным, все решили за него. Ну неужели нельзя было ему какой-нибудь островок насыпать для «отстоя»? Кран подогнать, самосвалов с десяток? На удивление в этой Европе мало техники про запас, судя по репортажам «Евроньюс» — все вручную, ни скреперов, ни самосвалов, хоть бы засыпку мешков песком автоматизировали. Народу, правда, много, не как у нас — от деревни до деревни на семи собаках не доедешь.

Но это я не про слоника, хотя его и жалко. Просто события действительно накатываются, и темп ускоряется.

Лестер Туроу (Lester C. Thurow), профессор Массачусетского Технологического Института (в некотором смысле американский аналог нашего МГТУ им. Баумана) написал в конце 1990-х книгу «The future of capitalism», у нас она

была переведена и издана новосибирским издательством «Сибирский хронограф» в 1999 году под названием «Будущее капитализма». Книга эта довольно популярна во всем мире, тем более что автор достаточно известен — он был экономическим обозревателем таких изданий, как «Нью-Йорк таймс» и «Ньюсуик». Подозреваю, что как раз его статьи в значительной степени повлияли на формирование моих взглядов — некоторые из таких изданий я как раз читал в конце 1980-х — начале 1990-х, не обращая, правда, внимания на имена авторов.

Одна из самых сильных метафор Туроу — уподобление экономических процессов геологическим. Огромные тектонические плиты движутся со скоростями в несколько сантиметров в год; сталкиваются, давят друг на друга, напряжение в слоях растет; и вдруг, в несколько секунд, напряжение, копившееся сотнями лет, разряжается землетрясением. Плита, наконец, раскалывается, или сдвигается одна относительно другой.

Напряжение росло все предыдущие десятилетия. То, что называется сейчас «глобализацией» — то есть победа в мировом масштабе либеральной доктрины «lasser-faire» — кроме хорошего принесла и проблемы. Реальная зарпл ата, например, в США, начиная с 1970-х, только падает; статистика уже давно старается приводить цифры доходов на семью, а не на работающих — потому что американским женам, в

отличие от периода 1950—1960-х, пришлось выйти на работу, чтобы поддержать свои семьи. Уровень зарплаты кое-где в США таков, что европейским производителям стало выгодно переводить автосборочные производства в южные штаты США! Разумеется, не для работы на экспорт (все же не Корея), а для американского рынка — но тем не менее.

Европейский рынок после падения Берлинской стены и строительства новой по польско-белорусской границе обрел законченные очертания, и американский зонтик Европе ни к чему. США лихорадочно ищут поводы, чтобы доказать Европе свою необходимость, но сталкиваются и с собственными проблемами, которые никто не может решить, даже сами американцы.

Вы думаете, только сейчас появилась идея сделать мировые цены на нефть низкими, а внутри стран-потребителей — высокими за счет налога, с тем, чтобы использовать сверхприбыль самим, а не отдавать шейхам? Или создать резервный фонд нефти, чтобы парировать скачки нефтяных цен? Да наш любимый Джо Сорос это предлагал еще в 1982 году. Причем проработал проект на «ять», с такими подробностями, которые не сразу и в голову приходят. Например, заставить нефтеэкспортеров продавать нефть прямо в месторождениях (поскольку хранить ее в специальных хранилищах — дорого). Такие месторождения будут отличаться тем, что уже не станут управляться нефтепроизводите-

лями. Тем из них, кто участвует в таком соглашении, придется выплачивать часть налога, собираемого странами-потребителями, а кто не участвует — ходи голодный, продавай по себестоимости. И развитые страны еще посмотрят, кого принимать в соглашение, а кого нет. И так далее.

Сорос тогда обогнал свое время. Пока был Советский Союз, этот номер не прошел бы, такой вариант возможен только при полном политическом подчинении нефтеэкспортеров. По-русски он называется «Отдай жену дяде, а сам ступай к... кому-то другому», а та требует свободно конвертируемой валюты, а не мусор вынести.

Сейчас такой фокус вполне реален. Главное — не спугнуть, как на охоте за зайцами-русаками. Увидел зайца на лежке в поле, хочешь подойти поближе, не иди к нему прямо — а как бы стороной. Так можно приблизиться и на выстрел.

Зайцем тут становятся 35 % мировых запасов Саудовской Аравии и Эмиратов (с Кувейтом), их нужно безоговорочно прибрать к рукам. Но, чтобы не спугнуть — следует сначала прищемить самых неуступчивых — типа Ирака, судьба которого практически решена. Лучше всего — пригласить к участию в войне клиентов следующего этапа — как пригласили к участию в «Буре в пустыне» Сирию и саудовцев.

Проблема только в том, что нужно ведь и подготовить почву в собственном обществе

для давления на своих же союзников — это не делается за несколько дней. То есть необходимо дать понять: что саудовцы, конечно, были свои... но теперь они уже не очень свои... и вообще сильно-таки за последнее время испортились!

Но события, как уже говорилось, ускоряются, накатываются на нас, как грузовик, затормозивший впереди. Книга уже была в верстке, когда подоспели очередные.

По возможности стараюсь избегать выражения «западные аналитические центры». Я не думаю, что это действенные и полезные организации, хотя на них принято кивать, говоря о стратегическом планировании наших вероятных партнеров. Просто в интеллигентской среде постоянно присутствует мечта о существовании в качестве советника при власти. Это идеальная работа, поскольку советник никакой ответственности не несет — она вся на политике. По-моему, стратегическое планирование осуществляется теми, кто непосредственно находится во власти, а советниками могут выступать, в крайнем случае, у власти побывавшие — хотя, раз уж они вышли в тираж, а не «остались в бизнесе», то к их оценкам нужно относиться критически.

По-моему, роль этих «аналитических центров» — «связь с общественностью», они «вбрасывают» в общественный круг внимания то, что нужно, для чего пришло время. То есть вот именно они — настоящий «пиар» (PR, «public

relations»), а не те, кто учит кандидатов в губернаторы сморкаться в платок.

Вот поэтому я и старался избежать упоминаний о такой конторе, как РЭНД Корпорейшн (RAND Corp.), поскольку не считаю ее независимой организацией аналитиков, работающей иногда по заказам правительств Запада. Но тут промолчать не могу, поскольку информационный повод с ней связан.

Именно сотрудник этой конторы Лоран Муравич (Laurent Muraviec) назвал-таки кошку кошкой на заседании совета по оборонной политике США (совет этот состоит из старых зубров типа Киссинджера) 10 июля 2002 года. Естественно, немедленно возник «эффект разорвавшейся бомбы» и прочее, что полагается при вбросе «утечек информации». Естественно, Саудовская Аравия теперь уже «средоточие зла» и «предоставляет огромные средства исламскому терроризму», «прижать их к ногтю, пока не поздно». Судя по терминологии, это как раз пиар-акция, выхода из круга голливудских представлений об окружающем мире там даже не намечено, да такая задача и не ставилась.

Ну какой там «эффект разорвавшейся бомбы»? Как только была обнародована информация, что 16 из 19 террористов — саудовцы, эта «бомба» была только вопросом времени. А информация эта появилась еще до войны в Афганистане, едва ли не в сентябре 2001 года. А что бен Ладен — саудовец, а никакой не талиб и не афганец — кто не знал?

Еще нужно отметить, что затраты на террористический акт 11 сентября, по всем подсчетам, укладывались в сумму до 1 млн долларов. То есть не финансовая подпитка тут играла роль (такие деньги может выделить даже один не очень богатый предприниматель, а не только нефтяная супердержава или спецслужба развитой страны Запада или Востока). Тут была высокая степень организованности и убежденности — и причем тут Саудовская Аравия? В подавленной, уничтоженной стране даже скорее появятся желающие отомстить Америке таким способом.

Официальные лица США открещиваются и от этого доклада, и от всяких подозрений в адрес Саудовской Аравии... но ведь 25 % мировых запасов нефти! А через 20 лет — и все 50 %! Как от этого откреститься?

Какие у Саудовской Аравии перспективы, если никто ее не защитит? Напомню лишь сведения из исторического очерка об Объединенных Арабских Эмиратах. Раньше они назывались Договорным Оманом (в отличие от нынешнего, просто Омана — тот рядом). Почему «Договорного»? Потому что англичане (Ост-Индская компания) предложили в 1820 году жившим там племенам договор с некими условиями. Кто с ними согласился — те и стали Договорным Оманом. Да, но были и те, кто не согласился. Где они? А их нет — полностью уничтожены.

Так что этот картель, генеральное соглашение между производителями и потребителями

нефти, который мы мысленно сконструировали и который в 1982 году предлагал Джордж Сорос — вполне может быть заключен. Не сейчас, а после ряда драматических событий.

Интересно: что было бы поставлено в пику саудовцам, если бы не было этой самой террористической атаки на здания Всемирного Торгового Центра?

Еще интересно: а как сами американцы считают, почему именно они являются главной мишенью террора? Какая у них на этот счет концепция принята? Видимо, они искренне принимают схему: «Американцы — хорошие и добрые. Поэтому плохие и злые не хотят оставить нас в покое». Логично и разумно. Правда, есть и еще хорошие и добрые люди в мире, помимо американцев.

Но, пожалуй, не менее интересно: почему именно Всемирный Торговый Центр становится уже не первый раз объектом террористических атак? Мы вот углубились в нефтяную тематику. А ведь торгуют не только нефтью, и о мировой торговле тоже не стоит забывать. И не стоит забывать, что, по мнению некоторых знающих людей, она не совсем стихийна, а контролируется, а раз так — контроль тоже становится объектом дележа и перехвата, а не только месторождения нефти. Кто и как — закроем эту страницу и помолчим в благоговении. «Не знаем и не узнаем».

Вы, наверно, удивитесь: неужели такие незамысловатые ходы и приемы могут сработать,

и мир Запада захватит контроль над мировыми источниками нефти, как было предусмотрено «Атлантической хартией» 1941 года, и США будут гарантом этого контроля? Вполне может быть. Срабатывает же пока. На той же странице «Коммерсантъ'а» за 08.08.2002 года можно прочитать, что Запад простил Муамара Каддафи (4 млрд тонн, 3 % мировых запасов) за «Боинг» в Локерби и уже приглашает его к участию в войне против Ирака (12 млрд тонн, 9 % мировых запасов). В этом предложении учитывается некая предыстория: в 1980-х годах Ливия поддерживала Иран в войне против Ирака, но то было совсем другое дело. Купится ли полковник на такую дешевую приманку? Простит ли американцами убийство своей дочери?

А обозреватель газеты излагает там же: «Ведь всем ясно, что международный терроризм нельзя победить до тех пор, пока такие страны, как Саудовская Аравия, получают нефтяные сверхприбыли». А вот всем ли ясно, кто должен эти сверхприбыли за саудовцев получать? И всем ли ясно, какова цель этого терроризма, и можно ли, не представляя этого, с этим терроризмом справиться? Ведь пока цель не определена и не обнародована, есть место для совершенно чудовищного предположения, провокационно высказываемого некоторыми безответственными лицами — что весь этот терроризм — порождение самого Запада для обоснования захвата нефтяных источников. Даже если исполнители

и непосредственные руководители действительно саудовцы — можно сделать ведь и так. И если после захвата нефти Западом терроризм вдруг прекратится — это будет скорее доказательством этого самого чудовищного предположения.

Сами понимаете, что гораздо больше доверия, чем эти самые «вольные аналитики», вызывают такие экс-чиновники, как директора ЦРУ или начальники Первого Главного Управления КГБ СССР. А они говорят так: «Для начала США нужно уменьшить свою зависимость от нефти Саудовской Аравии. Мы должны производить больше возобновляемых видов топлива. Мы должны провести нефтепровод в Россию для того, чтобы на русских приходился больший сектор мирового рынка нефти. Кроме того, нам необходимо не только увеличить свои собственные запасы нефти, но и потребовать от своих союзников, чтобы и они сделали то же, и тогда, если саудовцы пригрозят использовать нефть в качестве оружия, мы были бы в состоянии нейтрализовать его действие. Все эти меры позволят подорвать способность саудовцев применять то единственное средство, на котором основывается сила их государства. Саудовская Аравия была когда-то союзником Америки в холодной войне, даже нашим другом. Теперь эти времена прошли». Так пишет в немецкой «Ди Вельт» за 08.08.2002 Джеймс Вулси (James Woolsey), директор ЦРУ с 1992 по 1995 годы.

Как импозантно выглядел король Саудовской Аравии Фейсал-ибн-Сауд, восседавший на троне в своем бурнусе. Ни много ни мало — потенциальный освободитель Иерусалима от власти Израиля. Никого-то он не освободил, хотя и финансировал палестинцев, а сыграл в истории не слишком благовидную роль. Как и его наследник король Фахд. Боролись с коммунизмом, обеспечивали прикрытие финансированию американцами войны в Афганистане, например.

И для Фейсала лично дружба с США пользы не принесла. Шейхи плодовиты, принцев много, а «в большой семье не щелкай клювом» — какой-то принц, особа королевской крови, застрелил короля прямо на официальной церемонии, и был, по закону, назавтра казнен отсечением головы. И сейчас там, в королевской семье династии Саудов, что-то происходит. Мор напал на принцев, то автомобильные катастрофы, то еще один принц в пустыне заблудился и умер от обезвоживания организма. Как тот бегемот, который чуть не утонул.

И оказывается, что и стране в целом дружба с США ничего особо хорошего не дала. Оказывается, и доход саудовцев на душу населения упал с 1980 года в три раза. А главное изменилось — отношение западного мира. Забыли шейхи восточную мудрость: «Выполненная услуга недорого стоит».

Остается только диву даваться, что и у нас имеются люди (и мы их почему-то не вымазы-

ваем в дегте с перьями), которые на голубом глазу предлагают нам повторить триумфальный путь Саудовской Аравии: от «союзника» и «друга» к изгою и второму блюду на пиру глобальной экономики.

Забыли судьбу Чаушеску? То он диссидент и фрондер внутри социалистического блока, не согласен с Брежневым по вопросу Чехословакии, дружит с Израилем — и Запад его любит, по «голосам» только и слышно: «Чаушеску — ах, Чаушеску». Английская королева ему титул барона присвоила, во как! Нужда отпала — пристрелили, как собаку. В истории бывает многое.

Да, с позицией руководителей ЦРУ понятно, а наши-то что говорят? Что действующие — не знаю. А Леонид Шебаршин (тоже руководитель разведки в 1990-х, только нашей) в передаче «Русский дом» (держится такая до сих пор на телевидении, уж не знаю как) сразу по итогам теракта 11 сентября, по-моему, еще до вторжения в Афганистан, так и сказал, без экивоков: «Да нефть это, это американцы мировые запасы к рукам прибирают».

ЧТО МЫ ВИДИМ

Что мы видим сейчас? Есть мудрость в «Искусстве войны» величайшего военного теоретика Сунь Цзы: «Сначала будь как невинная девушка — и враг сам откроет тебе дверь. Потом будь как вырвавшийся заяц — и враг ничего не

успеет сделать». Когда маскировку больше нельзя соблюдать, то действовать нужно быстро. И сейчас именно это происходит — лохмотья маскировки сдувает ветром — так быстро несутся Соединенные Штаты. У них теперь простой и понятный план: захватить нефтяные ресурсы Земли и гарантировать их использование в интересах США в первую очередь, остальные — лишние, «скрипач не нужен». Не нужна теперь и Европа, она была нужна во время холодной войны.

Помните, я писал где-то ранее, что сейчас другие времена, торговые отношения между государствами регулируются едиными правилами ВТО? Так вот и я попался на пропагандистский миф. Сейчас полным-полно межгосударственных торговых соглашений. Только что в США принят закон, упрощающий заключение торговых договоров, теперь американский президент меньше связан бюрократическими процедурами. Грядет новый протекционизм, когда сильные державы конвертируют свою мощь и политическое влияние в материальную выгоду, создавая собственные «зоны», куда другим хода нет. И мы тоже заключаем такие договора, как недавний с Ираком, вызывая приступ бешенства у некоторых наших «партнеров», и это правильно.

Я упоминал Джорджа Сороса. Он не без убедительности доказывает, что современная экономическая доктрина — либеральная доктрина — является лженаукой. Также Сорос не любит и

марксизм, признаваясь, что с юности находился под влиянием «Открытого общества» Карла Поппера. Но эта библия либералов — прочитайте ее — по сути и является дешевой агиткой, не имеющей ничего общего с полемическим исследованием. Сорос ошибался и чувствует, что ошибался, когда не признавал за марксистским методом научности.

А вот мне чем дальше, тем больше кажется, что марксистский метод если не всеобъемлющ, то часто практически полезен, по крайней мере в некоторые исторические моменты. Он связывает действия фигур на геополитической доске с их интересами. Я читал периодику времен перед Второй мировой войной — и поражался, как точно марксисты того времени предсказывали ход событий! Как они предупреждали тех, кто способен слышать, что после испанских городов бомбы посыплются на Париж и Лондон!

Не хочу сказать, что капиталистические лидеры были глупее. Но конкурентная среда отучает от искренности. А главное — у Англии тогда не было выбора: остановить Германию можно было только неэкономическим путем. Все говорит о том, что англичане сознательно развязывали войну в Европе и, не надеясь на свои силы, рассчитывали на столкновение немцев с русскими и с Америкой. Все больше я убеждаюсь в том, что, хотя Советский Союз был ненавистен и Черчиллю, и Чемберлену — но главной проблемой для них была экономическая мощь Германии.

Англии была нужна большая война — но такая, чтобы англичане почти до конца отсиделись на своем острове.

И им почти удался их план — с единственной корректировкой. Что «с возу упало» — подобрали американцы, а не англичане.

Ведь не случайно, именно у англичан сидит предатель Резун, пишущий книжки о Сталине — поджигателе войны, который чуть ли не назначил Гитлера германским канцлером, чтобы был потом повод воевать с Германией. Каждый судит по себе, а в своих грехах обвиняет других. Нам-то в войне с Германией какой был интерес? А англичане без войны теряли мировое лидерство.

Предвоенные коммунисты говорили о событиях правду — им-то чего было скрывать? Это ведь им предстояло складывать головы в войне с фашизмом.

А теперь прочитайте обширную цитату: «Борьба против глобального апартеида будет во многом определять международные отношения в XXI веке. Мир, если он хочет уцелеть, а не погибнуть от алчной гонки за природными ресурсами, умножающей число военных конфликтов, уберечься от западного потребительства, создающего опасность экологической катастрофы, должен будет прийти к формированию новой системы. Она не возникнет в одночасье, как результат некоего коллективного или индивидуального озарения. Ее нужно создавать. И заниматься этим необходимо

именно сейчас, когда в нынешнем крайне нестабильном мире продолжает нагнетаться военный психоз».

«Глобальный апартеид» — это тот самый проект «Ковчег», а в остальном — что неправильного написал Геннадий Андреевич? Это цитата из его брошюры «Глобализация и международные отношения». Вот марксисты! Старый конь борозды не портит. Пожалуй, могла бы эта пролетарская партия играть у нас и более важную роль — если бы в современной России был пролетариат.

Прекрасные слова о «формировании новой системы». Но только совмещать борьбу с «Ковчегом» и «построение новой системы» придется не из-за нашего желания, а в силу жестокой необходимости.

Не я «нагнетаю военный психоз». Войной пахнет в воздухе! Не знаю, успеет ли выйти эта книга до начала войны в Ираке, хотя им дело не ограничится. Военный психоз усиливают США и речами, и действиями. США ввели ограничения на импорт стали. Это не антирусская акция — из 40 миллионов тонн стали, попавшей под запрет, нашей — меньше миллиона. Но зачем это США? Ведь своя сталь получится дороже, а экономика и так то ли бесприбыльна, то ли убыточна. Один ответ может быть: это мера для развития собственной сталелитейной промышленности. При угрозе войны — шаг логичный, в остальных случаях — нет. А еще им подрывается соответ-

ствующее производство в Западной Европе, то есть это акт явно недружественный — но, может быть, и превентивный удар по европейской экономике.

Я несколько раз упоминал Черчилля, иногда иронически. А он был великий человек — да, он не постеснялся бы украсть копейку из кармана, но не для себя, для Англии. И его величие было — в его решительности. Кто не слышал древнюю латинскую пословицу: «Кто предупрежден — тот вооружен». Но ведь и имея оружие, нужно уметь им пользоваться; и, главное, иметь решимость пустить его в ход. Именно отсутствие решимости чаще всего подводит даже и вооруженного. А Черчилль был последним политиком Англии, от которого можно было бы ожидать слов в поддержку СССР — именно он был инициатором интервенции в Гражданскую, таких политиков даже в Англии было немного. И именно он сразу после 22 июня 1941 года резко развернул политику Англии, которая лишь годом раньше собиралась воевать с Советами — в сторону тесного союза с СССР. А ведь возможны были и варианты — например, мир с Германией, оплаченный Украиной и частью России.

Что происходит в Европе? Впервые со времен Рима цивилизованная Европа объединена в единое государство, с единой валютой и своим правительством — Еврокомиссией. Правительство это пока не очень эффективно, но ему ско-

ро будут предоставлены бо#льшие, чем сейчас, полномочия. Национальные правительства их потеряют. Расширению полномочий Еврокомиссии противятся правительства Англии, Франции и Испании, но Германия с объединившимися вокруг нее малыми странами (вам ничего это не напоминает?) стоит за дальнейшее объединение Европы. И ясный сигнал подало консультативное объединение 20 крупнейших корпораций Европы, среди которых есть и французские, и английские — крупный капитал высказался за германский вариант.

Евросоюзу Америка не нужна. Европа слабее экономически — и, возможно, эта слабость — плата за защиту от коммунизма, которую когда-то обеспечивали США. Но и Европа мешает американцам — европейцы претендуют на ресурсы!

Есть некоторая параллель с событиями V века до н.э. Тогда был золотой век Афин. В Афинах были возведены такие архитектурные сооружения, что сейчас все человечество не в состоянии их отреставрировать. А смогли их построить Афины, потому что были гегемонами и казначеями Морского, или Афинского, союза. Но когда торговая конъюнктура в Средиземноморье ухудшилась, афиняне начали сгонять купцов других стран союза с удобных мест на рынках, и дело кончилось войной. Сейчас ситуация похожа — экономическая конъюнктура плоха, «пряников сладких» на всех не хватает. Сейчас Америка начнет сго-

нять прочих с их торговых лотков: это уже началось. Вот и когда-то поделившие мировой рынок авиаконцерны «Боинг» и европейский «Аэробус» сцепились в схватке, в ход идет демпинговое оружие.

Ошибка в таком деле, конечно, опасна, но я скорее уверен, чем наоборот: напряженность между Западной Европой и Америкой будет нарастать, и это проявится при развитии событий на Ближнем Востоке.

ТРУДНЫЕ РЕШЕНИЯ

Мы близки к ситуации, когда от России потребуются решения.

Так что же такое Россия? Не стоит ни преувеличивать, ни преуменьшать наши возможности.

Самое неприятное, что нас не воспринимают как самостоятельных игроков. И совершенно правильно: в наших действиях нет плана, нет заботы о будущем, нет этого самого «хлопобудства». Если мы покажем, что думаем — будут воспринимать по-другому. Не как того пражского слона.

Пока мы не субъект, а объект: США видят в нас гарантию сырьевой независимости Америки от исламского мира; Западная Европа — гарантию сырьевой независимости от Америки; те и другие — гирю на весах конфликта Америка — Европа.

Как нас хотят использовать? Чтобы ликвиди-

ровать доминирование США? Или угрозу доминирования ЕС? Или угрозу доминирования Германии в ЕС?

Видимо, правильным решением было бы предложить этим «глобальным игрокам» предъявить их концепцию будущего, их план жизни в мире без нефти. И к выбранному «бизнес-плану» присоединиться.

Трудно принять решение. Неизвестно, кто победит. К Европе мы ближе, но не слишком, им до нас трудно добраться. А Америка уж очень сильна и экономически, и ресурсно — особенно вместе с другими англоязычными странами. Но другого пути — кроме как сыграть на их противоречиях — у нас нет.

Нам нужно предлагать и свои проекты. И играть свою маленькую игру. Защищать других «сырьевиков» от кабальных торговых договоров. Поговорить начистоту с саудовцами. Было бы очень полезно не только объединиться с ОПЕК (а не разрушать им коммерцию), но и послужить мостиком для сближения нефтепроизводителей. Например, постараться сблизить саудовцев и Ирак, которые традиционно друг друга не переносят (есть за что). Но сейчас-то уже пора стать выше. Россия могла бы что-то гарантировать в их непростых отношениях.

Только нужно понимать, что деятельность, по сути, ради подорожания нефти может нам дорого обойтись. И будет совершенно дурацкая ситуация, когда рискует страна, а прибыли

получают частные компании-нефтеэкспортеры. Еще глупее, если некоторые из этих компаний будут против такой согласованной политики и будут действовать в пользу потребителей нефти.

Несомненно, нужен тесный союз с Ираном. Наши страны владеют большими запасами газа, и нам нужна скоординированная политика, к тому же Иран — мостик к нашему союзнику в Закавказье — Армении.

Но нужно трезво представлять, что против Запада в целом такое рыхлое образование не может вступить в силовое противоборство. И выглядеть это будет не слишком красиво — борьба за сверхприбыли. Поэтому у нефтеэкспортеров должно быть собственное видение будущего, и сверхприбыль, отспоренная у Запада, должна не тратиться, а инвестироваться. Здесь есть интеллектуальная задача: нужно обобщить наработки по Фондам Будущих Поколений, которые есть в других странах, и, может быть, предложить что-то общее.

Вот чего делать нельзя — знаю точно. Вспоминается мне один охотничий рассказ. Охотник, возвращаясь с добытыми лисами, попытался сесть на проходящий поезд. Поезд там не останавливался, но притормаживал. В тамбуре стоял проводник, подбадривая охотника: «Давай, давай». Тот передал ему рюкзак с лисами, он их с готовностью принял. Но когда охотнику на бегу пытался подать собаку, проводник ограничивался только подбадривани-

ем. Кричит «давай, давай», а собаку не взял. Охотник некоторое время бежал за поездом, а затем отстал.

От нас требуется забросить в отходящий поезд сначала наши ресурсы. А потом? А нас-то пустят хотя бы в тамбур? Не останемся ли мы на заснеженных шпалах с собакой в обнимку?

Нет, ребята-демократы. Скажите нам сначала, куда идет ваш поезд. А ресурсы — потом.

А кто делает не так, а нам и нашим детям во вред — будет проклят. И может быть не только потомками — времена и в России меняются, кто-то этого не знал?

Вы прочитали мою книгу? Я предупредил. Предупреждаю также: ситуация еще хуже, чем я пишу.

Я очень рекомендую прочитать «Проблему 2033» В. Пономаренко, она есть в Интернете. Насколько я согласен с аргументацией и выводами автора — это отдельная история, но такую выдающуюся работу просто необходимо знать. У нас немного другое положение по сравнению с автором «Проблемы 2033». Он — украинец, а мы — граждане страны, все еще остающейся не объектом, а субъектом истории; мы можем попытаться ее, историю, изменить.

Согласен же я с его основным выводом: поздно уже искать истину. Как Сократ высказался по поводу престарелого философа, искавшего добродетель: «А что он с ней собирается делать,

если найдет»? Нам нужно подвести итоги, сделать выводы из прошлого и подумать, как добиться возможности сохранить основу человеческой культуры, пока остаются государства и техническая цивилизация.

В чем нам поможет основополагающее качество разумного существа, которое Фридрих Ницше именовал «героическим пессимизмом», а Антонио Грамши «пессимизмом разума и оптимизмом воли».

Москва, 2002

Послесловие ко второму изданию

Дорогой читатель!

Хочу перед вами повиниться. Эта книга могла бы быть лучше, если бы... если бы не спешка.

А торопился автор, чтобы успеть выпустить ее до войны. До той самой войны в Ираке, которую мы с вами уже увидели на экранах телевизоров, можно сказать, в прямом эфире.

Увы, я оказался плохим прорицателем. В этой книге я писал, что предстоящая война США с Ираком произойдёт скорее всего осенью, а она произошла весной. Просто американцы знали что-то такое, чего не знал я.

Не совсем был я готов и к той тактике, которую продемонстрировали американцы. Хотя, если бы прочитал книгу М. Калашникова «Гнев орка» (она вышла одновременно с моей), хотя бы даже тот отрывок, где говорится об «астероидных группировках» сухопутных войск, — то быстрее бы понял, что там происходит. Удачное название! Ведь человек так устроен, что может обдумывать явление, только если оно как-то называется.

В остальном же сейчас, через год после выхода в свет первого издания, трудно найти в книге что-то, что устарело или хотелось бы изменить. Сейчас уже не так, конечно, интересен прогноз падения доллара относительно евро — ведь это уже реально произошло через 3-4 месяца после выхода первого тиража. Кто не поверил и не поменял сбережения в сентябре 2002-го — я не виноват, я предупреждал.

Но вот только не надо делать распространённой ошибки и считать, что падение доллара — это начало конца Америки. Нет, это вовсе не так. Доллар вполне управляем. И Европа ещё столкнётся с массой проблем из-за слишком дорогого евро и — вполне возможно — предпримет шаги по выравниванию соотношения до уровня примерно евро за доллар. Ведь пока евро дорог — дороги (по сравнению с американскими), а значит и неконкурентоспособны, и европейские товары и услуги.

И вообще спустя несколько лет уже не так будут важны параметры финансовых систем, как физический контроль над сырьевыми ресурсами.

Нет, рано списывать США в утиль. Казалось ещё два года назад, что Германия уже чуть ли не гегемон в Европе и вот-вот бросит вызов Америке — а сейчас она изолирована и почти не имеет союзников.

Прав ли был автор, вскрывая в 2002 году мотивы поведения США? "Вскрытие покажет". Но, думаю, не для того вешалось ружьё на стену, чтобы ржаветь — когда-то оно должно и выстрелить. Так что следите за событиями — кто падёт следующей жертвой американской военной машины? Правда, сейчас уже трудно ждать атаки на Саудовскую Аравию — она устрашена иракской войной и вряд ли выйдет в обозримом будущем из-под контроля США. Во всяком случае, прекратились странные визиты высокопоставленных саудовцев в Россию (а они были осенью 2002 года) — оказалось, что мы им не защита.

Значит, скорее всего Иран. Посмотрим, так ли уж сильно американцы боятся Северную Корею.

А в остальном пока серьёзных ошибок, несмотря на смелые (для начала двухтысячных годов) утверждения, не выявлено. Наоборот — падение добычи нефти в Англии и Норвегии признаётся уже на самом высоком уровне.

А кое-что и вовсе не изменилось. Всё так же, отвлекая внимание от реальной проблемы исчерпания энергоносителей, идёт массированная пропаганда опасности глобального потепления, и на Россию тоже. Только подумать, Россию, самую холодную страну мира, стращают потеплением! Так что нет, не устарела ещё эта книга.

Я рад, что вы, уважаемый читатель, держите её в руках.

Москва, 2003

Приложение

Атлантическая хартия

18 августа 1941 года

«Президент и премьер-министр от имени Соединенных Штатов и Соединенного королевства сделали следующее заявление:

1. Что их страны не стремятся к территориальным или другим приобретениям.

2. Что они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов.

3. Что они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; что они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

4. Что они, соблюдая должным образом свои существующие обязательства, будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны — великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран.

5. Что они стремятся добиться полного сотрудничества между всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение.

6. Что после окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды.

7. Что такой мир должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам.

8. Что они считают, что все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями. Они полагают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Они будут также помогать и поощрять всякие другие осуществимые мероприятия, которые облегчат миролюбивым народам избавление от бремени вооружений.

Общественно-политическое издание

Великие противостояния

А. Паршев
ПОЧЕМУ АМЕРИКА НАСТУПАЕТ

Зав. редакцией *Т. Минеджян*
Редактор *М. Григораш*
Художественный редактор *Л. Сильянова*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректор *И. Мокина*
Компьютерная верстка *Е. Бондаревой*

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, пр-д Ольминского, 3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, д. 28

Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Редакция приглашает к сотрудничеству авторов
E-mail редакции: artshist@astrel.ru
tatyanam@astrel.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Издательство «АСТРЕЛЬ» предлагает в серии «Великие противостояния» книгу

Максима Калашникова и Юрия Крупнова

«ГНЕВ ОРКА»

Война приближается. Она уже идет — пока в своей «мягкой» форме, охватывая весь мир. И есть серьезные причины для того, чтобы она разразилось в конце концов громом пушек. В смертельную схватку мы, люди, вступаем с антилюдьми, с новыми кочевниками. И поле боя тут — вся Земля... Против нас, людей, ополчилось Античеловечество, сделавшее своей базой Соединенные Штаты. По оружию Пятая мировая война будет комплексной, в том числе и ядерной, поскольку ядерное, нейтронное, биологическое, химическое и иное оружие массового поражения является чрезвычайно эффективным для уничтожения «избыточного» населения.

Пришло время войн информационных, аэрокосмических, которые ведутся высокоточным оружием с задатками искусственного интеллекта, время воплощенной фантастики, и против нас встанет такая сила, которую еще вчера мы сочли бы инопланетной. Бойцы-киборги, самолеты-роботы и боевые лазеры — вот с чем мы столкнемся завтра, сжимая в руках старый-престарый «калаш».
И в этой войне нам нельзя проиграть. Лучше умереть, чем быть рабами. Потому что иначе нас больше никогда не будет. Нас, России, больше не будет. Пора нам отнестись к России как к своей стране, которая сегодня страшно больна, но поднять которую сможем только мы.

М. Калашников,
Ю. Крупнов

По вопросам приобретения обращаться по адресу:

129085, Москва,
Звездный б-р, д. 21, этаж 7.
Отдел реализации учебной литературы издательской группы «АСТ»

Справки по телефону:

(095) 215-53-10
факс: 232-17-04
E-mail: astpub@aha.ru
http: //www. ast.ru

Издательство «Астрель»

предлагает в серии «Великие противостояния» книгу Максима Калашникова и Юрия Крупнова

«Оседлай молнию»

Россия все больше становится лишней, обанкротившейся страной. В мире сегодняшнем началась Пятая мировая война, которую упорно прячут под именем глобализации. И ведет эту войну уже не Америка, а скрытая за фасадом особая цивилизация новых кочевников – Вечный рейх, который стремится установить новый мировой порядок с разделением людей на касты господ и рабов.

В этой войне Россия обречена на новый передел и заклание.

Но так уж безнадежно наше положение?
С точки зрения обычной, аналитической стратегии Россия обречена. Враг обладает подавляющим превосходством во всех сферах. Но есть и другая стратегия – стратегия чуда, стратегия молниеносной войны, которая позволяет слабому победить сильного. Та, которая охватывает и военное дело, и политику, и экономику, и культуру, и науку с технологиями. Стратегия чуда становится ключом к нашему спасению.
Каковы же черты этой стратегии?
Мы исследуем этот вопрос на страницах нашей книги.

Максим Калашников,
Юрий Крупнов

Издательство «Астрель»

предлагает в серии
«Великие противостояния»
новую книгу Сергея Кремлёва

«Россия и Германия: вместе или порознь?»

Во второй книге Сергей Кремлёв анализирует период, когда ослабленная войной Веймарская Германия вступала на путь к Третьему националистическому рейху, а полутроцкистский СССР быстро перерастал в индустриальный СССР Сталина.

Не общность пресловутых тоталитарных режимов, а коренные геополитические интересы по-прежнему создавали основу для советско-германского партнерства. Это понимали и Сталин, и... Гитлер.

Но дружбе двух держав противились многие, включая наркома иностранных дел СССР Литвинова-Валлаха, лидеров Коминтерна и их оппонентов из западного лагеря – Эдуарда Эррио, Черчилля, Ллойд Джорджа и других деятелей по обе стороны Атлантики.

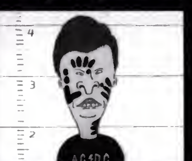
События и люди, причины и скрытые факторы изображаются автором убедительно, увлекательно и самобытно, давая во многом новую картину вроде бы хорошо известной всем эпохи.

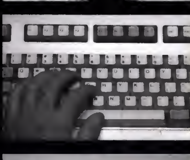

- г. Калининград, пл. Калинина д.17-21 тел.(0112)-44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл.,г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб.107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, 23 (3532)-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88А, тел.(8202)53-61-22
- г. Н.Новгород, пл. Горького д.1/61, тел.(8312)33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38А, тел. (0732)-13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел.(8462)-56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, проспект Космонавтов, д. 15 тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул.Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ 129085, Москва,
Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж
Справки по телефону
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail:astpub@aha.ru http://www.ast.ru

...Если учишься водить машину, одно из самых кошмарных ощущений — когда не держат тормоза. Ты давишь на педаль, а корма грузовика накатывается неумолимо... и будущее именно таково: как ни жми на тормоз, оно не перестанет к нам приближаться. Оно обязательно наступит, хотим мы этого или нет. Но попробуем, не страшась, заглянуть за горизонт.

Что же конкретно нам угрожает?
Что станет мерилом хорошей или плохой жизни людей в XXI веке?
Захватит нас всемирный потоп — или отсидимся?
Насколько наш информационный мир зависит от материального?
Кто знает, сколько на Земле нефти, и в частности, каковы ее российские запасы?
Является ли исчерпание нефти проблемой?
Нужна ли нам нефть?
Чего больше всего боялись американцы чуть не сорок лет подряд?
Самая крупная катастрофа — ледниковый период или глобальное потепление?
Почему реки в России высыхают?
Что такое культура евробутылки?
Что будет «справедливой» компенсацией для нефтедобывающих стран? Связка бус? «Мерседес» и «Боинг» для шейха?
Как сделать природный газ «дружелюбнее» и удобнее?
Что будет с Кубой, когда Фидель уйдет?
Склонны ли богатые нации раскрывать секреты своего пути к процветанию?
Смогут ли немцы примириться с Бивисом и Батхедом?
Что шведского в шведской компании ИКЕА?

И НАКОНЕЦ, ПОЖАЛУЙ, САМЫЙ ВАЖНЫЙ ДЛЯ НАС ВОПРОС — КУДА ИДЕТ ПОЕЗД ПО ИМЕНИ РОССИЯ?

ПРОЧИТАВ НОВЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
...ЖЕТ БЫТЬ,
...ЯНЕТЕ
...ОПЫТАЕТЕСЬ

...НИЙ.